

ASSASSIN'S CREED®

ОТКРОВЕНИЯ

Перевод - Airing и Хель

ОЛИВЕР БОУДЕН

Читайте так же в серии

Assassin's Creed

Ренессанс

Братство

Тайный крестовый поход

Assassin's Creed

Откровения

ОЛИВЕР БОУДЕН

PENGUIN BOOKS

THE BERKLEY PUBLISHING GROUP

Published by the Penguin Group

Penguin Group (USA) Inc.

375 Hudson Street, New York, New York 10014, USA

Penguin Group (Canada), 90 Eglinton Avenue East, Suite 700, Toronto, Ontario M4P 2Y3,
Canada (a division of Pearson Penguin Canada Inc.)

Penguin Books Ltd., 80 Strand, London WC2R 0RL, England

Penguin Group Ireland, 25 St. Stephen's Green, Dublin 2, Ireland (a division of Penguin Books
Ltd.) Penguin Group (Australia), 250 Camberwell Road, Camberwell, Victoria 3124, Australia
(a division of Pearson Australia Group Pty. Ltd.)

Penguin Books India Pvt. Ltd., 11 Community Centre, Panchsheel Park, New Delhi—110 017,
India Penguin Group (NZ), 67 Apollo Drive, Rosedale, Auckland 0632, New Zealand
(a division of Pearson New Zealand Ltd.)

Penguin Books (South Africa) (Pty.) Ltd., 24 Sturdee Avenue, Rosebank, Johannesburg 2196,
South Africa

Penguin Books Ltd., Registered Offices: 80 Strand, London WC2R 0RL, England

This is a work of fiction. Names, characters, places, and incidents either are the product of the
author's imagination or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or
dead, business establishments, events, or locales is entirely coincidental. The publisher does not
have any control over and does not assume any responsibility for author or third-party websites
or their content.

ASSASSIN'S CREED® REVELATIONS

An Ace Book / published by arrangement with Penguin Books Ltd.

PRINTING HISTORY

Ace premium edition / December 2011

Copyright © 2011 Ubisoft Entertainment. All Rights Reserved. Assassin's Creed, Ubisoft, and
the Ubisoft logo are trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

All artworks are the property of Ubisoft.

All rights reserved.

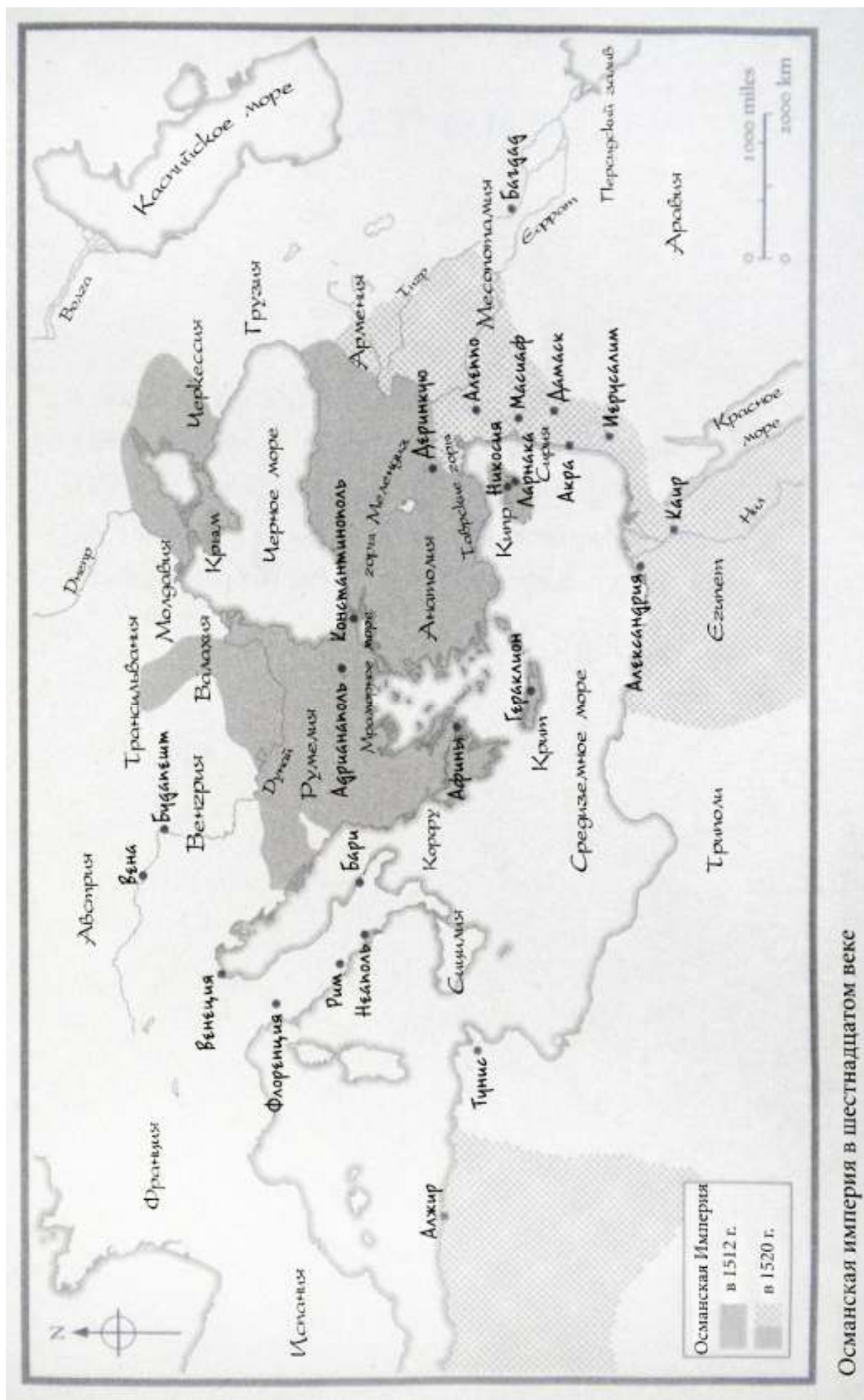
No part of this book may be reproduced, scanned, or distributed in any printed or electronic form
without permission. Please do not participate in or encourage piracy of copyrighted materials in
violation of the author's rights. Purchase only authorized editions.

For information, address: The Berkley Publishing Group,
a division of Penguin Group (USA) Inc.,
375 Hudson Street, New York, New York 10014.
ISBN : 978-1-101-57100-2

ACE

Ace Books are published by The Berkley Publishing Group,
a division of Penguin Group (USA) Inc.,
375 Hudson Street, New York, New York 10014.
ACE and the "A" design are trademarks of Penguin Group (USA) Inc.
<http://us.penguingroup.com>

Перевод – Airing
Вычитка и редактирование – Хель
Особая благодарность – нашим постоянным читателям MrJJ и Flyer
Приятного чтения :)

Османская империя в шестнадцатом веке

ЧАСТЬ 1

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!*

*Данте, Божественная Комедия, Ад, Песнь первая**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Высоко в чистом безоблачном небе парил орел.

Путешественник в пыльной, потрепанной одежде отвел глаза от птицы, остановился, посмотрел на низкую неровную стену и на мгновение замер, оценивая открывшуюся перед ним картину внимательным взглядом. Скалистые, покрытые снегом горы окружали и защищали замок, возвышавшийся на гребне скалы. Купол огромной башни был словно зеркальным отражением купола маленькой тюремной башенки. Твердые скалы, словно когтями, вцепились в основание серых отвесных стен. Путешественник не в первый раз видел замок - днем раньше он разглядел его в сумерках, когда поднялся на мыс в миле к западу от замка. словно по колдовству выстроенный в этом невероятном месте, замок, казалось, давно врос в скалы.

Наконец-то он достиг цели. После двадцати месяцев изнурительного и такого долгого путешествия - через море и бури.

На всякий случай пригнувшись, путешественник инстинктивно проверил оружие, продолжая смотреть на замок, ища признаки движения. Всё что угодно.

На зубчатых стенах не было ни души. Вьюжил пронизывающий ветер, но не было никаких признаков человека. Замок казался пустым. Как и ожидал странник, прочитав о нем в дневнике. Но жизнь научила его всегда оставаться настороже, поэтому он не шевельнулся.

Ни звука, кроме воя ветра. И тут - что-то неясное. Скрежет? Впереди, чуть слева от него, вниз по голому склону скатилось несколько камешков. Путешественник напрягся и слегка выпрямился, втянув голову в плечи. А потом, пробив доспехи, в правое плечо ему вонзилась стрела.

Он пошатнулся и схватился за древко стрелы, поморщившись от боли, потом поднял голову, пристально глядя в скалистый обрыв примерно двадцати футов в высоту, служивший замку естественным ограждением. Там появился человек, одетый в выцветшую красную тунiku, серую верхнюю одежду и доспехи. Он носил капитанские знаки различия, непокрытая голова была гладко выбрита, а лицо справа налево пересекал уродливый шрам. Он открыл рот - отчасти в грозном рыке, отчасти в торжествующей улыбке - обнажая неровные зубы, темные, словно надгробные плиты на всеми забытом кладбище.

Путешественник потянул древко стрелы. Несмотря на то, что зазубренный наконечник пробил броню, застряв в металле, он едва зацепил тело. Путешественник переломил древко, отбросил стрелу в сторону, и почти сразу увидел больше сотни вооруженных людей, одетых, как и первый. Сжимая в руках алебарды и мечи, они выстроились вдоль гребня по обе стороны от бритоголового капитана. Шлемы скрывали лица, но герб с черным орлом на их туниках ясно говорили страннику, кто перед ним, и что они сделают с ним, если возьмут живым.

Неужели он настолько стар, чтобы так легко угодить в ловушку? Он же принял все меры предосторожности.

Но это не помогло.

Он отступил, готовый к нападению. Противники спрыгнули с неровного обрыва и, выставив вперед алебарды, разошлись веером, чтобы окружить странника. Несмотря на численное превосходство, путешественник чувствовал, что они его боятся. Его репутация шла впереди него, и они были правы, проявляя осторожность.

Он внимательным взглядом изучил лезвия алебард. Это было оружие смешанного типа - одновременно и секира, и пика.

Путешественник согнул руки, и на запястьях выскочили два тонких, серо-стальных скрытых клинка. Сконцентрировавшись, он увернулся от первого удара, чувствуя, что атака была нерешительной - они собираются попытаться взять его живым? Удары посыпались со всех сторон, неприятели пытались сбить его с ног.

Он развернулся и двумя ловкими движениями проскользнул под ближайшими алебардами, перехватил древко одной из них, дернул на себя, одновременно разворачивая оружие, и загнал лезвие секиры в грудь бывшего владельца алебарды.

Противники наступали, и у него едва хватило времени, чтобы пригнуться, когда пика со свистом прошла сверху, в дюйме от его согнутой спины. Путешественник развернулся и глубоко вонзил клинок на левой руке в ногу противника, стоявшего у него за спиной. Мужчина с воем упал.

Путешественник подхватил выроненную им алебарду, которая мгновения назад едва не сбила его с ног, и с разворота ударил противника, подкравшегося сзади, отрубая ему руки. Конечности пролетели по дуге, - пальцы согнулись, словно умоляя о пощаде, - а за ними следом, словно кроваво-красная радуга, вился шлейф крови.

На мгновение неприятели замешкались, но за свою жизнь они видели зрелища и пострашнее, поэтому у путника была лишь секундная передышка, прежде чем их ряды вновь сомкнулись. Он снова взмахнул алебардой, лезвие вонзилось глубоко в шею противника, мгновение назад бросившегося в атаку. Странник выпустил из рук древко и убрал один из скрытых клинков, чтобы освободить себе руки и попытаться схватить сержанта с палахом. Это ему удалось, и путешественник, отбросив мужчину в сторону его же союзников, подхватил меч. Взвесив в руке оружие и ощутив, как напряглись мышцы, скиталец едва успел вскинуть меч, чтобы расколоть шлем очередного алебардщика, который подкрадывался сзади слева, надеясь, что попадет в слепое пятно, и его не заметят.

Меч был хорош. Куда лучше, чем легкая сабля, висевшая на боку, которую он купил по дороге. А скрытые клинки пригодятся для ближнего боя - они никогда его не подводили.

С обрыва у замка спрыгнули ещё люди. Сколько их потребуется, чтобы одержать верх над одиночкой? Его окружили, но он вертелся и прыгал, путая их, пытаясь выйти из блокады. Он отбил очередной удар, занял устойчивую позицию, парировал выпад меча защитной пластиной на левом запястье и обрушил свой меч на атакующего.

После этого на мгновение все стихло. Почему? Путешественник замер, переводя дыхание. Во время атаки у него не было возможности даже вздохнуть. Подняв взгляд, он увидел, что всё ещё окружен солдатами в стальных кольчугах.

Но за ними путешественник увидел кое-кого ещё.

Совершенно другого. Он шел между солдат. Никем не замеченный, спокойный. Молодой человек в белых одеждах. Они чем-то напоминали одежды самого путешественника - голову покрывал похожий капюшон с острым кончиком, напоминающий со стороны клюв орла. Путешественник приоткрыл рот от удивления; вокруг повисла тишина. Всё, казалось, замерло. Всё, кроме молодого человека в белом, который медленно шел вперед. Неуклонно, спокойно, бесстрашно.

Молодой человек шел между атакующих, словно по кукурузному полю - не касаясь ни единого человека. Поверх его пояса была застегнута пряжка. Неужели точно такая же, как у путешественника? С той же эмблемой? Эмблемой, которая уже больше тридцати лет была клеймом на сознании странника - с тех самых пор, как клеймо появилось и у него на пальце.

Путешественник моргнул, а когда открыл глаза, видение - или что это было - уже исчезло. Шум, запахи, опасность вернулись, как и всё остальное; вернулись и обрушились на него. Шеренга за шеренгой на него шли враги, наконец-то осознавшие, что противник не сможет ни справиться с ними, ни сбежать.

Но почему-то путешественник больше не чувствовал себя одиноким.

Времени думать не было. Они неумолимо приближались, одновременно напуганные и разозленные. Удары посыпались градом, их было слишком много, чтобы парировать все. Путешественник яростно сражался, убив ещё пятерых, потом - десятерых. Но враг был гидрой с тысячью голов. Огромный мечник подскочил и обрушил на путешественника двадцатифутовое лезвие. Он поднял левую руку, принимая удар на защитный браслет, развернулся и ударил в ответ мечом, одновременно нанося удар клинком на правой руке. Но атакующему повезло. Импульс от удара алебарды, пришедший на защитную пластину, оказался слишком силен, чтобы полностью отбить лезвие. Оно скользнуло в сторону к левому запястью и переломило скрытый клинок. В этот же самый момент путешественник потерял равновесие, запнувшись о камень и подвернув ногу. Он не смог ничего поделать и упал, растянувшись на каменистой земле.

Солдаты окружили лежащего, направив на него алебарды. Люди до сих пор были напряжены и напуганы, не смея радоваться победе. Наконечники пик уткнулись в спину путника. Одно движение - и он будет мертв.

Но он ещё не был готов к смерти.

Хруст камней под сапогами. Кто-то приближался. Путешественник слегка повернул голову и увидел стоящего над ним бритоголового капитана. Шрам на его лице был багровым. Капитан наклонился так низко, что странник почувствовал его дыхание у себя на лице.

Затем воин сдернул с головы путешественника капюшон, чтобы увидеть лицо. И улыбнулся, когда его ожидания подтвердились.

- Наставник все-таки прибыл. Эцио Аудиторе да Фиренце. Мы ждали тебя, в чем ты, без сомнения, уже убедился. Для тебя, наверное, шок, увидеть старую крепость своего Братства в наших руках. Но это должно было случиться. Несмотря на все ваши усилия, мы одержали победу.

Он выпрямился и приказал двум сотням окружавших Эцио солдат: «Заприте его в камере башни. И не забудьте связать покрепче».

Эцио поставили на ноги и торопливо связали.

- Нас ждет небольшая прогулка и несколько лестниц, - произнес капитан. - А потом тебе лучше помолиться. Утром мы тебя повесим.

Высоко над ними продолжал парить орел. Никто не замечал его. Прекрасного. Свободного.

* Здесь и далее перевод стихов взят из книги "Божественная Комедия", изд. НАУКА, Москва, 1967. Перевод М. Лозинский. — здесь и далее примечание переводчика.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Орел всё ещё кружил в небе. Оно было бледно-голубым, обесцвеченным солнцем, все еще по-зимнему тусклым. Темный силуэт хищной птицы кружил и кружил, высматривая цель. Его тень на мгновение скользнула по голым скалам далеко вниз и исчезла, когда птица пролетела дальше.

Эцио смотрел на орла через узкое окно - ни дать, ни взять трещина в камне - и взгляд у него был таким же беспокойным, как движения птицы. Как и мысли. Неужели он проделал весь этот долгий путь для того, чтобы все закончилось вот так?

Он стиснул кулаки, и мышцы ощутили отсутствие скрытых клинков, которые хорошо послужили ему на протяжении многих лет.

Но он знал, где они сложили его оружие после того, как устроили ему засаду, одержали победу и привели сюда. На губах его заиграла мрачная улыбка. Эти солдаты были сильно удивлены, осознав, что старый лев ещё способен выпускать когти.

А еще Эцио знал замок из схем и чертежей. Он так хорошо изучил их, что они впечатались ему в память.

Но пока он был в камере в одной из самых высоких башен великой крепости Масиаф, цитадели, некогда бывшей оплотом ассасинов. Долгое время она была заброшена, а теперь попала в руки тамплиеров. Эцио был один, безоружный, умирающий от голода и жажды. Палачи не пожалели сил, чтобы как следует избить его, и теперь одежда была грязной и порванной. Но он не собирался легко сдаваться. Он знал, зачем тамплиеры явились сюда, и должен был их остановить.

Тем более что он ещё жив.

Эцио снова посмотрел на орла. Он видел крылья, каждое перышко, расправленный хвост, покрытый черно-коричневыми и белыми пятнами, как и борода у самого Эцио. И белоснежные кончики крыльев.

Мысленно он вернулся назад, проследив путь, приведший его сюда.

Иные башни, иная зубчатая стена. Как в Виане, со стены которой он сбросил Чезаре Борджиа. Было это в год Господа нашего 1507. Сколько минуло с тех пор? Четыре года. Но это могло быть и четырьмя веками ранее, казалось, так давно это было. И иные враги, иные «хозяева» мира, которые приходили и уходили в поисках Тайны, в поисках Силы, и нескончаемая битва с ними.

Битва. Всю его жизнь.

Орел продолжал кружить, движения его были сосредоточенными. Эцио смотрел на него, зная, что хищник заметил добычу и полностью сфокусировался на ней. Кого он углядел там, внизу? В деревне, окружавшей замок, казавшейся в его тени ничтожной и несчастной, наверняка был скот, и даже клочок возделанной земли. Возможно, по скалистым склонам низких холмов скакал козел, слишком молодой и неопытный или слишком старый и уставший, а может и раненый. Орел взлетел к солнцу, его силуэт исчез в слепящих лучах. А потом, сузив круги, орел завис в безбрежном голубом небе и рухнул, обрушился вниз, словно молния, и исчез из поля зрения.

Эцио отвернулся от окна и осмотрел камеру. Прочная кровать из темного дерева - просто доски, без какой-либо подстилки - стул, стол. Распятия на стене не было. Ничего, кроме простой деревянной ложки и миски, в которой всё ещё лежала безвкусная каша, которую принесли Эцио. И ещё деревянная чаша с водой. Не смотря на жажду и голод, Эцио боялся наркотических веществ, которые могли его ослабить, лишить силы, когда придет время действовать. Возможно, тамплиеры намеренно отравили его еду и воду.

Он повернулся в узкой камере, но грубые каменные стены не приносили ни удобства, ни надежды. Здесь не было ничего, что можно было бы использовать для побега. Эцио вздохнул. В Братстве были ассасины, знавшие о его миссии. Они хотели составить ему компанию, даже не смотря на его заявление, что он отправится в путь в одиночестве. Возможно, когда от него не будет вестей, они отправятся следом. Но, возможно, тогда уже будет слишком поздно.

Что уже известно тамплиерам? Сколько тайн уже попало им в руки?

Его поиски, в самый плодотворный момент оборванные этой досадной задержкой, начались вскоре после возвращения в Рим, где в день летнего солнцестояния, в его сорок восьмой день рождения, он попрощался со своими товарищами, Леонардо да Винчи и Никколо Макиавелли. Никколо вернулся во Флоренцию, Леонардо - в Милан. Леонардо рассказывал о том, что собирается принять предложение патронажа от Франциска, наследника престола Франции, и его подарок - резиденцию в Амбуазе, на реке Луаре. По крайней мере, так он писал в письмах к Эцио.

Эцио улыбнулся, вспомнив друга. Леонардо, чей разум постоянно переполняли идеи, всегда находил время, чтобы навестить его. Эцио с сожалением подумал о скрытом клинке, сломанном в бою. Леонардо - как же он по нему соскучился! - единственный человек, которому Эцио действительно мог доверять. Лео послал Эцио чертежи нового устройства, которое он назвал «парашют». Ещё в Риме Эцио смог создать это устройство и упаковал вместе с остальными вещами. Ассасин сомневался, что тамплиеры поймут, для чего оно предназначено. Нужно будет воспользоваться этим устройством, как только представится шанс.

Если представится.

Он отогнал от себя мрачные мысли.

Сейчас он ничего не мог сделать, не мог сбежать, пока они не придут за ним, чтобы повесить. Поэтому он должен составить план, что делать дальше. Он подозревал, что, как и раньше, ему придется импровизировать. Эцио попытался отдохнуть. Он был в хорошей форме, не оставляя тренировки даже в таком возрасте. А путешествие только укрепило его. Но даже в таких условиях он был рад возможности отдохнуть после боя.

Всё началось с письма.

Пользуясь благосклонностью Папы Юлия II, который помог ему одержать победу над семейством Борджиа, Эцио восстановил и перестроил Братство ассасинов в Риме и основал там базу Ордена.

Какое-то время тамплиеры бездействовали, и Эцио переложил ответственность за операции в умелые руки своей сестры, Клаудии. Но ассасины оставались настороже, зная, что тамплиеры рано или поздно в тайне перегруппируются и не остановятся ни перед чем, разыскивая инструменты, с помощью которых, в соответствии с их мрачной доктриной, смогут контролировать мир.

Пока они отступили, но зверь ещё был жив.

Эцио ощущал радость и удовлетворение (и поделился этим тайным знанием с Макиавелли и Леонардо) от того, что Яблоко Эдема, попавшее ему в руки и ставшее причиной стольких страданий и смертей в борьбе за обладание им, было спрятано глубоко в подземельях церкви Сан-Николо-ин-Карчере, в секретной запечатанной комнате, отмеченной священным символом Братства. Его мог разглядеть и расшифровать только ассасин. Величайшая из Частиц Эдема была надежно скрыта от амбициозных желаний тамплиеров. И Эцио надеялся, что навсегда.

После вреда, нанесенного Братству Борджиа, нужно было многое восстановить, привести в порядок. Этой задачей Эцио безропотно и занялся, хотя больше любил движение и открытый воздух, чем нудную работу в пыльных архивах. Эта работа больше подходила последнему секретарю отца, Джулио, или книжнику Макиавелли. Но Макиавелли тогда командовал ополчением во Флоренции, а Джулио давно умер.

Тем не менее, Эцио отдавал себе отчет в том, что если бы не был обременен столь скучной работой, то никогда бы не нашел того письма. Или, если бы его нашел кто-то другой, то он бы не понял, какое огромное значение оно имеет.

Письмо, которое он нашел в кожаной сумке, было хрупким от старости. Его написал отец Эцио, Джованни, своему брату Марио, человеку, который обучил его военному искусству

и тридцать лет назад принял в Братство. Марио. Эцио вздрогнул, вспомнив его. Марио погиб от жестокой руки трусливого Чезаре Борджиа во время битвы за Монтериджони. И хотя Эцио давно отомстил за дядю, письмо открыло для него новую главу его жизни, а содержание дало возможность отправиться в новую миссию. Он нашел его в 1509 году, когда ему исполнилось пятьдесят. Эцио прекрасно осознавал, что людям его возраста редко выпадает шанс отправиться на задание. Кроме того, письмо дало ему надежду и возможность навсегда избавиться от тамплиеров.

*Палаццо Аудиторе
Флоренция
IV февраля MCDLVIII*
Дорогой брат...*

Те, кто противостоит нам, набирают силу. В Риме появился человек, принявший командование над нашими врагами. Возможно, он представляет собой могучую силу, с которой тебе и мне придется считаться. Поэтому я под печатью строжайшей секретности передаю тебе следующую информацию. Если судьба настигнет меня, я прошу тебя - если потребуется, ценой твоей жизни, - сделать так, чтобы эта информация никогда не попала в руки наших врагов.

Как ты знаешь, в Сирии есть замок, именуемый Масиафом, некогда бывший резиденцией нашего Братства. Два века назад наш Наставник, Альтаир ибн Ла-Ахад, величайший ассасин нашего Ордена, разместил глубоко под крепостью библиотеку.

Больше я пока ничего не скажу. Осторожность требует, чтобы всё, что я ещё могу тебе рассказать, было передано при встрече, но никак не записано.

Я бы хотел сам отправиться на поиски, но времени нет. Наши враги давят на нас, и мы не можем тратить время ни на что иное, кроме как на то, чтобы дать им отпор.

Твой брат, Джованни Аудиторе.

Вместе с этим письмом в сумке лежал листок бумаги – соблазнительный фрагмент некогда большого текста, явно написанный рукой отца. Тем не менее, сам текст ему не принадлежал – это был перевод некоего более древнего документа. И там, на пергаменте, были написаны слова, близкие по содержанию к тому, что размещалось на страницах Кодекса, которые отыскиали Эцио и его товарищи тридцатью годами ранее: «Я провел с артефактом уже много дней. Или это были недели? Месяцы? Время от времени ко мне приходят люди – они предлагают еду или развлекают меня. И хотя глубоко в душе я знаю, что должен отказаться от этих темных исследований, мне всё сложнее и сложнее выполнять свои обычные обязанности. Малик поддерживает меня, но даже сейчас былая резкость проскальзывает у него в голосе. Но моя работа должна продолжаться. Я должен понять Яблоко Эдема. Назначение Яблока очень простое – даже слишком. Подчинение. Контроль. Но процесс... методы и способы, которые оно использует...это нечто **поразительное**. Воплощенное искушение. Всем, кто попадает в его сияние, оно обещает то, о чем они мечтают. А взамен Яблоко просит только об одном: о полном и безоговорочном повиновении. И кто мог бы отказаться от такого предложения? Я помню свой момент слабости, когда слова Аль Муалима, моего Наставника, потрясли меня. Он, заменивший мне отца, оказался моим злейшим врагом. И одной лишь тени сомнения было достаточно для него, чтобы управлять моим сознанием. Но я победил его фантомов, обрел уверенность в себе и отправил Аль Муалима в мир иной. Я освободился от его контроля. Но теперь я думаю... Освободился ли я? Ведь теперь я сижу и снова отчаянно пытаюсь понять то, что я поклялся уничтожить. Я чувствую, что это больше, чем просто оружие или инструмент для управления умами людей. Так ли это? Возможно, эти выводы просто следуют из его простой формы, а на самом деле оно показывает мне то, что я хочу больше всего. Знания... Они где-то близко. Просто вне досягаемости. Зовут. Обещают. Искушают...». Здесь старый пергамент обрывался,

остальной текст был утрачен. Действительно, пергамент был настолько хрупким, что едва он прикоснулся к нему, как края его осыпались от старости.

Тогда Эцио мало что понял из прочитанного, но в тексте было что-то знакомое, настолько, что по коже пробежали мурашки, а волосы на голове зашевелились.

Едва Эцио вспомнил об этом, сидя в камере в башне Масиафа, как снова ощутил тот же трепет. Он смотрел, как солнце медленно исчезает за горизонтом, и думал, что это может быть последний день его жизни.

Эцио снова вспомнил старый манускрипт. Именно он, больше чем всё остальное, сподвиг его отправиться на восток, в Масиаф.

Без особой причины Эцио вспомнил молодого человека в белом. Казалось, стоило ассасину увидеть его, как битва вокруг стихла. Он появился и исчез так загадочно, словно видение, но, без сомнения, он был настоящим и, без сомнения, пытался что-то ему сказать.

* 1458 год.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Подготовка к путешествию заняла у Эцио остаток года и часть следующего. Он съездил на север, во Флоренцию, и поговорил с Макиавелли, хоть и не сказал ему всего, что знал. В Остии он заехал к Бартоломео д'Альвиано, который заметно пополнил от хорошей еды и вина, но оставался таким же свирепым, как раньше, не смотря на то, что теперь он был семейным человеком. У них с Пантасилеей родилось три сына, а месяц назад появилась и дочь. И что он же сказал?

- Время не стоит на месте, Эцио! Никто из нас не становится моложе.

Эцио улыбнулся. Барто повезло куда больше, чем он сам подозревал.

Эцио сожалел, что времени на то, чтобы съездить дальше на север, в Милан, уже не оставалось. Но он держал оружие в хорошем состоянии – и клинки, и пистолет, и защитную пластину, - и времени, чтобы соблазнить Леонардо возможностью сделать их еще лучше, не было. Да и сам Леонардо сказал годом ранее, во время последнего осмотра оружия Эцио, что сейчас оно идеально.

Это ещё предстояло проверить на деле.

Во Флоренции Макиавелли поделился с ним новостями. В этот город Эцио по-прежнему вступал с грустью – терзали воспоминания о погибшей семье и лишении наследства. О его последней любви – первой и, если задуматься, единственной настоящей любви всей его жизни - Кристине Веспуччи. Двенадцать лет. Неужели она так давно умерла от рук фанатиков Савонаролы? И вот теперь очередная смерть. Макиавелли нерешительно рассказал, что вероломная Катерина Сфорца, разрушившая жизнь Эцио так же, как Кристина осветила её, умерла. Беспольной старухой сорока шести лет, забытой и бедной, давно утратившей как жизненные силы, так и уверенность.

За всю свою жизнь Эцио не раз думал, что лучшая компания, на которую он вообще может рассчитывать, - это он сам.

Но у него не было времени, чтобы горевать или размышлять о собственной несостоявшейся жизни. Время летело быстро, наступило Рождество, и ещё многое предстояло сделать.

Наконец, в начале нового года в день святого Илария* Эцио был готов. Был назначен день отъезда из Рима, и в сопровождении Бартоломео Эцио собирался отправиться через Неаполь в южный порт Бари.

А в Бари он возьмет корабль.

* Епископ Аквилейский, священномученик (убит ок. 284 года). День памяти — 16 марта. Святой Иларий, его диакон Татиан, миряне Феликс, Ларг (Largus) и Денис были обезглавлены во времена императора Нумериана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- Бог с тобой, брат, - сказала Эцио Клаудия в его последнее утро в Риме. Он встали ещё затемно, а на рассвете Эцио собирался уезжать.

- Позаботься обо всем, пока меня не будет.

- Ты во мне сомневаешься?

- Нисколько. Ты меня так и не простила за тот случай?

Клаудия улыбнулась.

- В Африке есть огромный зверь, которого называют «слон». Говорят, они никогда ничего не забывают. Так же и женщины. Не волнуйся, Эцио. Я за всем присмотрю до твоего возвращения.

- Или до назначения нового Наставника.

Клаудия оставила эту реплику без ответа. На лице у неё появилось беспокойство.

- Эта миссия... Почему ты едешь один? Почему так мало рассказал, зачем и куда едешь?

- В одиночку я буду передвигаться быстрее, - ответил Эцио. - Я оставил тебе бумаги отца. Распечатай их, если я не вернусь. Я уже рассказал тебе всё, что нужно знать о Масиафе.

- Джованни был и моим отцом.

- Но он возложил эту ответственность на меня.

- Ты сам возложил её на себя, брат.

- Я Наставник, - скромно ответил он. - Это моя ответственность.

Клаудия посмотрела на брата.

- Тогда безопасной тебе дороги. Не забывай писать мне.

- Не забуду. И не беспокойся за меня: пока я буду в Италии, между Римом и Бари, Барто будет сопровождать меня всю дорогу.

Но Клаудия по-прежнему выглядела встревоженной. Эцио тронуло то, что в сердце сильной и упрямой женщины, в которую превратилась его сестра, всё ещё остается любовь к нему. Его путь лежал через южные территории Италии, контролируемые Арагоной, но король Фердинанд помнил о своем долге перед Эцио.

- Тебе не следует волноваться, - сказал он, будто прочитав её мысли, - со мной ничего не случится, пока я не сяду на корабль. А потом... Мой путь лежит так далеко на север, что я могу не волноваться о пиратах. А после Корфу мы обогнем греческий полуостров.

- Я больше беспокоюсь о благополучном завершении дела, которым ты намереваешься заняться. Не то что бы я не беспокоилась о тебе...

- Правда? Спасибо.

Она улыбнулась.

- Ты знаешь, о чем я. После всего того, что ты мне рассказал - а видит святая Вероника, ты сказал мне лишь малую часть - для нас будет важно, чтобы всё закончилось хорошо.

- Поэтому я и уезжаю. Пока тамплиеры снова не набрали силу.

- Чтобы перехватить инициативу?

- Что-то вроде.

Клаудия обхватила ладонями лицо брата. Он видел её в последний раз. В свои сорок девять она всё ещё оставалась поразительно красивой, темные волосы не потеряли своего цвета, а сама она - своего вспыльчивого характера. Иногда он жалел, что после смерти мужа она не нашла себе другого мужчину. Но она всем сердцем была предана детям и работе и не делала секрета из того, что ей нравится жить в Риме, который под управлением Папы Юлия снова стал многонациональным городом и настоящей Меккой для верующих, артистов и художников.

Они обнялись, и Эцио вскочил в седло, встав во главе небольшой кавалькады. Его сопровождали пятнадцать всадников под командованием Барто, который уже сидел верхом. Его могучий конь нетерпеливо бил копытом, желая отправиться в путь. Так же с ними ехала повозка с продовольствием. Всё, что нужно было самому Эцио, умещалось в две кожаные сумки. «Добуду необходимое по пути», - пояснил он Клаудии.

- Это ты умеешь, - криво усмехнувшись, ответила сестра.

Усевшись в седло, Эцио поднял руку и развернул коня. А потом бок о бок с Барто поехал вниз вдоль восточного берега реки, прочь от штаб-квартиры ассасинов на острове Тиберины, к городским воротам, а оттуда - по дороге на юг.

* * *

Дорога до Бари заняла пятнадцать дней. В порту Эцио торопливо попрощался со старым другом, чтобы не пропустить первый прилив. Он взял корабль, принадлежащий турецкому торговому флоту, которым управлял Пири Рейс и его семья. Разместившись в каюте большого грузового «доу», под названием «Анаан»*, на котором Эцио был единственным пассажиром, он воспользовался возможностью проверить в очередной раз свое оружие. Два скрытых клинка, по одному на каждое запястье, защитная пластина на левом предплечье, мечи, пистолет, сконструированный Леонардо, и другое оружие, созданное на основе древних чертежей со страниц Кодекса ассасинов.

Эцио путешествовал налегке. Он надеялся, что Масиаф, если ему все-таки посчастливится отыскать его, будет пуст. В то же время его беспокоило то, что сейчас, во время некоего перемирия, ассасины почти ничего не знали о замыслах тамплиеров.

Весь отрезок пути до Корфу Эцио был обеспокоен, хоть и знал, что бояться нечего. Пири Рейс был замечательным капитаном Османской империи, и сам некогда был пиратом. А экипаж Рейса знал, как справиться с теми из пиратов, которые не испытывают страха перед именем Пири. Эцио подумал, встретится ли он сам когда-нибудь с этим великим человеком. И если да, он надеялся, что Пири, не славящийся добродушностью, не припомнит ему историю, когда Братство заставило Рейса отдать ассасинам некоторые из его замечательных карт.

Сами турки (или османы, как они себя называли) властвовали над Грецией и большей частью восточной Европы - их территории на западе почти граничили с территориями Венецианской республики. Такое положение дел мало кого устраивало, в особенности это касалось европейцев, которые были недовольны, что в Европе становится всё больше и больше турков. Но Венеция после противостояния продолжила торговлю со своими мусульманскими соседями, и Серениссима сохранила контроль над Корфу, Критом и Кипром.

Эцио считал сложившуюся ситуацию крайне неустойчивой - османы уже заявили притязания на Кипр - но в данный момент между странами был заключен мир, а султан Баязид был слишком занят внутрисемейными раздорами, чтобы волноваться о проблемах на Западе.

Огромный корабль с большим белым парусом прорезал воды подобно мечу, и, не смотря на неблагоприятный ветер, шел с хорошей скоростью, поэтому путь по устью Адриатического моря занял чуть больше пяти дней. Встретившись с губернатором Корфу - жирным итальянцем Франко, который любил, чтобы его называли Спиридоном, в честь местного святого, и который давно променял политику на сибаритство - Эцио переговорил с капитаном корабля.

Они стояли на балконе виллы губернатора и смотрели на пальмы, растущие в порту, под синим бархатом неба. Они договорились, что Эцио поплывет на корабле до Афин, что обошлось ассасину в увесистый мешочек венецианских сольди.

- Мы идем до Афин, - сказал капитан. - Обогнем побережье. Я ходил этим путем уже двадцать раз, так что никаких проблем не будет. А оттуда вы легко сядете на корабль до Крита или даже Кипра. Когда мы доберемся до Афин, я познакомлю вас с моим шурином Ма'Муном. Он экспедитор и поможет вам с кораблем.

- Буду признателен, - кивнул Эцио. Он надеялся, что капитан знает, о чем говорит. «Анаан» вез в Афины важный груз - специи. Эцио вспомнил свое детство и отца, бывшего одним из лучших банкиров Флоренции. Ассасин помнил, что этот груз делает из «Анаана» заманчивую цель для любого пирата. И страх перед именем Пири Рейса окажется слабее искушения. Если придется сражаться на корабле, главное - скорость и

ловкость, поэтому на следующий день Эцио отправился к оружейнику и купил саблю из закаленной стали, что обошлось ему еще в сотню сольди.

- Лучше перестраховаться, - сказал себе Эцио.

На следующий день на рассвете вместе с приливом они отправились в путь. Корабль плыл на юг параллельно берегу, держась примерно в миле от него. Солнце сверкало на серебристо-голубых волнах, теплый ветер мягко трепал волосы. Только Эцио никак не мог заставить себя расслабиться.

Его опасения оправдались, когда они проходили мимо южного берега острова Закинф. Свежий северный ветер наполнял паруса, унося корабль всё дальше в море, покрытая рябью вода становилась все темнее. Солнце опускалось за горизонт, и было таким ярким, что в его сторону невозможно было смотреть, не щурясь. Эцио наблюдал, как моряки выбросили за борт лаг, чтобы измерить скорость.

Позднее он и сам не смог бы точно сказать, что именно привлекло его внимание. Возможно морские птицы, летевшие сбоку от корабля и время от времени нырявшие за рыбой. Но это были не птицы. Корабль. Точнее, два корабля. Со стороны заходящего солнца к ним приближались две морские галеры, надеявшиеся застать судно врасплох. Они были совсем рядом.

Корсары подплыли практически вплотную, поэтому у капитана не было времени отдать команде приказ вооружиться и занять боевые посты. Пираты перебросили «кошки» на оба борта «Анаана» и стали перебираться на палубу, а Эцио бросился на ют, чтобы вооружиться. К счастью, он захватил с собой саблю, что помогло ему прорваться к цели через пятерых моряков-берберов.

Тяжело дыша, Эцио поспешно надел наруч с защитной пластиной и пистолет. Он был вполне уверен в ятагане, поэтому решил не брать скрытые клинки, которые спрятал в тайнике в каюте.

Когда он вернулся на палубу, то там уже звучал знакомый звон стали, а в воздухе висел запах крови. Впереди разгорелось пламя, и сменившийся ветер угрожал перебросить его с кормы на сам корпус. Эцио приказал двум османским морякам прихватить ведра и попытаться потушить огонь водой из резервуара, но в этот момент на Эцио с такелажа прыгнул пират. Один из моряков предупреждающе крикнул, и Эцио повернулся, одновременно приводя в действие механизм на запястье. Времени прицелиться не было, он выстрелил и отступил, уворачиваясь от упавшего на палубу тела.

- Наберите воду и потушите огонь, прежде чем он охватит весь корабль, - крикнул Эцио. - Если корабль загорится, мы его потеряем.

Эцио убил еще трех-четырех берберов, бросившихся к нему. Ассасин чувствовал, что если атака пиратов будет успешна, он будет единственным, кто сможет справиться с ними. В конечном итоге он оказался лицом к лицу с капитаном пиратов – крепким громилой с английскими кортиками в каждой руке, несомненно, доставшимися ему от одной из его несчастных жертв.

- Сдавайся, венецианская собака! - прорычал капитан.

- Первая ошибка, - отозвался Эцио. - Никогда не оскорбляй флорентийца, путая его с венецианцем.

В ответ капитан со всей силы ударил Эцио кинжалом, но тот был готов и поднял левую руку. Кортик, не принеся вреда, соскользнул с наруча; Капитан не ожидал этого и потерял равновесие. Эцио поставил ему подножку и швырнул вниз головой в резервуар с водой.

- Помоги, *efendi***! Я не умею плавать! - захлебываясь прокричал капитан.

- Тогда тебе лучше научиться, - огрызнулся Эцио и отвернулся, чтобы сразить ещё двух пиратов. Краем глаза он заметил, что двое матросов уже спустили в резервуар ведра на веревках. К ним на помощь подоспели товарищи, и вместе им удалось потушить пламя.

Но самый яростный бой шел в задней части корабля, турки проигрывали. Эцио понял, что берберы не собирались сжигать «Анаан», ведь в этом случае они бы потеряли свою

добычу. Поэтому никто и не стал мешать морякам тушить пожар, пока пираты пытались захватить корабль.

Эцио лихорадочно думал. Пираты превосходили их численностью, и он знал, что экипаж «Анаана» состоял из крепких, но не обученных сражаться парней.

Он повернулся к сложенным под люковым просветом в носовой части корабля факелам. Перепрыгнув и схватив один из них, Эцио ткнул им в гаснущее пламя, а когда тот загорелся, изо всех сил бросил его на берберский корабль. Потом сделал то же самое со вторым факелом, отправив его на корабль по другому борту. Когда берберы, находящиеся на борту «Анаана» поняли, что что-то случилось, оба корабля были охвачены пламенем.

Это было рискованно, но сработало. Вместо того чтобы попытаться захватить «Анаан», берберы, поняв, что капитан пропал, запаниковали и отступили. Османы, воодушевленные этим, предприняли контратаку, набросившись на пиратов с палками, мечами, топорами и всем, что попало под руку.

Через пятнадцать минут берберы отступили на свои корабли, и экипаж «Анаана» перерубил топорами «кошки» и шестами оттолкнул горящие галеры подальше. Капитан османов отдал приказ отплывать, и скоро корабль отправился дальше. Когда порядок на судне был восстановлен, моряки принялись отмывать палубу от крови и перетаскивать в трюм тела погибших. Эцио знал, что религия не позволяет им предать тела морю, и надеялся, что задержка в пути не окажется слишком долгой.

Из резервуара достали мокрого и грязного капитана берберов. На палубу с него капала вода, и выглядел он довольно жалко.

- Вам бы лучше очистить воду, - посоветовал Эцио капитану «Анаана», когда капитана пиратов увели в кандалах.

- У нас до Афин хватит питьевой воды в бочках, - ответил капитан и достал из сумки на боку небольшой кожаный мешочек. - Это вам, - сказал он.

- Что это?

- Возвращаю деньги, что вы уплатили за проезд. Это меньшее, что я могу сделать. Когда мы доберемся до Афин, я прослежу, чтобы о вашем подвиге узнали все. Что касается дальнейшего вашего путешествия, будьте уверены, я обо всем позабочусь.

- Мы не должны расслабляться, - вздохнул Эцио.

Капитан посмотрел на него.

- Вы правы. Возможно, нам вообще никогда не следует расслабляться.

- Верно, - грустно согласился Эцио.

* «Облако» (тур.)

** Друг (тур.).

ГЛАВА ПЯТАЯ

Под властью турков Афины процветали. Однако Эцио, пройдя по улицам и полюбовавшись на памятники и храмы времен греческого Золотого века, которые в его стране были заново открыты и почитались, собственными глазами увидев статуи и здания, вдохновлявшие его римских друзей - Микеланджело и Браманте, отчасти понял ту гордую обиду, что безошибочно читалась в глазах местных жителей. Ма'Мун, шурин османского капитана, и его семья хорошо приняли ассасина, осыпав его подарками и убедив остаться. Эцио пришлось задержаться несколько дольше, чем он рассчитывал. В любом случае, в Эгейском море к северу от Серифоса бушевала буря, хотя до начала сезона бурь было ещё далеко. Она обрушилась на острова к югу от Афин и вынудила властей больше чем на месяц закрыть порт Пирей. Подобные бури никогда не бушевали в это время года. Уличные пророки, как и в прошлый раз, во время празднования середины тысячелетия, 1500 года, наперебой болтали о конце света. У Эцио не было времени на такую ерунду, поэтому он, досадуя на задержки, часами изучал карты и дневники, которые прихватил с собой, и тщетно пытался понять, что делают в этом районе, а так же к югу и востоку от Греции, тамплиеры.

На одном из торжеств в его честь он познакомился с далматской принцессой и слегка пофлиртовал с ней. Но дальше флирта дело не зашло, и его сердце, как и раньше, осталось безучастно. Себе он говорил, что просто перестал искать любовь. Дому, его собственному, настоящему дому и семье - не место в жизни наставника ассасинов. Эцио, смутно понимая, о чем идет речь, прочитал о жизни своего далекого предшественника по Братству, Альтаира ибн Ла-Ахада, которому пришлось дорого заплатить за возможность иметь семью. И, несмотря на то, что родной отец Эцио все-таки женился, ему тоже пришлось заплатить горькую цену.

Наконец-то, - хоть и не так скоро, как рассчитывал нетерпеливый Эцио, - ветра стихли, а моря успокоились, и в районе наконец-то установилась нормальная весенняя погода. Ма'Мун все подготовил, чтобы Эцио смог отправиться на Крит, а потом, на том же корабле - дальше, на Кипр. Это был военный корабль, четырехмачтовая когга, «Кутайба»*. На нижней палубе у неё с каждой стороны размещалось по десять пушек, остальные орудия находились на носу и корме корабля. Помимо треугольных, латинских парусов на корабле были и квадратные паруса в европейском стиле на грот-мачте и бизани. На палубе, находившейся ниже той, где размещались пушки, находились весла - по тридцать с каждой стороны.

К одному из таких весел был прикован капитан берберов, с которым Эцио сражался на «Анаане».

- На этом корабле тебе не придется защищать свою жизнь, *efendi*, - сказал Эцио Ма'Мун.

- Надеюсь. В этом корабле есть что-то европейское.

- Наш султан Баязид восхищается вашей культурой, находя в ней много полезного, - ответил Ма'Мун. - Если бы мы попытались, то многому научились бы друг у друга.

Эцио согласно кивнул.

- «Кутайба» доставит посла Афин на переговоры в Никосию и остановится на двадцать дней в Ларнаке. Капитан сделает остановку только на Гераклионе, чтобы пополнить запасы воды и пищи, - он помолчал. - У меня есть кое-что для тебя...

Они сидели в конторе Ма'Муна в порту и пили шарбат**. Турок подошел к большому кованому сундуку, стоявшему у дальней стены, и достал оттуда карту.

- Эта карта бесценна, как и все остальные, но я хотел бы подарить её тебе. Это карта Кипра, нарисованная самим Пири Рейсом. Так как ты там задержишься... - он поднял руку, пресекая вежливые, насколько возможно, возражения Эцио. Чем дальше на восток ассасину приходилось удаляться, тем более неторопливыми становились люди. - Знаю! Я прекрасно знаю о том, как тебе не терпится поскорее добраться до Сирии, но когда сможет доставить тебя только до Ларнаки, а там потребуется время, чтобы найти другой корабль.

Но не бойся. Ты спас «Анаан». И мы соответствующе отблагодарим тебя за это. Никто не доведет тебя до Сирии быстрее, чем мы.

Эцио развернул карту и внимательно изучил. Это была отличная, детальная работа. Эцио подумал, что уж если ему придется задержаться на этом острове, то, помня о подсказках в документах его отца и о том, что Кипр всегда интересовал ассасинов в их вечной борьбе с тамплиерами, возможно, он сумеет отыскать там ключи, которые помогут в дальнейших поисках.

Он собирался с пользой провести время на Кипре, но надеялся, что не задержится слишком надолго на острове, который долго находился под контролем тамплиеров. Хотя, конечно, в последнем он мог и ошибаться.

Путешествие заняло больше времени, чем все ожидали. Едва они после краткой остановки в Гераклионе (она заняла не больше трех дней) отплыли от Крита, как снова поднялся ветер. Он дул с юга, порывистый и теплый после своего путешествия из северной Африки. «Кутайба» смело сражалась с бурей, но, в конце концов, была отброшена к северу Эгейского моря, пытаясь пробиться к цели через лабиринт Додеканских островов. Через неделю буря утихла, унеся с собой жизни пятерых моряков и бесчисленное количество заключенных, налегавших на весла на галере. В конце концов, корабль остановился в Хиосе для ремонта. Эцио высушил одежду и очистил оружие от ржавчины. Металл скрытых клинков за все эти годы даже не потемнел. Это было одно из его загадочных свойств, которые безуспешно пытался объяснить другу Леонардо.

Они потеряли три бесценных месяца, прежде чем «Кутайба» наконец-то неторопливо добралась до порта Ларнаки. Посол, потерявший за время путешествия (из-за болезни и постоянной рвоты) двадцать фунтов и пропустивший переговоры, немедленно отправился обратно в Афины, выбрав сухопутный путь, по крайней мере пока можно будет передвигаться по суше.

Эцио, не теряя времени, отправился к агенту на Ларнаке, Бекиру, чье имя ему сообщил Ма'Мун. Бекир оказался весьма гостеприимен и почтителен. Эцио Аудиторе да Фиренце! Знаменитый спаситель кораблей! В Ларнаке о нем уже знали. Имя *efendi* Аудиторе было у всех на устах. О, надо добраться до Тортосы. Ближайшего порта к Масиафу. В Сирии. Да, да, конечно. Мы начнем приготовления к отплытию немедленно, сегодня же! Если *efendi* будет так любезен подождать какое-то время... Лучшее жилье будет в вашем распоряжении...

Жилище, где разместили Эцио, было действительно великолепно. Это были большие светлые комнаты в поместье, стоящем на невысоком холме над городом, откуда открывался чудесный вид на сам город и море. Но после того как Эцио потратил столько времени, его терпение начало подходить к концу.

- Это все венецианцы, - оправдывался агент. - Они разрешают османам оставаться здесь, когда дело касается гражданских дел. Но, к сожалению, военные власти относятся к нам настороженно. Я полагаю, - он понизил голос, - что если бы не репутация нашего султана, Баязида, сила которого велика, а власть простирается далеко, - мы не потерпели бы подобного отношения, - он внезапно оживился. - Возможно, вы сможете помочь себе сами, *efendi*?

- О чем ты?

- Я думал, что может быть вы, как венецианец...

Эцио прикусил язык, сдерживаясь.

Ассасин был не из тех, кто любит проводить время праздно. Ожидая отплытия, Эцио изучал карту Пири Рейса, когда что-то полузабытое из того, что он читал некогда, побудило его взять лошадь и отправиться вдоль побережья к Лимассолу.

Там пройдя через ров, он оказался во дворе замка Ги де Лузиньяна, построенного ещё во времена крестовых походов. В настоящее время замок был заброшен и напоминал скорее некогда любимую, а теперь сломанную игрушку, которую её хозяин позабыл выкинуть. Эцио прошел по пустым коридорам, где гуляли сквозняки, и, глядя на полевые цветы,

которыми заросли дворы замка, и на буддлею, которая покрывала крепостные стены, предался воспоминаниям - по крайней мере, они казались воспоминаниями - которые побудили его внимательнее изучить подземелья замка и его подвалы.

Там, в тусклом мраке он отыскал заброшенные и пустые остатки того, что некогда, без сомнения, было огромным архивом. Шаги Эцио эхом звучали в темном лабиринте из гнилых пустых стеллажей.

Единственными жильцами здесь были крысы, чьи глаза недоверчиво блестели из темных углов. Крысы, которые уносились прочь, искоса зло посматривая на пришельца. Они ничего не могли рассказать ассасину. Он тщательно всё обыскал, но так и не сумел открыть тайны этого места.

Смущенный, он вернулся наверх, к солнцу. Посещение библиотеки в Лимассоле напомнило ему о другой, той, которую он искал. Что-то побудило его прийти сюда, хотя он и сам не мог с уверенностью сказать, что именно. Он остался в замке ещё на два дня, из чистого упрямства. Горожане с удивлением смотрели на странного мрачного седого незнакомца, который бродил по их руинам.

А потом Эцио вспомнил. Три века назад Кипр принадлежал тамплиерам.

* «Нетерпеливый».

** Турецкий безалкогольный напиток.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Венецианские власти - или некто, стоящий за ними - явно собирались как можно дольше задержать Эцио. И когда он встретился с ними, это стало совершенно ясно. Флорентийцы и венецианцы могли быть конкурентами, они могли презирать друг друга, но они жили в одной стране и говорили на одном языке.

Но для здешнего губернатора это не имело никакого значения. Доменико Гарофоли был похож на карандаш - такой же длинный, тонкий и серый. Черные одежды из дамаста с изящными узорами висели на нем, словно тряпье на пугале. Тяжелые золотые кольца, инкрустированные рубинами и жемчугом, свободно болтались на костлявых пальцах. Губы его были столь тонкими, что когда он молчал, их вовсе не было видно на лице.

И, конечно, он был неизменно вежлив, хотя действия Эцио накалили отношения между османами и венецианцами в регионе. Но при этом губернатор ничего не собирался предпринимать. Ситуация на восточном материке - вдали от прибрежных городков, намертво вцепившихся в Средиземноморье, словно пальцы висящего над обрывом - была чересчур опасна. Влияние турков в Сирии было велико, и венецианцы опасались, что амбиции османов распространятся и дальше на запад. Любая миссия, не одобренная официально обеими сторонами, могла спровоцировать международный конфликт с самыми тяжелыми последствиями. По крайней мере, это оправдывало Гарофоли.

Именно поэтому Эцио решил найти себе союзников среди соотечественников, живших на Крите.

Он сидел и вежливо слушал, как губернатор сухо бубнит в полголоса, а потом решил взять дело в свои руки.

Тем же вечером он отправился на первую разведку в доки, где было пришвартовано множество судов. Доу из Аравии и Северной Африки бились бортами о венецианские «Роккафорте»*, галеры и каравеллы. Голландский флейт** производил сильное впечатление; на борту корабля работали люди - грузили огромные рулоны шелка под бдительным присмотром вооруженной охраны. Когда Эцио разглядел их груз, то понял, что флейт отправляется к себе на родину, в то время как самому ассасину нужно было на восток.

Эцио двинулся дальше, держась в тени - темный, едва заметный силуэт, гибкий и ловкий, как кошка.

На разведку ушло ещё несколько дней и ночей. Эцио всегда брал с собой всё необходимое, на случай если ему повезет и удастся сразу отплыть. Но каждая вылазка оканчивалась одинаково. Люди узнавали Эцио, ему даже пришлось пойти на хитрость, чтобы скрыть свою личность. Но даже в этом случае ассасину не удавалось найти капитана, который бы согласился отвезти его до пункта назначения. А если такие и находились, то они, по непонятным причинам, отказывались взять Эцио на борт, независимо от того, какие взятки он предлагал. Ассасин уже хотел снова пойти к Бекиру, но, в конце концов, передумал. Бекир и так уже слишком много знал о его планах.

Пятую ночь он снова встретил в доках. На этот раз в порту было меньше кораблей. Где-то в стороне ходил ночной патруль, который нечасто появлялся в доках. Фонари караульных покачивались на длинных шестах, мечи и дубинки солдаты держали наготове, но никто не собирался на них нападать. Эцио прошел в дальний конец порта, где были привязаны небольшие судна. Расстояние до материка было не очень большим. Возможно, если ему удастся... одолжить... одну из этих лодок, он сможет сам проплыть около семидесяти пяти лиг.

Он осторожно ступил на деревянный причал, на темных досках блестела морская вода, а рядом были пришвартованы пять однопарусных доу. Рыбачьи лодки, если судить по крепкому запаху, идущему от них. Насколько Эцио мог разглядеть в темноте, на двух из них всё ещё был груз.

И тут волосы у него на голове зашевелились.

Слишком поздно. Эцио не успел повернуться, когда его сшибли с ног. Ассасин почувствовал, что противник крупнее его. Намного крупнее. Он в одиночку прижал Эцио к земле собственным весом. Борьба с ним напоминала борьбу с тяжелым одеялом. Эцио освободил правую руку и собирался уже выхватить скрытый клинок, но на запястье железной хваткой сомкнулись чужие пальцы. Краем глаза Эцио заметил на державшей его руке железный браслет с болтающимися на нем звеньями порванной цепи.

Собрав силы, Эцио неожиданно яростно развернулся влево, нанося противнику удар локтем. Ему повезло. Тот охнул от боли и разжал руки. Этого оказалось достаточно. Завершая удар, Эцио плечом спихнул с себя чужое тело, потом молниеносно вскочил на одно колено, левой рукой сжимая горло противника, а правой готовясь нанести смертельный удар.

Но торжество было недолгим. Противник дернул правой рукой, и обрывки железной цепи больно ударили Эцио по запястью, несмотря на то, что оно было защищено наручем со скрытым клинком. А потом рука ассасина вновь оказалась зажата в тиски чужой хватки, и Эцио медленно, но неуклонно пришлось разжать собственные пальцы на горле противника.

Они перевернулись, пытаясь одержать верх друг над другом, нанося удары куда только было возможно. Противник Эцио хоть и был крупнее, всё же оказался достаточно быстр, так что ассасину не удавалось даже зацепить его клинком. В конце концов, они отцепились друг от друга и встали, хрипя и задыхаясь, напротив. Противник был безоружен, но железные оковы тоже могли принести немало вреда.

И тут недалеко от них мелькнул фонарь и раздался крик.

- Патруль! - воскликнул противник. - Бежим!

Эцио инстинктивно побежал следом за громилой, нырнул за ним в ближайший доу и распластался на дне. Ассасин лихорадочно думал. В отблеске фонаря он сумел разглядеть лицо противника и узнал его. Но как он оказался здесь?

Впрочем, времени на пустые размышления не было - к причалу уже спешили караульные.

- Если только Аллах не ослепит их, они нас увидят, - прошептал противник. - Лучше с ними разобраться. Готов?

Удивленный, Эцио молча кивнул в темноту.

- А когда разберемся с ними, я прикончу тебя, - добавил громила.

- Не рассчитывай на это.

Больше времени на разговоры не осталось, пятеро караульных уже заметили их. К счастью, они заколебались, прежде чем спрыгнуть на темную лодку, где уже стояли Эцио и его неожиданный союзник. Вместо этого караульные остановились на пристани и, размахивая оружием, кричали что-то угрожающее.

Громила оценил их взглядом.

- Слабаки, - прорычал он. - Но лучше заняться ими прямо сейчас, пока они не привлекли чужого внимания.

Вместо ответа Эцио напрягся, присел и перепрыгнул на пристань, уцепился за край, и с трудом - возраст не тот! - подтянулся вверх. Он едва успел вдохнуть, как трое караульных бросились на него, сшибив с ног ударами тяжелых дубинок, а четвертый медленно приблизился, крутя в руках короткий, но опасный меч. Караульный уже занес оружие, чтобы добить поверженного ассасина, но в тот же миг был схвачен сзади за шиворот. А еще через мгновение взывшего караульного отшвырнули в сторону, и он с ужасным треском рухнул на пристань, где и остался лежать, постанывая от боли. Эцио подумал, что, скорее всего, у бедняги переломаны кости.

Когда трое караульных, окруживших Эцио, отвлеклись на товарища, ассасин вскочил на ноги и двумя быстрыми ударами скрытого клинка расправился с двумя противниками. Тем временем союзник Эцио сцепился с фонарщиком, тоже крупным мужчиной, который отбросил шест в сторону и обнажил массивную саблю, тут же попытавшись достать клинком крепко ухватившегося за него противника. Эцио заметил, что сабля в любой

момент может оказаться в спине нежданного союзника. Проклиная себя за то, что не прицепил пистолет - а теперь делать это было уже поздно - Эцио подхватил с земли дубинку и, оттолкнув в сторону локтем последнего караульного, швырнул дубинку в фонарщика.

Слава Богу, он не промахнулся. Дубинка ударила фонарщика промеж глаз, и тот попятился назад, а потом упал на колени. И тут Эцио ощутил вспышку боли в боку. Оставшийся в живых караульный успел выхватить кинжал и ударить ассасина. Эцио пошатнулся, в глазах у него потемнело, и сквозь подступающую тьму ассасин увидел, как к нему бежит его огромный союзник.

* Тип грузового парусника.

** Небольшое трёхмачтовое торговое судно 17 века. Временной разрыв оставим на совести автора.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Очнулся Эцио лежа на спине. Мир вокруг тихонько и монотонно покачивался. Это движение успокаивало. Мгновение Эцио лежал, не открывая глаз, чувствуя обдувающий лицо ветер и не очень-то желая возвращаться к ожидающей его пробуждения суровой реальности, от которой пахло морем.

Морем?

Эцио открыл глаза. Солнце уже встало, и над собой ассасин увидел бескрайнее синее небо. Потом между ним и небом появилась темная фигура. Голова и плечи. Лицо, склонившегося над ним человека, выражало беспокойство и заинтересованность.

- Ты очнулся. Хорошо, - проговорил громила.

Эцио попытался сесть, и боль в ране пронзила его. Он застонал, положив руку на бок, и почувствовал под пальцами бинты.

- Рваная рана. Но не глубокая. Не волнуйся из-за нее.

Эцио приподнялся. Следующее, о чем он подумал, было снаряжение. Ассасин оглянулся и увидел свою кожаную сумку, где были сложены его вещи. Выглядела она нетронутой.

- Где мы? - спросил Эцио.

- А ты как думаешь? В море.

Эцио встал, морщась от резкой боли, и огляделся. Они находились в одной из рыбацких доу. Парус наполнял ветер, и лодка уверенно разрезала морскую гладь. Эцио повернулся в другую сторону и увидел далеко позади Ларнаку - точку на побережье Кипра.

- Что произошло?

- Ты спас мою жизнь. Я спас твою.

- Почему?

- Это Закон. Жаль, конечно. После того, что ты сделал, я бы хотел, чтоб ты умер.

До этого громила стоял у руля спиной к ассасину, но теперь повернулся. Эцио впервые за все время ясно увидел его лицо и мгновенно узнал.

- Проклятье, ты уничтожил мой корабль! Я несколько дней преследовал «Анаан». Захватив его, я бы вернулся в Египет богачом. Но благодаря тебе меня сделали рабом на галере. Меня! - возмущенно воскликнул громила.

- В Египет? Так ты не бербер?

- Будь прокляты эти берберы! Я мамелюк, хоть и не похож на них в этих лохмотьях. Когда мы туда доберемся, я первым делом найду себе бабу, а потом куплю нормальный шматок *kofta** и закажу хорошую одежду.

Эцио снова огляделся, пошатываясь, когда нос лодки натыкался на волну.

- Ты не моряк, так?

- Мне больше по нраву гондолы.

- Гондолы? Тьфу!

- Если хочешь меня убить...

- Ты меня обвиняешь? Ты - единственная причина, по которой я скрывался в клоаке венецианского порта, после того как сбежал. Я не мог поверить своей удаче, когда тебя увидел. Я почти уже оставил эту идею - искал способ самому убратся оттуда.

Эцио усмехнулся.

- Нет, я не обвиняю тебя.

- Ты бросил меня в резервуар с водой и оставил тонуть!

- Ты умеешь хорошо плавать. Любому дураку это ясно.

При этих словах громила улыбнулся.

- О! Мне стоило догадаться, что просьбы о сострадании на тебя не подействуют, прежде чем я притворился, что не могу плавать.

- Ты спас мне жизнь и тем самым искупил свою вину. Но зачем ты забрал меня с собой?

Здоровяк развел руками.

- Ты был ранен. Если бы я оставил тебя, они бы тебя схватили, и ты не прожил бы и ночи. А это было бы пустой тратой моих усилий. Тем более на этой посудине ты тоже можешь быть полезен, хоть ты и сухопутная крыса.

- Я сам могу о себе позаботиться.

Взгляд громилы стал серьезным.

- Я знаю это, *efendi*. Может, я просто решил, что не откажусь от твоей компании... Эцио Аудиторе.

- Ты знаешь мое имя.

- Ты известен. Покоритель пиратов. Но после убийства караульных и попытки побега это бы тебя не спасло.

Эцио обдумал его слова, потом сказал:

- Как тебя зовут?

Здоровяк выпрямился. Лохмотья галерного раба, которые всё ещё были на нем, ничуть не уменьшали его чувство собственного достоинства.

- Я Аль-Скараб**, гроза Белого моря.

- О, - криво усмехнулся Эцио. - Прошу меня извинить.

- У меня нет корабля, - с сожалением добавил Аль-Скараб. - Но это временно. Когда мы доберемся домой, корабль и команда появятся у меня в течение недели.

- Куда домой?

- Разве я тебе не сказал? Ближайший порт, находящийся у руках мамелюков, совсем рядом

- это Акра.

* Особым образом зажаренное мясо.

** «Скарабей», кличка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Время пришло.

Уходить было трудно, но миссия была важнее, и она звала Эцио вперед. Время, проведенное в Акре, ушло на отдых и восстановление сил. Эцио заставлял себя быть терпеливым, пока рана не заживет, говоря, что поиски окончатся ничем, если он сам не будет полностью здоров. Знакомство с Аль-Скарабом, которое могло бы закончиться плачевно, если бы всё сложилось иначе, заставило Эцио убедиться, что если на свете есть ангелы-хранители, то один из них присматривает и за ним.

Здоровяк-пират, которого он одолел в битве на «Анаане», не просто спас ему жизнь. Он привел Эцио к своей семье в Акре и представил его, как своего спасителя и брата по оружию. Аль-Скараб не упомянул о своем поражении во время битвы на «Анаане» и, пригрозив, попросил Эцио сделать то же самое. Но их бегство с Ларнаки обросло невероятными подробностями.

- Их было пятьдесят... - начал свой рассказ Аль-Скараб, количество вероломных венецианцев, которые напали на них, увеличивалось с каждым разом. К десятому повтору истории их стало больше в десять раз. Широко раскрыв рты и глаза, эту историю заворожено слушали двоюродные братья Аль-Скараба, и ни один из них даже не заикался о несоответствиях. «По крайней мере», - сухо подумал Эцио, - «он не выдумал морского чудовища».

Единственное, что не было выдумкой - опасности, о которых Эцио предупредила семья Аль-Скараба, и которые ждали его на дальнейшем пути. Они пытались убедить его взять с собой вооруженных людей, но Эцио решительно отказался. Он должен был следовать своим путем и не хотел никого подвергать опасности, с которой, как он знал, непременно столкнется.

Вскоре после прибытия в Акру, Эцио воспользовался подвернувшейся возможностью написать сестре обещанное письмо. Он осторожно подбирал слова, понимая, что это может быть его последнее письмо к ней, и что он может больше никогда её не увидеть.

Акра

*20 ноября MDX**

Клаудия, дорогая моя сестра.

Я в Акре уже неделю, в безопасности и хорошем расположении духа, но готовый к худшему. Те, кто дали мне пищу и кров, предупредили, что на дороге в Масиаф всюду хозяйничают разбойники и наемники из чуждой земли. Я пока не знаю, что это может значить.

Когда десять месяцев назад я покинул Рим, я преследовал единственную цель: разыскать то, что не смог найти отец. В письме, которое, как ты знаешь, он написал за год до моего рождения, он упомянул о библиотеке, скрытой в подвалах бывшей крепости Альтаира. О вместилище огромной мудрости.

Что же будет ждать меня там? Кто меня встретит? Толпа тамплиеров, чего я опасюсь больше всего? Или ничего, кроме шлеста холодного ветра? Масиаф не был домом ассасинам уже более трехсот лет. Помнит ли он нас? И желанными ли мы там будем гостями?

Меня так измотала эта битва, Клаудия... Не потому что я устал сражаться, а потому что наша борьба, похоже, движется в одном направлении - к хаосу... Сегодня у меня больше вопросов, чем ответов. Вот почему я зашел так далеко: чтобы обрести ясность. Найти знания, оставленные для нас Великим Наставником. Я хочу понять цель нашей борьбы и свое место в ней.

Если со мной что-то случится, дорогая Клаудия... если навыки подведут меня, или амбиции собьют меня с пути, не ищи ни правосудия, ни возмездия, но продолжай искать истину ради всеобщего блага. Историй, подобных моей, тысячи, и мир не рухнет, если она оборвется.

Твой брат, Эцио Аудиторе да Фиренце.

Аль-Скараб, занимаясь собственными приготовлениями, позаботился о том, чтобы у Эцио были лучшие доктора, лучше портные и лучшие женщины, каких только можно было найти в Акре. Клинки ассасина были заточены и остры, экипировка вычищена и починена, а если было необходимо, то заменена.

Когда подошел день отъезда, Аль-Скараб подарил Эцио двух великолепных лошадей.

- Подарок моего дяди - он разводит их. Но при моем образе жизни они мне не нужны.

Это были два небольших крепких арабских скакуна, сбруя которых была сделана из мягкой кожи. Так же Эцио подарили прекрасное качественное седло. Ассасин в очередной раз отказался от сопровождения, но подарки принял с радостью. Они понадобятся ему в путешествии по землям, которые давным-давно принадлежали иерусалимскому королевству крестоносцев.

Настал час расставания. Последний отрезок долгого пути; и достигнет ли Эцио конца - не знал даже он сам. Но путь лежал перед ним, и его следовало пройти. Старики и должны быть исследователями. Поживем - увидим.

- Ступай с Богом, Эцио.

- *Barakallah feek***, друг мой, - ответил Эцио, пожимая пирату руку.

- Увидимся.

- Да.

Глубоко в сердце они не верили собственным словам, но эти слова утешали. Остальное неважно. Они посмотрели друг другу в глаза и поняли, что, несмотря на разные пути, они были, есть и останутся частью одного и того же братства.

Эцио вскочил в седло одной из лошадей и развернул её.

А потом, не оглядываясь, поехал из города, на север.

* 1510 год

** Да пребудет с тобой Аллах (тур.)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

От Акры до Масиафа было двести миль по прямой. Ровная пустынная земля, лежащая между этими двумя точками, на деле оказалась не такой спокойной. Великое османское завоевание, начавшееся двести лет назад, достигло кульминации взятием Константинополя двадцатипятилетним султаном Мехмедом II в 1453 году. Но щупальца Турции продолжали тянуться на запад, достигнув Болгарии и земель за её пределами, юга и востока Сирии и территорий, бывших некогда Святой Землей. Восточное побережье Белого моря с важнейшими морскими портами и водным путем на запад были драгоценностью в короне, а власть османов над ней была всё ещё слаба. У Эцио не было иллюзий о том, что он будет сражаться по пути на север. Большую часть пути он ехал вдоль побережья, держа сверкающее в лучах солнца море по левую руку, верхом пробирался мимо высоких скал и лохматых кустарников, растущих на склонах. Ассасин не останавливался, скрываясь в тени на четыре часа только тогда, когда солнце поднималось совсем высоко, и останавливаясь на ночлег на те же четыре часа глубокой ночью.

Путешествие в одиночку имело свои преимущества. Он мог передвигаться более незаметно, чем если бы ехал с эскортом, а его острые глаза, различая впереди признаки опасности, позволяли либо заранее обойти её, либо подождать пока она пройдет мимо. Эта страна принадлежала бандитам, здесь мало-организованные банды наемников бродили без дела, убивая путешественников и сражаясь друг с другом за добычу. Сельское хозяйство же ещё не оправилось от последствий двухвековой войны. Люди стали дикарями, потеряли способность мыслить разумно, утратили надежду, страх и совесть. Безжалостные и безрассудные, они были настолько же жестокими, насколько беспощадными.

Когда боя нельзя было избежать, они сражались, и каждый из этих боев был бессмыслен. После них оставались лишь тела мертвых - пища стервятников и ворон, единственных существ, процветающих в этом богом забытом месте. Однажды Эцио спас перепуганную деревню от мародеров, а в другой раз женщину от издевательств, изнасилования и смерти. Но как долго продлится мир, установленный им? И что будет с людьми, когда он уйдет дальше? Он не Бог, он не может быть везде. А здесь, где некогда ступала нога Христа, не было никаких признаков того, что Бог заботится о своих творениях.

Чем дальше на север ехал Эцио, тем тяжелее становилось у него на сердце. Только необходимость поисков придавала ему сил. Он привязал хворост к хвостам лошадей, чтобы стирать следы, а ночью покрывал все вокруг себя колючими ветками, чтобы отдохнуть, но даже тогда он спал вполглаза. От вечной бдительности зависела не только его свобода, но и само выживание. Несмотря на то, что годы забрали часть его сил, они компенсировались опытом и навыками, которые вдолбили в него Паола и Марио давным-давно, еще во Флоренции и Монтериджони. И хотя порой Эцио казалось, что он уже не может идти дальше, что он не сделает больше ни шага, он все-таки шел.

И, наконец, Эцио увидел впереди гряды гор.

Он сквозь зубы втянул ледяной воздух.

Масиаф близко.

Три недели спустя пешком - обе лошади пали от холода на пути к Масиафу (Эцио с сожалением вспоминал их, потому что они оказались более верными и стойкими попутчиками, чем большинство людей) - ассасин добрался до цели.

Высоко в безоблачном чистом небе парил орел.

Эцио, сойдя с дороги, посмотрел на него, остановился и посмотрел на низкую стену из неотесанного камня, а потом на мгновение замер, оценивая открывшуюся перед ним картину внимательным взглядом.

Масиаф. После долгих месяцев утомительного пути. Такого долгого - через непроходимые тропы и бурю.

На всякий случай пригнувшись, Эцио инстинктивно проверил оружие, продолжая смотреть на замок. Ища признаки движения. Все что угодно.

На зубчатых стенах не было ни души. Вьюжил пронизывающий ветер, но не было никаких признаков человека. Замок казался пустым. Как он и ожидал, прочитав о нем в дневнике. Но жизнь научила его всегда оставаться настороже, поэтому он не шевельнулся. Ни звука, кроме воя ветра. И тут - что-то неясное. Скрежет? Впереди, чуть слева от него, вниз по голому склону скатилось несколько камешков. Он напрягся и слегка выпрямился, втянув голову в плечи. А потом, пробив доспехи, в правое плечо вонзилась появившаяся из ниоткуда стрела.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Рассвет был холодным и серым. Эцио очнулся от воспоминаний и поспешно сосредоточился на том, что происходит здесь и сейчас, потому что тишину прорезали шаги охранников, приближающиеся к его камере. Вот он, его шанс.

Он притворился ослабевшим, это оказалось вовсе не сложно. Ему уже давно хотелось есть и пить, но стакан с водой и тарелка с едой так и стояли нетронутыми на столе. Эцио лег на пол лицом вниз, низко опустив капюшон на лицо. Он услышал, как открылась дверь его камеры, и как подошли люди. Они подхватили его под руки, приподняли и потащили из камеры по серому каменному коридору. Пока Эцио волокли, он смотрел в пол и неожиданно заметил символ на потемневшем от времени камне - символ Братства Ассасинов, бывший их эмблемой с незапамятных времен.

Коридор окончился, выходя в открытый с одной стороны зал. Эцио ощутил на лице свежий ветер, который придал ему сил. Ассасин чуть приподнял голову и увидел впереди ряд узких высоких колонн, за которыми открывался вид на заснеженные горы. Он по-прежнему был наверху башни.

Его поставили на ноги, и он стряхнул с себя стражу, как щенков, освобождаясь. Противники отступили, направив в его сторону алебарды. Прямо перед Эцио спиной к горам стоял капитан, которого ассасин видел накануне, и держал в руке веревку с петлей на конце.

- Ты упорный человек, Эцио, - проговорил капитан. - Прodelать весь этот путь ради того, чтобы мельком взглянуть на замок Альтаира... Смелый поступок.

Он сделал знак своим людям, и те отступили, оставив Эцио в покое. Потом капитан продолжил.

- Но ты старый пёс. И лучше я избавлю тебя от дальнейших страданий, чем буду смотреть, как ты будешь выть на судьбу.

Эцио слегка повернулся, чтобы видеть капитана. И это незначительное движение, к его удовлетворению, заставило алебардчиков вздрогнуть и вновь наставить на него оружие.

- Хочешь что-то сказать, прежде чем я убью тебя? - спросил Эцио.

Выдержка у капитана была лучше, чем у его людей. Он даже не шелохнулся, только рассмеялся.

- Интересно, сколько потребуется стервятникам, чтобы дочиста обглодать твои кости, пока твоё тело будет болтаться на этой веревке?

- Там летает орел. Он отгонит стервятников.

- Тогда судьба будет к тебе добра. Подойди. Или ты боишься умереть? Ты же не хочешь, чтобы тебя силой тащили на смерть?

Эцио медленно двинулся вперед, все его чувства были напряжены.

- Хорошо, - кивнул капитан, и Эцио тут же ощутил, как враг расслабляется. Этот человек что решил, будто он сдался? Не окажется ли все зря? Или глупым? Как бы то ни было, все к лучшему. Но возможно этот урод, от которого несет потом и вареным мясом, прав. Смерть приближается.

За широким проемом между колоннами виднелась узкая деревянная платформа из шести грубо сколоченных досок, нависшая над пустотой, около десяти футов в длину и четырех в ширину. Выглядела она очень старой и очень опасной. Капитан с издевкой поклонился, приглашая Эцио на платформу. Ассасин снова двинулся вперед, одновременно выжидая момент и не очень-то рассчитывая, что ему дадут шанс.

Доски зловеще скрипнули под его тяжестью; воздух казался обжигающе холодным. Эцио взглянул на небо и горы и увидел парящего пятьюдесятью или сотней футов ниже орла. Перья птицы колыхались на ветру, и Эцио ощутил надежду.

А потом произошло нечто.

Эцио заметил еще одну платформу, отходящую от башни на том же уровне в пятнадцати футах справа. А по ней в полном одиночестве бесстрашно шел молодой человек в белом капюшоне, которого он уже видел во время боя. Дыхание у Эцио перехватило, когда он увидел, что парень, повернувшись к нему, на что-то показывает...

А потом видение исчезло, не оставив после себя ничего, кроме порывистого ветра и снега. Даже орел куда-то пропал.

Капитан подошел ближе с петлей в руках. Эцио мельком заметил, как следом за ним тянется веревка.

- Что-то я не вижу там орла, - заметил капитан. - Спорим, стервятникам хватит трех дней.

- Увидим, - спокойно отозвался Эцио.

Позади капитана встали его люди. Капитан стянул с Эцио капюшон, накиннул ему на шею петлю и крепко затянул.

- Пора! - сказал капитан.

Пора!

Едва ощутив на своем плече руку капитана, готовую отправить его в небытие, Эцио резко ударил локтем назад. Капитан с криком упал, наткнувшись спиной на своих людей. Эцио нагнулся и подхватил с платформы веревку, а потом, увернувшись от трех алебардщиков, свернул в кольцо и накиннул его на шею капитану. И спрыгнул с платформы вниз, в пустоту.

Капитан попытался освободиться, но было уже поздно. Когда Эцио прыгнул, он рухнул на доски под тяжестью ассасина. Доски затрещали, когда капитан ударился о них головой. Веревка натянулась, захлестнувшись на шее капитана. Стремительно бледнея, он пытался руками стащить веревку, а ноги его судорожно бились в преддверии смерти.

Выругавшись, люди капитана обнажили мечи и кинулись к нему, чтобы перерезать веревку и освободить предводителя. Как только веревку перережут, проклятый Эцио Аудиторе будет падать, пока не встретит смерть на скалах пятьюстами футами ниже, и никому уже не будет важно, сколько он там будет умирать.

Эцио просунул обе ладони между петлей и шеей, стараясь ослабить врезавшуюся в горло веревку, при этом не переставая осматриваться вокруг. Он висел рядом со стенами, а на них непременно должно было быть что-то, за что можно уцепиться и остановить падение. Но даже если нет, - это лучший способ встретить смерть, нежели безропотное ожидание.

Тем временем на платформе, которая начала опасно качаться, солдатам наконец-то удалось перерезать веревку, которая до крови врезалась в шею капитана. Эцио рухнул вниз...

Но едва веревка ослабла, Эцио развернулся в полете, чтобы оказаться ближе к стене. Масаиф строили ассасины для ассасинов - он не оставит в беде своего.

И тут Эцио увидел обломок лесов, выступающий из стены в пятидесяти футах под ним. Падая вниз, ассасин, морщась от боли, ухватился за деревяшки; рывок, последовавший за этим, едва не вырвал ему руку. Но леса выдержали, и Эцио, стиснув зубы, с трудом подтянулся и ухватился за спасительные обломки обеими руками.

Но это был еще не конец. Солдаты оставшиеся наверху, высунувшись с края платформы, увидели, что он уцелел, и стали швырять в него все, что подворачивалось под руку, пытаясь сбросить вниз. В ассасина полетели булыжники, камни и острые обломки дерева.

Эцио в отчаянии огляделся. Слева от него, примерно в двадцати футах вдоль стены, бежал откос. Если он сможет раскататься на лесах так, чтобы импульса прыжка хватило преодолеть это расстояние, то у него появится слабый шанс. Шанс на то, что он сумеет скатиться вниз по откосу к краю утеса, откуда начинался крошащийся от времени каменный мост, переброшенный через пропасть. На другой стороне моста виднелась узкая тропинка, ведущая по склону горы вверх.

Втянув голову, чтобы хоть как-то уберечься от обломков и камней, Эцио начал раскачиваться. Ладони скользили по гладкой поверхности обледеневшей древесины, но Эцио не сдавался.

Настал момент, когда он почувствовал, что больше не удержится, и ему, так или иначе, придется рискнуть. Эцио вложил все силы в последний рывок и прыгнул, раскинув руки в стороны.

Эцио тяжело приземлился и кубарем покатился вниз. Прежде чем он сумел восстановить равновесие, он скатился вниз по склону, наталкиваясь на камни и острые выступы, но постепенно ему удалось подобраться ближе к мосту. Избитое тело болело, но Эцио знал, что это жизненно необходимо - попасть точно к мосту. В противном случае он сорвется с края утеса и одному богу известно, что ждет его внизу. Ассасин практически бежал, не в силах контролировать свою скорость.

Но ему удалось сохранить самообладание, и, наконец, он рухнул на землю, пролетев вперед на десять футов по дрожащему мосту.

И тут его осенило: сколько лет этому сооружению? Это был узкий, поддерживаемый одной опорой мост. Эцио слышал, как гремит о камни вода далеко внизу, на дне черной бездны.

Прочность моста была под сомнением. Сколько лет назад его пересекали последние люди? Камень уже начал разрушаться от старости, раствор давно сгнил. Когда Эцио встал на ноги, то к своему ужасу заметил в поверхности моста позади себя глубокую трещину длиной в пять футов. Трещина стала расширяться, вниз в темную бездну полетели обломки камней.

Время вокруг Эцио замедлилось. Отступить было некуда. Он уже понял, что сейчас случится. Развернувшись, он бросился бежать из последних сил. Эцио мчался по мосту, а позади него рушились камни. Двадцать ярдов... десять... Он чувствовал, как из-под ног буквально уходит земля. Когда грудь была готова разорваться от напряжения, Эцио очутился на тропинке и прижался щекой к скале. Сил не хватало ни чтобы думать о чем-то, ни чтобы что-то делать. Он просто стоял и слушал, как падают в реку обломки моста и как плещет внизу вода, пока, наконец, все не стихло, и не осталось ничего, кроме воя ветра.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Постепенно дыхание Эцио выравнилось, а вместе со спокойствием вернулась боль в мышцах, о которой он позабыл в приливе адреналина. Но прежде чем отдыхать, предстояло еще многое сделать. И первым делом следовало найти еду - ассасин не ел и не пил уже почти сутки.

Оторвав от рубашки кусок ткани и разорвав его пополам, он, как мог, перевязал исцарапанные руки, а потом, сложив ладони, напился из тонкой струйки воды, пробивавшейся сквозь скалу. Немного успокоившись, Эцио оттолкнулся, перенося тяжесть тела на ноги и оценивая свое состояние. Кости остались целы, только слева, куда его ранили, он умудрился потянуть связки, но больше ничего серьезного не было.

Эцио осмотрелся. Погони не наблюдалось, но его захватчики наверняка видели, как он падает с утеса и бежит по мосту. Может, они не заметили, что он выжил? Эцио не собирался сбрасывать со счетов возможное преследование. Тамплиеры наверняка захотят убедиться, что наставник их заклятых врагов действительно мертв.

Эцио посмотрел на склон скалы. Легче было влезть на нее, чем добираться наверх по тропе. Он не знал, куда она вела, к тому же тропа была слишком узка и лишала его возможности маневра в случае битвы. А горы выглядели вполне преодолимыми. По крайней мере, он мог добраться до снега и по-настоящему утолить жажду. Эцио, кряхтя, встряхнулся и начал карабкаться.

Он порадовался, что одет в темное, и что ему не приходится тратить усилия на то, чтобы слиться со скалой. Он легко находил опоры для рук и ног, хотя временами ему было тяжело подтягиваться, мышцы протестующе ныли, а один раз камень под его пальцами начал крошиться, едва не сбросив ассасина вниз. Самым ужасным - и самым лучшим - в его подъеме оказался льющийся сверху тонкий поток воды. Ужасным потому, что мокрые камни были скользкими, а лучшим, потому что водопад указывал на наличие наверху ручья.

Через полчаса Эцио добрался до вершины скалы. Ассасин влез на уступ, покрытый пучками жесткой травы, и увидел бесплодную альпийскую равнину, огражденную с двух сторон черно-серыми скалами; на запад простирался другой вид. Насколько видел Эцио, иного горного перевала, кроме того, что остался позади, не было. Хотя, возможно, когда-то он и был. Скалы, по которым он влез, и овраг, куда упал мост, могли появиться во время землетрясения.

Эцио поспешил на другую сторону небольшой долины. Где-то там были перевалы, а значит, была и вода, и, вероятно, были люди. Он выждал еще полчаса, прежде чем рискнул двинуться вперед, разминая мышцы после долгой неподвижности, чтобы разогреть их. Одежда была мокрой, тело быстро остывало, дольше оставаться на месте было нельзя. Уйти от тамплиеров конечно хорошо, но будет обидно, если его усилия будут потрачены впустую только из-за того, что он позволит природе взять верх.

Эцио пошел к ручью, ориентируясь на журчание воды, а потом, склонившись над ним, с удовольствием напился. После этого двинулся дальше. По берегам ручья стали появляться кустарники, и вскоре Эцио вышел к чахлой роще возле пруда. Там он задержался. Конечно, было бы чудом, если бы оказалось, что так высоко в горах есть жизнь, особенно так далеко от ближайшей деревни у стен Масиафа. Например, какое-нибудь животное, которое ему удалось бы поймать и съесть. Но если здесь есть пруд, то есть вероятность, что в нем есть рыба.

Эцио встал на колени и посмотрел в темную воду. Словно цапля, ждущая добычу, он приказал себе проявить терпение. Наконец по поверхности пруда пошла слабая рябь, исчезнувшая, едва он потянулся к воде. Но этого оказалось достаточно, чтобы он понял, что внизу есть что-то живое. Он продолжил ждать. Над гладью воды зависла муха. Еще несколько кружили вокруг, привлеченные теплом его тела. Не смея шевельнуться, чтоб отогнать их, Эцио постарался игнорировать их назойливое внимание и укусы.

А потом он увидел ее. Крупное пухлое тельце серо-синего цвета медленно двигалось в шести футах от поверхности. Это было куда лучше, чем он надеялся. Рыба напоминала карпа или что-то вроде этого. Пока он наблюдал за ней, появилась еще одна рыба, более темная, а потом и третья, медно-золотого цвета.

Эцио ждал, когда, наконец, рыба поднимется к поверхности, чтобы глотнуть воздух. Это был его шанс. Ассасин был сосредоточен, тело и руки напряжены.

Темная рыба поднялась, и Эцио увиделся, как из открытого жирного рта поднимаются пузыри.

Ассасин прыгнул.

И тут же отпрянул, с трудом удерживая в руках большую, тщетно извивающуюся рыбу. Мужчина бросил ее на землю и добил камнем. К сожалению, возможности приготовить рыбу не было - ему придется съесть ее сырой. Но потом он посмотрел на камень, который все еще держал в руке, и вспомнил о другом, который начал крошиться под его пальцами во время подъема. Кремень! Если повезет, ему удастся развести костер и высушить одежду. Сырая рыба не особенно волновала его. Он читал, что в какой-то невероятной стране на востоке были люди, которые считали такую еду деликатесом. Но мокрая одежда - другое дело, а значит, придется рискнуть. Судя по тому, что он видел, он был первым человеком в этой долине за последнюю тысячу лет, а высокие скалы надежно скрывали его от чужих глаз.

В роще Эцио собрал немного хвороста, и, потратив несколько минут, наконец-то сумел выбить пару искр в пучок сухой травы. Потом он осторожно положил занявшуюся траву в приготовленный шалашик из веток. Огонь почти моментально вспыхнул, обжигая ему пальцы. От разведенного костра поднималась небольшая струйка дыма, но она была столь тонкая и легкая, что почти сразу развеивалась по ветру. Впервые за время прибытия в Масиаф Эцио улыбнулся.

Чтобы сэкономить время, Эцио, не обращая внимания на холод, снял одежду, чтобы высушить ее у немудреного костра. Рыба жарилась на импровизированном вертеле из простой ветки. Менее чем через час, затоптав костер и замаскировав его остатки, Эцио, чувствуя в желудке приятное тепло, снова натянул одежду. Конечно, это была не свежая одежда только из стирки, но она была теплой и вполне высохшей. Эцио решил, что вещи могут досохнуть на нем. Если б все было так же просто с усталостью... Ассасин с трудом сопротивлялся желанию уснуть у костра, но после еды у него открылось второе дыхание. Теперь он чувствовал, что вполне способен вернуться в замок. И если его поиски имели хоть какое-то значение, он должен будет раскрыть тайны этого места. А для этого ему нужны его вещи, оставшиеся в замке.

Когда Эцио возвращался назад по своим следам, то, чуть-чуть не доходя до того места, где он влез на скалу, заметил, что по южной стороне долины вверх по скалам идет другая тропа. Кто ее высек? Те, кто жили здесь в незапамятные времена? У Эцио не было времени, чтобы задумываться над этим, но он был благодарен им, кем бы они ни были. Тропа шла на восток, возвращаясь к Масиафу, и Эцио пошел по ней.

Путь по скалам длился около пятисот метров и заканчивался на узком выступе. Камни, оставшиеся от фундамента, говорили о том, что некогда здесь стояла дозорная башня, откуда солдаты могли обзирать окрестности и заранее могли предупредить замок о приближающейся армии или караване. Эцио пристально всмотрелся вниз, где виднелся замок Масиафа, его высокие стены и купола башен. Острые, словно у орла, глаза выискивали мельчайшие детали, которые могли помочь ему пробраться внутрь.

Далеко внизу Эцио разглядел веревочный мост через пропасть, там, где раньше был каменный, по которому он успел пробежать. Возле моста стоял пост охраны. Насколько Эцио мог судить, глядя со стороны, другого пути в замок не было, но по другую сторону моста путь был относительно чист.

В отличие от этой стороны пропасти - абсолютно вертикальная черная скала, при виде которой испугались бы даже привыкшие к высоте горные козы. И скала эта отлично проглядывалась со стороны сторожевого поста.

Эцио посмотрел на солнце, достигшее зенита. Он прикинул, что путь до замка может занять четыре или даже пять часов. Значит туда надо попасть до темноты.

Эцио слез с выступа и начал спуск, медленно, стараясь не потревожить рыхлую породу - обвалившись со склона, камни бы предупредили тамплиеров у моста. Это было нелегко, но солнце, стоящее в зените, ослепляло дозорных, и Эцио поблагодарил за это судьбу. Ему нужно спуститься раньше, чем солнце спрячется за скалой.

Наконец, он оказался в безопасности на твердой земле и успел спрятаться, прежде чем его заметили. Эцио находился менее чем в пятидесяти ярдах от западной стороны моста. Мост, сделанный из черной просмоленной веревки и узких деревянных планок, качнулся и затрещал. Эцио увидел, как двое охранников отошли от поста и подошли к пропасти. Вооружены они были арбалетами и мечами.

Освещение было слабым, и расстояние было сложно оценить. Но тусклый свет играл на руку Эцио - ассасин легко мог слиться с местностью. Словно тень, Эцио, пригнувшись, пробрался поближе к мосту. Но там не было укрытия, чтобы спрятаться, а сам Эцио был безоружен.

В десяти метрах от переправы Эцио снова остановился, наблюдая за охранниками. Эцио с удовольствием отметил, что выглядят они замерзшими и усталыми. Внутри поста кто-то зажег лампу, и Эцио понял, что противников больше, чем двое.

Ему нужно было хоть какое-нибудь оружие. Спускаясь со скалы и подкрадываясь к мосту, Эцио был слишком занят, чтобы искать что-нибудь подходящее, но теперь вспомнил о крепких камнях, которые осколками лежали прямо под ногами, тускло поблескивая. Эцио заметил один подходящий - похожий на клинок с зазубренным лезвием около двенадцати дюймов длиной и двух шириной. Ассасин поднял его слишком поспешно, - потревожив соседние камни, и замер, прислушиваясь.

Никакой реакции. Мост длиной в тридцать ярдов, и прежде чем стражники заметят его, он будет уже на середине. Действовать надо было немедленно. Эцио напрягся, выпрямился и бросился вперед.

Но, оказавшись на мосту, он понял, что пересечь его будет не так-то просто. Мост качался и тревожно скрипел под резкими порывами ветра, и Эцио пришлось схватиться за веревочные поручни, чтобы сохранить равновесие. Время было упущено, его заметили. Охранники закричали, давая ассасину еще две секунды, а потом, увидев, что он приближается, вскинули арбалеты, зарядили и выстрелили. Едва в Эцио полетели первые болты, как из поста выскочили еще трое солдат, тоже вооруженные арбалетами.

Сумеречный свет не давал им нормально прицелиться, но цель была близко. Эцио пришлось резко пригнуться, уворачиваясь от болтов. Примерно на середине моста одна из досок проломилась под его тяжестью. Эцио зацепился ногой, но сумел освободиться раньше, чем нога окончательно застряла. В любом случае ему повезло, арбалетный болт прошел мимо, лишь обжег шею и задел капюшон.

Охранники прекратили стрелять. Эцио пришлось всмотреться в сумрак, чтобы увидеть, что они задумали.

Лебедки!

Они собирались ослабить веревку, сбросить мост вниз, а после, когда ассасин свалится в реку далеко на дне ущелья, снова поднять наверх.

«Merda*! - подумал Эцио, который со всех ног бежал, спотыкаясь, вперед. - Второй раз за день!» До края моста оставалось пять ярдов, когда Эцио прыгнул, а мост ушел у него из-под ног, падая в пропасть. Ассасин пролетел вперед, свалился на одного из охранников и тут же вонзил свой импровизированный клинок ему в горло. Эцио попытался вытащить каменное лезвие, но не смог, видимо, оно зацепилось за кость. Клинок сломался, ассасин развернулся на месте и ударил обломком второго охранника, отвлекая внимание, а второй

рукой стремительно ухватил меч противника. Обнажив оружие, Эцио пронзил охранника его же собственным мечом.

Трое оставшихся отбросили арбалеты, обнажили мечи и стали теснить ассасина к пропасти. Эцио лихорадочно обдумывал план действий. Похоже, стражников оставалось всего трое - никто не убежал, чтобы поднять тревогу. Поэтому ему нужно расправиться с этой троицей и попасть в замок раньше, чем кто-то обнаружит их исчезновение.

Эцио взвесил в руке меч. Он переводил взгляд с одного на другого, всматриваясь в лица. Что это такое в их глазах? *Страх*? Это точно страх?

- Ассасинская скотина! - огрызнулся один из них дрогнувшим голосом. - Тебе помогает сам Дьявол!

- Если Дьявол кому и помогает, так это вам, - прорычал Эцио, бросившись вперед. Он знал, что нужно воспользоваться их страхом. Страхом перед его связью с потусторонними силами. *Se solo!***

Когда Эцио вступил в ближний бой, они так громко закричали, что Эцио поспешил поторопиться убить их, пока крики не всполошили округу. Удары противников были яростными и паническими, и Эцио легко справился с ними.

Потом он перетащил тела на сторожевой пост, правда, времени, чтобы поднять мост уже не оставалось. Тем более в одиночку это было ему не под силу. Эцио хотел переодеться в форму одного из охранников, но решил, что это будет пустой тратой времени - подступающая темнота была на его стороне.

Эцио направился к замку, мысленно благодаря тени, сгустившиеся по краям тропы.

Ему удалось спокойно подобраться к стенам замка. Солнце уже почти скрылось, только кровавый свет еще виднелся за далекими скалами и горами на западе. Было холодно, дул сильный ветер. Обветренные стены древнего замка имели множество уступов и опор. Эцио, вспомнив план крепости, который изучил еще в Риме, собрался с силами и полез вверх. Он подсчитал, что потребуется подняться на сотню футов, и он окажется внутри. Потом ему предстоит отыскать ворота, ведущие к башням и внутренним укреплениям.

Подъем оказался сложнее, чем он предполагал. Руки и ноги болели, и он мечтал, чтобы у него было хоть что-то подходящее, чтобы дотянуться до очередного выступа и крепко уцепиться за него. Но Эцио упорно лез наверх, и когда последние лучи заката скрылись за черными гребнями гор, уступив место на небосклоне первым бледным звездам, ассасин влез на проход, идущий несколькими метрами ниже зубцов внешней стены. В пятидесяти метрах от него по обе стороны находились сторожевые башни, но солдаты, стоявшие там, осматривали окрестности с высоты, не обращая внимания на стену. Они были взволнованы тем, что со стороны моста донесся какой-то неясный шум.

Эцио посмотрел на цитадель. Тамплиеры наверняка спрятали его вещи - сумки с ценным содержимым и оружие - в хорошо защищенном хранилище под крепостью.

Эцио спрыгнул с прохода во двор замка и, держась в тени, пошел налево, где, как он знал, находились ворота, ведущие в крепость.

* «Дерьмо» (ит.)

** «Если бы» (ит.)

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мягко, словно рысь, и постоянно держась в тени, Эцио добрался до цели, не вступая в схватки с тамплиерами. Шумный бой - последнее, что было ему нужно. Если тамплиеры снова заметят его, то не станут тянуть и давать ему малейшую возможность сбежать, - они убьют его на месте, словно крысу. Потом он заметил часовых. Он уже видел их раньше, теперь они стояли на зубцах стены. Они смотрели вниз, выглядывая ассасина в неверном звездном свете. Стычка у моста заставила их удвоить усилия, чтобы доказать, что ассасин остался жив.

В подсобке возле входа в тюремный блок за грубым деревянным столом сидели два старых тамплиера. На столе стоял большой оловянный кувшин и две деревянные кружки, сами часовые, похрапывая, спали, положив головы на сложенные на столе руки. Эцио осторожно подошел к ним и увидел висящую на поясе одного из часовых связку ключей.

За долгие годы жизни Эцио не забыл уроки коллеги-ассасина, мадам Паолы, которая обучала его, тогда еще совсем мальчишку, во Флоренции. Осторожно, стараясь, чтобы ключи не звякнули, - любой звук мог разбудить спящих и приблизить его смерть, - Эцио взялся за кольцо, а другой рукой неловко развязал кожаный ремешок, которым связка крепилась к поясу. В какой-то момент узел зацепился, застрял, и Эцио слишком сильно дернул его, чтобы развязать. Часовой зашевелился. Ассасин замер, не сводя с него взгляда. Руки у него были заняты, и Эцио не мог даже шевельнуться, чтобы отнять у часового оружие. Но охранник снова засопел и уснул, наморщив лоб, - вероятно, ему что-то снилось.

Наконец связка оказалась в руках Эцио, и он крадучись пошел по коридору, освещенному факелами, заглядывая за тяжелые, обитые железом двери по обе стороны прохода.

Ему приходилось действовать быстро, но поиск подходящего ключа все равно занимал много времени. На пятой двери ему сильно повезло, там обнаружился настоящий арсенал - на деревянных столах вдоль стен комнаты лежало разнообразное оружие.

Взяв факел из скобы на стене у двери, Эцио принялся обыскивать комнату и вскоре отыскал свои сумки. Беглый осмотр показал, что ничего не только не пропало, но даже и не было тронут. Эцио с облегчением выдохнул, радуясь, что содержимое сумок не попало в руки тамплиерам. Противник был далеко не глуп, и было бы просто кошмарно, если бы ему удалось воспроизвести механизм скрытых клинков.

Эцио повторно осмотрел сумки. В путешествие он взял с собой только самое необходимое снаряжение, и теперь обнаружил, что все купленное им по дороге тоже на месте. Эцио убедился, что его сабля все еще остра, убрал ее в ножны и повесил на пояс. Потом он надел на левую руку браслет с защитной пластиной, а на запястье правой - скрытый клинок, уцелевший в схватке. Сломанный вместе с ремешками отправился в сумку - Эцио не собирался оставлять его тамплиерам. Да, клинок был сломан, но ассасин надеялся, что у него будет возможность его починить. Тем более что назад пути уже не было. Пистолет с пулями к нему Эцио убрал обратно в сумку, а потом, выждав столько, сколько мог, вытащил парашют и осмотрел его на наличие повреждений. Парашют был новым изобретением Леонардо, и Эцио еще не успел его испытать. Но опыт подсказывал, что в деле оно окажется куда более полезным, чем можно предположить.

Эцио аккуратно сложил огромный купол и убрал его в заплечный мешок, повесил через плечо и надежно закрепил сумки, а потом вернулся тем же путем, каким пришел, мимо спящей стражи. Оказавшись снаружи, Эцио полез вверх.

Он расположился в довольно выгодном и, главное, скрытом от чужих глаз месте - высокой сторожевой башенке. Эцио выбрал ее, потому что оттуда хорошо просматривался сад, расположенный позади крепости Масиаф. Под этим садом, если информация, полученная из планов замка, была верной, тамплиеры изо всех сил пытались отыскать библиотеку великого наставника ассасинов, Альтаира, который руководил Братством тремя веками ранее. Легендарную библиотеку ассасинов, источник знаний и могущества, если верить письму его отца.

Эцио не сомневался, что присутствие в замке тамплиеров можно объяснить, по меньшей мере, именно этими поисками.

На самом краю стены возле башни возвышалась большая каменная статуя орла, смотревшая вниз, в сад. Она была выполнена настолько реалистично, что казалось, будто орел вот-вот взлетит, чтобы через мгновение броситься с небес на ничего не подозревающую жертву внизу. Эцио попробовал толкнуть статую руками. Каменный орел слегка покачнулся.

Великолепно.

Эцио занял возле орла позицию и приготовился расположиться на всю ночь. Он был уверен, что до рассвета ничего не произойдет, и понимал, что если не воспользуется возможностью отдохнуть, то будет не в состоянии действовать со всей эффективностью, когда придет время. Возможно, тамплиеры и считали его полудемоном, но сам Эцио хорошо знал, что он был таким же человеком, как и все.

Но прежде чем задремать, он засомневался и осмотрел сверху сад. Никаких признаков раскопок. Может быть, он ошибся?

Опираясь на полученный в жизни и многочисленных тренировках опыт, Эцио сосредоточился и внимательно осмотрел землю внизу. Сконцентрировавшись, он, наконец, сумел различить слабое свечение, исходящее от части мозаичного пола беседки. Некогда мозаика складывалась в орнамент, но за прошедшие века заросла травой. Увиденное заставило Эцио довольно улыбнуться и расслабиться. Кусочки мозаики складывались в изображение богини Минервы.

Лучи солнца едва коснулись зубцов крепостной стены, когда Эцио, отдохнувший после короткого тревожного сна, присел возле каменного орла. Время пришло. Эцио понимал, что действовать надо быстро - каждая потраченная минута увеличивала риск, что его обнаружат. Тамплиеры на этот раз не отступят, разозленные его побегом. Он был у них в руках, теперь они наверняка скрежещут зубами от ненависти и желания отомстить.

Эцио прикинул расстояние и угол падения, удовлетворенно кивнул и, упершись ногой в каменного орла, толкнул статую. Та закачалась, свалилась со стены и полетела к мозаичному полу далеко внизу. Эцио мгновение следил за ее полетом, убеждаясь в правильности расчетов, а потом бросился следом, совершив прыжок веры. В последний раз он прыгал так очень давно, и теперь снова ощутил радость от полета.

Они стремительно мчались вниз - сперва орел, а чуть выше, в пятнадцати футах, Эцио. Мчались к земле.

У Эцио не было времени помолиться, чтобы он не ошибся в расчетах. Если ошибся, то времени на молитвы уже не осталось.

Орел обрушился в центр мозаики.

На долю секунды показалось, что орел разбился на куски, но на самом деле обрушилась мозаика, открывая взору отверстие в земле, в которое и упала статуя и Эцио. Ассасин упал на крутой скат, уходивший под землю под углом сорок пять градусов, и заскользил по нему ногами вперед. Он услышал, как впереди грохочет громада каменного орла, а потом раздался всплеск - статуя рухнула в огромный подземный водоем. Эцио упал следом.

Когда ассасин вынырнул, то увидел, что водоем находится в центре огромной комнаты, архитектурный акцент которой был сделан на дверь из темно-зеленого отполированного камня.

Эцио был здесь не один. На грохот среагировал отряд тамплиеров, стоявший возле двери. Они уже ждали ассасина, обнажив мечи и воинственно крича. С ними был мужчина в одежде рабочего. На нем был пыльный фартук, а на поясе висел кожаный мешок с инструментами. Судя по всему, каменщик. Он, открыв рот, смотрел на ассасина, зажав в руках молоток и большое каменное долото.

Эцио подтянулся и вылез из воды. Тамплиеры бросились в атаку, обрушив на него град ударов, не давая подняться, но Эцио умело отразил их и встал на ноги, потом сконцентрировался и повернулся лицом к противникам.

Он ощутил их страх и воспользовался их неуверенностью, чтобы напасть первым. В левой руке он крепко сжимал саблю, а на правой ждал свою жертву скрытый клинок. Два быстрых удара, и ближайšie противники рухнул на пол. Другие окружили ассасина, держась вне досягаемости его клинка. Тамплиеры, словно гадюки, по очереди наносили удары, надеясь дезориентировать Эцио.

Но их действия не были согласованы. Эцио плечом столкнул одного из них в водоем. Тамплиер утонул почти сразу, темные воды оборвали его мучительный крик о помощи. Пригнувшись, Эцио закружился и бросил четвертого на гранитный пол. Шлем слетел с тамплиера, и от удара о камень череп треснул со звуком, напомнившим выстрел из пистолета.

Оставшийся в живых капрал-тамплиер в отчаянии позвал на помощь рабочего, но тот не пошевелился, окаменевший от увиденного. Увидев, что Эцио повернулся к нему, капрал попятился, открыв рот, пока не уперся спиной в стену. Эцио подошел, намереваясь одним ударом просто вырубить тамплиера, но капрал, ждавший этого момента, вероломно выхватил кинжал и ударил им Эцио в пах. Эцио увернулся и схватил противника за плечо.

- Я пощадил бы тебя, друг. Но ты не оставляешь мне выбора.

Один быстрый удар сабли отделил голову тамплиера от его тела.

- Покойся с миром, - тихо сказал Эцио и повернулся к каменщику.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мужчине было примерно столько же, сколько самому Эцио, но он был толстоват и находился не в лучшей форме. Его трясло как осиновый лист.

- Не убивайте меня, сир! - съездившись, взмолился каменщик. - Я просто рабочий. Обычный бедняк, которому нужно заботиться о семье.

- Как тебя зовут?

- Адад, сир.

- Что ты здесь делал для этих людей? - Эцио наклонился, чтобы вытереть клинки о тунику мертвого капрала и убрал их в ножны. Адад немного расслабился. Он все еще сжимал молоток и долото, поэтому Эцио не сводил с него глаз, но каменщик, казалось, забыл, что держит их в руках.

- В основном копал. Ужасно тяжелая работа, сир. У меня ушел год, чтобы отыскать эту комнату.

Адад изучил лицо Эцио в поисках сочувствия, но не нашел его и после минутного молчания продолжил:

- Последние три месяца я пытался проникнуть за дверь.

Эцио отвернулся от него и осмотрел дверь.

- И у тебя не вышло, - отметил он.

- Я не сделал ни вмятины! Этот камень прочнее стали.

Эцио провел рукой по гладкому, словно стекло, камню и помрачнел.

- И сомневаюсь, что у тебя это когда-нибудь получится. Эта дверь скрывает сокровища более ценные, чем все золото мира.

Теперь, когда угроза смерти миновала, глаза каменщика невольно заблестели.

- О! Вы имеете в виду драгоценные камни?

Эцио насмешливо посмотрел на него, потом перевел взгляд на дверь и внимательно осмотрел ее.

- Здесь есть замочные скважины. Пять. Где ключи?

- Они мало рассказывали мне. Но я знаю, что тамплиеры отыскивали один под дворцом османского султана. Про остальные, думаю, написано в их книжице.

Эцио смерил его внимательным взглядом.

- Под дворцом султана Баязида? И что это за книжица?

Каменщик пожал плечами.

- Вроде дневника. Уродливый капитан, тот, со шрамом на лице, постоянно таскает ее с собой.

Эцио прищурил глаза, лихорадочно думая. Потом расслабился и вытащил из-за пазухи маленький мешочек, кинул Ададу. Когда каменщик поймал мешочек, тот зазвенел.

- Ступай домой, - приказал Эцио. - Найди другую работу... с честными людьми.

Довольный Адад с сомнением в голосе заметил:

- Знали бы вы, как сильно я этого хочу. Я очень хочу уйти отсюда. Но эти люди... они убьют меня, если я попытаюсь.

Эцио слегка повернулся, вглядываясь в темноту желоба, по которому попал сюда. Оттуда виднелся тонкий луч света. Ассасин повернулся к каменщику.

- Собирай свои инструменты, - проговорил Эцио, - и ничего не бойся.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Держась малоиспользуемых лестниц и коридоров замка, Эцио незамеченным выбрался на крепостную стену. Дыхание облачками вырывалось из его рта. Он прошел по зубчатой стене, пока не увидел снизу деревню Масиафа, и присел в тени. Эцио знал, что иного пути покинуть замок, кроме как через хорошо охраняемые ворота, нет. Но ассасину необходимо было спуститься, чтобы отыскать бритоголового капитана со шрамом на лице. Он полагал, что капитан где-то в деревне, руководит поисками сбежавшего ассасина. Тамплиеры должны обыскать деревню, это объясняло их отсутствие в крепости. В любом случае, Эцио знал, что его следующая цель лежит за стенами Масиафа. Но сперва надо было выбраться из замка.

Бросив один взгляд на деревню, Эцио увидел патрули тамплиеров, которые допрашивали жителей. Убедившись, что солнце находится позади, надежно скрывая его в своих ярких лучах, Эцио развязал сумку, вытащил парашют и развернул его так быстро и осторожно, как только смог - от этого зависла его жизнь. Расстояние было слишком велико, а спуск слишком опасен даже для самого смелого и отчаянного прыжка веры.

Парашют принял форму треугольной палатки или пирамиды. Он был сделан из крепкого шелка, который удерживали тонкие металлические подпорки. Эцио прикрепил к каждому из четырех углов парашюта по тросу, которые в свою очередь закрепил на ремнях, а те застегнул на груди. Потом, замерев, оценив скорость и направление ветра и дождавшись, пока снизу никого не останется, Эцио посмотрел вверх и бросился вниз со стены.

Если бы у Эцио было время, чтобы насладиться волнующим чувством, которое приносил полет, он бы так и сделал, но ассасин был сосредоточен на управлении устройством. Подражая орлу, он внимательно следил за потоками воздуха и, в конце концов, смог приземлиться в десяти метрах от ближайшего здания. Быстро сложив парашют, Эцио пробрался в деревню.

Тамплиеры донимали жителей. Солдаты принимались толкать и беспощадно избивать людей, если те показывали малейшие признаки неуверенности, и если ответ их был нечетким или не мгновенным. Эцио смешался с деревенскими жителями, слушая и наблюдая.

Так он увидел, как тамплиеры стоят над скорчившимся на земле стариком, умоляющим о помощи.

- Помогите мне, пожалуйста! - тщетно просил он, но никто не пришел ему на помощь.

- Говори, собака! - закричал тамплиер. - Где он?

Чуть дальше два бандита избивали юношу, даже когда тот стал просить их о пощаде.

- Я не виновен! - выкрикнул он, когда его повалили на землю.

- Где он прячется? - прорычал нападавший.

Тамплиеры жестоко допрашивали не только мужчин. Эцио увидел, как два трусливых тамплиера повалили на землю женщину, в то время как третий грубо ударил ее ногами, обрывая крик. Женщина скорчилась, жалобно умоляя их остановиться: «Я ничего не знаю! Пожалуйста, простите!»

- Приведите нам ассасина, и никто не причинит вам вреда, - усмехнулся ее мучитель, низко наклонившись к ней. - Иначе...

Эцио с тяжелым сердцем смотрел на все это, не в силах помочь, заставляя себя сосредоточиться на поисках капитана. Он добрался до деревенских ворот как раз вовремя, чтобы увидеть, как объект его поисков забирается на запряженную лошадьми повозку. Капитан так спешил покинуть деревню, что сбросил кучера на землю.

- Убирайся! - проревел он. - *Φύγε απο μπροστα μου!**

Схватив поводья, капитан посмотрел на свое войско.

- Никто из вас не покинет деревню, пока ассасин не умрет, - прорычал он. - Всем ясно? Найдите его!

Эцио понял, что он говорит по-гречески. До этого Эцио слышал в основном итальянскую и арабскую речь. Возможно, среди всех своих тамплиеров, капитан был единственным

византийцем? Потомком тех, кто отправился в добровольное изгнание, когда Константинополь пал от меча султана Мехмеда шестьдесят пять лет назад? Эцио знал, что вскоре после того беглецы осели на Пелопонессе. Однако после того как остров был захвачен османами, поселения византийцев сохранились в Малой Азии и на Ближнем Востоке.

Эцио открыто вышел вперед.

Солдаты заметили его и занервничали.

- Сир! - доложил самый смелый из них. - Похоже, он уже нас нашел.

Вместо ответа капитан схватил кнут кучера и хлестнул лошадей, закричав: «Пошли! Пошли!» Увидев это, Эцио сорвался на бег. Солдаты попытались ему помешать, но ассасин, обнажив саблю, торопливо пробился через их строй. Прыгнув за быстро уезжающей повозкой, Эцио промахнулся, но уцепился за веревку, болтавшуюся позади повозки. На мгновение повозка замерла, а потом рванула вперед, потащив Эцио за собой.

Превозмогая боль, Эцио принялся подтягиваться на веревке, и тут услышал за спиной грохот копыт. Несколько солдат оседлали лошадей и, обнажив мечи, бросились в погоню, стремясь подобраться к ассасину поближе и убить его. Они криками предупредили капитана о близкой опасности, и тот послал своих лошадей в неистовый галоп. Тем временем в погоню из деревни отправился другой, более легкий фургон. Он стремительно догонял повозку капитана.

С грохотом волочась по земле, Эцио продолжал подтягиваться на веревке. Он был уже в двух футах от задней двери фургона, когда к нему приблизились два всадника. Он втянул голову, ожидая удара, но всадники слишком поспешили. Они были сосредоточены на цели, а не на дороге. Их лошади столкнулись боками буквально в нескольких дюймах от Эцио и упали в пыль, бешено ржа. Им вторили проклятья всадников.

Изо всех сил напрягая ноющие руки, Эцио сделал последнее усилие и, тяжело дыша, рывком заставил себя уцепиться за фургон. Тут он на мгновение неподвижно замер, ожидая, пока пройдет головокружение, и переводя дыхание.

Тем временем второй фургон поравнялся с первым, и капитан отчаянно зажестиковал своему человеку, приказывая подвести повозку ближе. Когда тот сделал, что было велено, капитан перескочил со своего фургона на соседний и столкнул кучера. С глухим криком тот упал с повозки и ударился о скалу, его тело с грохотом отлетело в сторону и замерло неподвижно. Голова была свернута под неестественным углом.

Схватив поводья, капитан погнал лошадей вперед. В свою очередь Эцио перебрался в переднюю часть фургона и сумел дотянуться до поводьев. Мышцы на руках протестующе заныли, когда ассасин потянул поводья, заставляя лошадей подчиниться. Обе его лошади хрипели, из пастей шла пена, а взгляды были дикими. В уголках их ртов виднелась кровь, но они продолжали скакать, и Эцио стал настигать капитана. Тот направил свой фургон к полуразрушенной древней арке, возвышавшейся над дорогой. Ему удалось так задеть фургоном один из кирпичных столбов, что каменная кладка обрушилась прямо на следовавшего по пятам Эцио. Ассасин натянул вожжи, заставляя лошадей увернуться в самый последний момент. Его фургон подскочил на выбоине и отлетел к обрыву. Эцио изо всех постарался направить лошадей в другую сторону, выехать на нормальную дорогу. Копыта поднимали в воздух пыль и мелкие камни, летевшие в лицо Эцио, и ассасину пришлось зажмуриться, чтобы защитить глаза и сосредоточиться на цели.

- Отправляйся в ад, черт бы тебя побрал! - закричал капитан через плечо.

Эцио увидел, что в задней части первого фургона расположились солдаты, уже готовые бросить в него бомбы.

Двигаясь зигзагами, чтобы избежать попадания и взрывов, рванувших по обе стороны, Эцио прилагал все усилия, чтобы сохранить контроль над перепуганными лошадьми, готовящимися удариться в панику. К счастью, ни одна бомба не достигла цели.

Капитан сменил тактику.

Он замедлился, давая Эцио поравняться с собой, так резко, что ассасин не сумел ничего предпринять в ответ. Капитан заставил своих лошадей резко свернуть, от чего его фургон с грохотом врезался в фургон Эцио.

Эцио увидел белки полубезумных глаз капитана и шрам на его бледном напряженном лице.

- Сдохни, ублюдок! - прокричал капитан и посмотрел вперед.

Эцио проследил за его взглядом и увидел впереди сторожевую башню, а позади нее другую деревню. Она была больше чем у Масиафа и куда лучше укреплена. Оплот тамплиеров.

Капитан снова хлестнул лошадей, заставляя их ускориться, и когда ему это удалось, торжествующе вскрикнул. Его люди бросили две бомбы. В этот раз одна из них взорвалась под левым задним колесом фургона Эцио. Взрыв подбросил повозку в воздух, Эцио сбросило с фургона. Лошади жалобно заржали, словно баньши, и побежали в лес, волоча за собой остатки разрушенного фургона. Справа от дороги был обрыв, и Эцио рухнул на двадцать футов вниз, где колючие кусты смягчили его падение и скрыли от чужих глаз.

Он лежал ничком, рассматривая серую землю перед своим лицом, не в состоянии ни двигаться, ни думать. Эцио чувствовал, что все кости в его теле переломаны. Он закрыл глаза и стал ждать конца.

* Прочь с моей дороги! (греч.)

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Пока Эцио лежал в забытьи, он слышал далекие голоса. Ему показалось, что он снова увидел юношу в белом, того, которого видел во время засады, и позже - на импровизированном эшафоте, но Эцио не был уверен, что это действительно был он. Тот, кто не помогал ему и не мешал, но, казалось, был на его стороне. К нему приходили и уходили и иные призраки прошлого: давно умершие братья, Федерико и Петруччо, Клаудия, родители, и еще он видел красивое и жестокое лицо той, которую не хотел бы даже вспоминать, Катерины Сфорца.

Видения рассеялись, но голоса остались, став громче, а вместе с голосами вернулись и иные чувства. Эцио ощущал песок на зубах и обонял запах земли, на которой лежал щекой. А еще вернулась боль. Эцио подумал, что уже никогда не сможет двигаться.

Голоса были нечеткими и доносились откуда-то сверху. Эцио представил себе, как тамплиеры лежат на самом краю невысокой скалы, откуда он упал, но потом понял, что они его не видят. Густые заросли кустарника надежно скрывали его.

Эцио дождался, когда голоса удалятся, и наступит тишина, на пробу согнул пальцы на руках и ногах, а потом сами руки и ноги, после чего с наслаждением выплюнул песок.

Похоже, ничего не было сломано. Медленно, морщась от боли, он выполз из кустов и встал, потом осторожно, стараясь держаться в тени, выбрался обратно на дорогу.

И как раз вовремя, - Эцио увидел, как в паре сотен ярдов от него капитан тамплиеров проходит через укрепленные ворота деревни. Эцио перебрался на другую сторону дороги, где росли кусты, которые могли его скрыть, отряхнулся и пошел к деревне. Казалось, каждый мускул в его теле протестовал против этого.

- Раньше было намного легче, - печально пробормотал он, заставляя себя двигаться вперед. Обогнув стену, он, наконец, нашел подходящее место, где мог перебраться через нее.

Заглянув через парапет, Эцио убедился, что его не видят, подтянулся и перебрался в деревню. Он оказался на скотном дворе. Если не считать пары телочек, которые шарахнулись в сторону, глядя на непрошенного гостя, здесь никого не было. Эцио выждал минуту, на тот случай, если поблизости были собаки, вышел через калитку и, ориентируясь на громкие голоса, направился по заброшенной деревне в сторону, откуда они доносились. У деревенской площади он увидел капитана и скрылся за сараем. Капитан стоял наверху невысокой башни, располагавшейся в углу площади, и отчитывал двух несчастных офицеров. Кроме них на площади молча стояли жители деревни. Слова капитана перемежались равномерными всплесками со стороны водяного колеса на другой стороне площади, крутящегося течением реки, бегущей через всю деревню.

- Похоже, только я здесь умею обращаться с лошадьё, - сказал капитан. - Пока мы не убедимся, что на этот раз он действительно мертв, я приказываю ни на мгновение не ослаблять охрану. Вы меня поняли?

- Да, сэр, - угрюмо отозвались люди.

- Сколько еще раз вы еще будете пытаться его убить? - сердито продолжил капитан. - Слушайте меня внимательно: если через час вы не бросите его голову к моим ногам, вы займете его место!

Капитан замолчал и, повернувшись, посмотрел на дорогу, отлично видимую с его наблюдательного пункта. Эцио заметил, что капитан нервничает и уже начал возиться с рычагом своего арбалета.

Эцио смешался с толпой жителей, внимающих капитану. Это было не сложно, учитывая его состояние и внешний вид. Но толпа постепенно стала расходиться, возвращаясь к работе. Общее настроение было нервным, и когда мужчина, шедший перед Эцио внезапно споткнулся, невольно толкнув идущего рядом, тот раздраженно повернулся к нему и огрызнулся: «Эй, убирайся. Быстро!»

Этот возглас нарушил тишину, капитан оглядел толпу и встретился взглядом с Эцио.

- Ты! - закричал он, поднял заряженный арбалет и выстрелил.

Эцио ловко увернулся, болт пролетел мимо, попав в стоявшего рядом мужчину.

Тот вскрикнул от боли, хватаясь за свободный конец болта.

Пока капитан перезаряжал оружие, Эцио бросился в укрытие.

- Ты не уйдешь отсюда живым! - заорал капитан, выстрелив во второй раз.

Болт вонзился в косяк двери, не причинив вреда спрятавшемуся Эцио. Пока что ему везло.

Ему нужно было двигаться и как можно быстрее. Еще два болта пролетели мимо.

- Бежать больше некуда! - крикнул ему капитан. - Иди сюда и сразись со мной лицом к лицу, трусливый пес! - Он снова выстрелил.

Эцио вздохнул, подпрыгнул, цепляясь на притолоку другой двери, и раскачался так, чтобы запрыгнуть на плоскую глиняную крышу. Оказавшись там, он побежал на другую сторону, а мимо его уха просвистели еще два болта.

- Стой и прими смерть! - приказал капитан. - Твое время пришло, смирись с этим! Вернись и встретись со своей смертью!

Эцио увидел солдат, бегущих, чтобы отрезать ему путь к отступлению. Им пришлось покинуть капитана, оставив того в компании двух офицеров и пустого колчана болтов.

Деревенские жители давно разбежались.

Эцио пригнулся за низкой стеной, окружавшей крышу, стащил со спины сумку с вещами, достал оттуда пистолет и закрепил его на правой руке.

- Почему ты не ушел? - громко спросил капитан, обнаживший свой меч.

Эцио поднялся.

- Я никогда не научусь отступать, - отозвался он, вскидывая пистолет.

Мгновение капитан смотрел на поднятое оружие со страхом и паникой, а потом закричал своим офицерам: «Прочь с моей дороги!», оттолкнул их и спрыгнул с башни на землю.

Эцио выстрелил, когда капитан был еще в полете. Пуля прошла тому левую ногу. С криком боли капитан упал вниз, ударившись головой о камень, и свернулся на земле. Офицеры бежали.

Эцио пересек опустевшую площадь. Солдаты не вернулись. Либо страх перед Эцио убедил их в том, что ассасин в действительности сверхъестественный монстр, либо их преданность капитану была вовсе не так сильна. Стояла тишина, нарушаемая лишь мерным стуком водяного колеса и мучительными стонами капитана.

Когда Эцио приблизился, капитан встретился с ним взглядом.

- Черт, - пробормотал он. - Чего ты ждешь? Давай, убей меня!

- У тебя есть кое-что, нужное мне, - спокойно ответил Эцио, перезаряжая пистолет так, чтобы оба ствола были готовы выстрелить. Капитан посмотрел на оружие.

- Похоже, старый пес еще не растерял хватку, - процедил он сквозь стиснутые зубы. Кровь текла из ран на ноге и на левом виске.

- Твоя книга. Где она?

Капитан коварно прищурился.

- Ты про старый журнал Никколо Поло? Ты знаешь о нем? Ты меня удивил, ассасин.

- Я полон сюрпризов, - ответил Эцио. - Отдай его.

Понимая, что помощи ждать не откуда, капитан с булькающим звуком достал из кармана куртки старую книгу в кожаном переплете, примерно двенадцать на шесть дюймов. Руки у него дрожали, и капитан выронил книгу на землю.

Капитан попробовал рассмеяться, но смех оборвался бульканьем в горле.

- Бери, - проговорил он. - Мы уже изучили все ее секреты, и нашли первый из пяти ключей. Когда мы закончим, Великий Храм и вся сила, что хранится в нем, будут нашими. Эцио с жалостью посмотрел на него.

- Ты ошибаешься солдат. Под Масиафом нет древнего храма. Только библиотека, полная мудрости.

Капитан вернул ему взгляд.

- Твой предок, Альтаир, шестьдесят лет владел Яблоком Эдема, Эцио. И он обрел куда больше, чем просто мудрость. Он узнал... все!

Эцио быстро обдумал его слова. Он знал, что Яблоко надежно спрятано в церковном склепе в Риме - они с Макиавелли сами это видели. Но воспоминания оборвал резкий стон боли. Пока капитан говорил с ним, кровь безостановочно текла из его ран. Теперь мужчина был смертельно бледен. Наконец, его лицо расслабилось, он опустил на спину и в последний раз выдохнул.

Эцио мгновение смотрел на него.

- Ты был настоящим ублюдком, - вздохнул он. - Но в любом случае... Покойся с миром.

Он наклонился и осторожно закрыл глаза капитана рукой.

Водяное колесо продолжало мерно стучать, и это был единственный звук на площади.

Эцио поднял книгу и повертел в руках. На обложке он увидел тисненый символ, с которого давно слезла позолота. Эмблема Братства Ассасинов. Слабо улыбнувшись, Эцио открыл книгу и на титульном листе прочитал:

«Тайный крестовый поход»

Никколо Поло

Масиаф, Июнь, 1257

Константинополь, Январь, 1258

Эцио медленно вдохнул.

«Константинополь, - подумал он. - Ну, конечно же».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дул свежий ветерок. Эцио оторвал взгляд от дневника Никколо Поло, лежащего у него на коленях. Ассасин сидел под навесом на юте большой багалы, которая прорезала чистые голубые воды Белого моря. Паруса и кливер наполнял попутный ветер.

Путешествие привело его из Латаки, что на побережье Сирии, на Кипр. Следующим пунктом назначения оказался Родос, где его внимание привлек новый пассажир - привлекательная женщина лет тридцати в зеленом платье, выгодно подчеркивающим цвет ее медно-золотых волос. Оттуда они поплыли через север Додеканеса к Дарданеллам и, наконец, по Мраморному морю.

Путешествие подходило к концу. Пока моряки окликали друг друга, пассажиры стояли вдоль левого борта, смотря на сияющий в ярком солнечном свете великий город Константинополь в миле от корабля. Эцио пытался сравнить увиденное с картой города, которую купил в сирийском порту еще до посадки. Рядом с ним стоял хорошо одетый юноша, осман; возможно, он и был еще молод, но отлично ориентировался в городе. Эцио не очень хорошо знал парня. Молодой человек делал измерения с помощью астролябии и записывал результаты в тетрадь с переплетом из слоновой кости, которая висела у него на поясе на шелковом шнуре.

- А это что? - спросил Эцио, указывая. Он хотел как можно больше узнать о городе до высадки. Новости о его побеге от тамплиеров в Масиафе вскоре достигнут этих мест, поэтому ему нужно было действовать быстро.

- Это квартал Баязид. Ту высокую мечеть построил около пяти лет назад султан. А за ней можно увидеть крыши Большого Базара.

- Ясно, - кивнул Эцио, щурясь на солнце, чтобы разглядеть то, о чем они говорили. Он хотел бы, чтобы Леонардо сделал инструмент, о котором частенько говорил - что-то вроде трубки с линзами - который помогал видеть на значительном расстоянии.

- Следите за своим кошельком, когда пойдете на базар, - поделился юноша. - Так обычно собирается всякий сброд.

- Как и на любом базаре.

- *Evet**, - улыбнулся молодой человек. - А с другой стороны, там, где башни, Имперский квартал. Серый купол - старый собор святой Софии. Сейчас, конечно, это мечеть. А видите низкое длинное желтое здание за ним - разумеется, оно там не одно такое, - с двумя приземистыми куполами и шпилем? Это *Topkapi Sarayi***. Одно из первых зданий, которые мы воздвигли после завоевания, и оно все еще не достроено.

- Султан Баязид сейчас там?

Лицо молодого человека немного потемнело.

- Должен быть, но нет, сейчас его там нет.

- Я должен посетить его.

- Сперва вам стоит убедиться, что у вас есть приглашение.

Ветер стих и паруса заколебались. Моряки свернули кливер. Шкипер немного развернул корабль, так что город раскрылся с новой стороны.

- Видите ту мечеть? - продолжил юноша, словно желая увести разговор в сторону от Дворца Топкапи. - Это *Fatih Camii**** - первое, что построил султан Мехмед, чтобы отпраздновать свою победу над византийцами. Конечно, их к тому времени осталось мало. Их империя была уже давно мертва. Но он хотел, чтобы его мечеть превзошла собор Святой Софии. Как видите, ему это не очень-то удалось.

- Даже не хочу их сравнивать, - дипломатично отозвался Эцио, рассматривая великолепное здание.

- Мехмед был уязвлен, - продолжал юноша. - Говорят, в качестве наказания он отрезал

* Да (тур.)

** Дворец Топкапи (тур.)

*** Мечеть Фатих (тур.)

архитектору руку. Конечно это всего лишь легенда. Синан был слишком хорошим архитектором, чтобы Мехмед стал его так наказывать.

- Ты сказал, султана нет во дворце, - мягко напомнил Эцио.

- Баязида? Нет, - юноша вновь заволновался. - Султан великий человек, хотя огонь его юности давно сменился тягой к тишине и благочестию. Увы, он не в ладах с одним из своих сыновей - Селимом. Между ними идет война, которая не утихает уже много лет.

Багала проплыла мимо южной стены города и свернула на север, в Босфор. Вскоре по левому борту появилась широкая морская бухта. Корабль направился в нее через мощную цепь, что перегораживала вход в гавань. Сейчас она была опущена под воду, но могла быть поднята, чтобы закрыть гавань во время войны или чрезвычайной ситуации.

- Цепь используется еще со времен завоевания, - пояснил юноша. - Однако даже она не остановила Мехмеда.

- Полезная мера безопасности, - ответил Эцио.

- Мы называем ее *Haliç*, - сказал молодой человек. - Золотой Рог. На северной стороне - Галатская Башня. Ваши соотечественники из Генуи построили ее около ста пятидесяти лет назад. Кстати, они называли ее Башня Христа. Следовало ожидать, верно? А вы сам из Генуи?

- Я флорентиец.

- Что ж, ничего не поделаешь.

- Это хороший город.

- *Affedersiniz**. Я не очень хорошо знаком с вашей частью мира. Хотя многие из ваших соотечественников до сих пор живут здесь. Итальянцы жили здесь веками. Знаменитый Марко Поло - и его отец Никколо, - торговал здесь более двух сотен лет назад вместе со своим братом. - Молодой человек улыбнулся, наблюдая за лицом Эцио, а потом снова посмотрел на Галатскую Башню. - Вы должны непременно взобраться наверх. Стражу можно уговорить. Оттуда самый захватывающий вид на город.

- Это... полезная информация.

Юноша посмотрел на него.

- Наверное, вы слышали о другом своем знаменитом земляке, который, надеюсь, еще жив. О Леонардо да Винчи?

- Кое-что припоминаю.

- Меньше чем десять лет назад *Sayin*** да Винчи-бей попросил у султана разрешения построить через Рог мост.

Эцио улыбнулся, вспомнив, что однажды Леонардо мимоходом говорил ему об этом. И мог представить себе энтузиазм друга, который овладел им.

- И что? - спросил он. - Что-то я не вижу здесь моста.

Юноша развел руками.

- Мне рассказывали, что дизайн был красив, но, к несчастью, проект не был осуществлен. В конце концов, султан решил, что проект слишком амбициозен.

- Я не удивлен, - по большей части самому себе ответил Эцио и указал на другую башню.

- Это маяк?

Молодой человек проследил за его взглядом к небольшому островку прямо по курсу.

- Да. Очень старый. Ему больше одиннадцати веков. Его называют *Kız Kulesi*... Вы понимаете по-турецки?

- Не очень.

- Тогда буду переводить. По-вашему это значит «Девичья Башня». Так ее называли после того, как дочь султана умерла от укуса змеи.

- А почему она жила на маяке?

Юноша улыбнулся.

* Простите (тур.)

** Господин (тур.)

- Чтобы никогда не повстречаться со змеями, - ответил он. - Смотрите, это акведук Валента. Видите двойной ряд арок? Его, наверное, построили еще римляне. Когда я был ребенком, то любил взбираться на него.

- Это вполне реально.

- Похоже, вы хотите сами попробовать?

Эцио улыбнулся.

- Кто знает.

Юноша открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Когда он снова посмотрел на Эцио, выражение на его лице было мягким. Эцио точно знал, о чем он думает: этот старик пытается сбежать от своих лет.

- Откуда ты плывешь? - спросил Эцио.

Юноша успокоился.

- Ох... Из Святой Земли, - отозвался он. - Нашей Святой Земли. Из Мекки и Медины. Каждый добрый мусульманин должен хоть раз в жизни совершить эту поездку.

- Ты решил покончить с этим пораньше.

- Можно и так сказать.

Они в молчании смотрели, как мимо проплывает город, и корабль приближается к месту стоянки.

- В Европе нет второго такого города, - сказал Эцио.

- Вообще-то эта сторона находится в Европе, - ответил молодой человек. - А вон та, - он указал на восток через пролив Босфор, - в Азии.

- Есть границы, которые даже турки переместить не в силах, - заметил Эцио.

- Но их мало, - быстро ответил юноша, и Эцио подумал, что он пытается защитить свой народ. Юноша решил сменить тему.

- Вы сказали, что вы итальянец из Флоренции, - сказал он. - Но по вашей одежде такого не скажешь. Простите меня, но вы выглядите так, словно носите ее очень давно. Вы долго путешествовали?

- Да, очень долго. Я уехал из Рима двадцать месяцев назад, в поисках... вдохновения. И поиски привели меня сюда.

Юноша посмотрел на книгу в руках Эцио, но ничего не сказал. Эцио и сам не хотел раскрывать ничего из своих планов. Он облокотился на поручни и стал смотреть на городские стены, на другие суда из всех стран мира, что толпились у причалов, мимо которых медленно проплывала их багала.

- Когда я был ребенком, отец рассказывал мне истории о падении Константинополя, - наконец нарушил молчание Эцио. - Это случилось за шесть лет до моего рождения.

Молодой человек бережно убрал астролябию в кожаный футляр на ремне, перекинутый через его плечо.

- Мы называем город *Konstantiniyye*.

- Разве это не одно и то же?

- Мы забегаем вперед. Но вы правы. *Konstantiniyye*, Византия, Новый Рим, Красное Яблоко - какая разница? Говорят, Мехмед собирался переименовать его в Ислам-бюль - Место, Где Ислам Процветает - но я считаю, что это еще одна легенда. Тем не менее, люди используют и это название. Хотя конечно самые образованные из нас считают, что его следует называть *Истан-бол* - «В город». - Молодой человек помолчал. - О чем рассказывал ваш отец? О том, как храбрые христиане убивали злых турков?

- Нет. Не всегда.

Юноша вздохнул.

- Я думаю, истории могут сильно меняться в зависимости от рассказчика.

Эцио выпрямился. За время долгого путешествия его мышцы оправились, но бок все еще болел.

- В этом я с тобой согласен, - ответил он.

Молодой человек улыбнулся, тепло и искренне.

- *Guzel**! *Konstantiniyye* - это город, где каждому найдется место, независимо от вероисповедания. Даже для оставшихся византийцев. А еще для учеников, таких как я, и... для таких странников, как вы.

Их разговор прервала молодая супружеская пара сельджуков, которые прошли мимо. Эцио и юноша остановились, прислушиваясь к их разговору. Эцио - потому что любая информация о городе, которую он только мог почерпнуть, была ему интересна.

- Мой отец не справится со всем этим беспределом, - говорил муж. - Ему придется закрыть лавку, если дела ухудшатся.

- Все наладится, - ответила жена. - Может быть, с возвращением султана...

- Ха! - с сарказмом изрек мужчина. - Баязид слаб. Он позволил византийским выскочкам делать, что им вздумается, и посмотри, к чему это привело... *kargasa***!

Супруга шикнула на него.

- Ты не должен такого говорить!

- Почему нет? Я говорю правду. Мой отец честный человек, а его постоянно грабят.

- Простите, что я невольно подслушал ваш разговор, - перебил их Эцио.

Супруга испепеляюще посмотрела на мужа: вот видишь?

Но мужчина повернулся к Эцио и поздоровался.

- *Affedersiniz, efendim****. Я вижу, вы путешественник. Если вы остановитесь в городе, прошу, загляните в лавку моего отца. Его ковры - лучшие во всей империи, и он сделает вам скидку. - Он помолчал. - Мой отец хороший человек, но воры почти уничтожили дело всей его жизни.

Он сказал бы еще что-нибудь, но супруга торопливо потащила его прочь.

Эцио переглянулся со спутником, которому человек, выглядящий словно слуга, передал бокал шарбата. Юноша поднял бокал.

- Не желаете? Очень освежает, а мы еще нескоро прибудем в доки.

- Было бы неплохо.

Юноша кивнул слуге, и тот удалился. Мимо прошла группа солдат-османов, возвращающаяся домой с дежурства в Додеканеса, они тоже разговаривали о городе.

Эцио кивнул им, и мгновение шел следом, пока юноша, отвернувшись, делал пометки в своей тетради.

- Хотел бы я знать, сколько еще проторчат здесь эти бандиты, византийцы, - вздохнул один из солдат. - У них уже была возможность, и они почти разрушили город.

- Когда султан Мехмед занял его, здесь было менее сорока тысяч людей, живших в нищете, - добавил другой.

- *Aynen oyle!* - согласился третий. - Именно так! И посмотрите на город сейчас. Триста тысяч жителей, впервые за многие века город процветает. И все это сделали мы.

- Мы снова сделали город сильным. Мы его восстановили! - подхватил второй.

- Да, но византийцы тут не при чем, - возразил первый. - Они только портят все, за что берутся.

- Как мне узнать их? - спросил Эцио.

- Просто держитесь подальше от наемников в грубой красной одежде, - пояснил первый. - Это византийцы. Они плохие люди.

Потом солдаты ушли готовиться к высадке. К Эцио подошел юноша, вскоре появился его слуга с шарбатом для Эцио.

- Итак, - улыбнулся молодой человек, - теперь вы видите, что *Konstantiniyye* - самый прекрасный город на земле.

- В самом деле, - ответил Эцио.

* Хорошо (тур.)

** Беспорядки (тур.)

*** Простите, господин (тур.)

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Корабль причалил, и пассажиры вместе с членами команды сошли на причал, как только на набережную были сброшены швартовые канаты и опущен трап.

Эцио вернулся в каюту, чтобы забрать сумки. Он уже знал, что сделает первым делом, как только спустится на берег. Слуга его юного друга вытащил на палубу три связанных между собой кожаными ремнями дорожных сундука, и теперь юноша ждал носильщиков, чтобы отнести их на берег. Эцио подошел к нему, чтобы попрощаться.

Молодой человек вздохнул.

- Меня ждет куча работы, но я рад вернуться домой.

- Ты слишком молод, чтобы думать о работе, друг мой!

Взгляд Эцио привлекла рыжеволосая женщина в зеленом. Она суежилась возле большого свертка выглядящего очень тяжелым. Юноша проследил за его взглядом.

- Когда я был в твоём возрасте, у меня были... иные интересы... - Эцио замолчал, глядя на женщину, которая прошла мимо. Она подняла глаза, и Эцио показалось, что их взгляды встретились.

- Приветствую, - сказал он.

Но она его не заметила, и Эцио вернулся к своему товарищу, который с интересом наблюдал за ним.

- Невероятно, - проговорил юноша. - Странно, как вы вообще хоть что-то успевали.

- Вот и мама удивлялась, - Эцио немного грустно улыбнулся в ответ.

Наконец ворота в планшир были открыты, и толпа ожидающих пассажиров направилась к ним.

- Было очень приятно познакомиться с вами, *beyefendi**, - молодой человек учтиво поклонился Эцио. - Надеюсь, здесь вы найдете что-нибудь заслуживающее вашего внимания.

- Надеюсь, так и будет.

Юноша отошел, а Эцио задержался, наблюдая, как женщина пытается поднять свертки, которые боялась доверить носильщикам.

Эцио уже собирался подойти и помочь, но молодой человек его опередил.

- Могу я вам помочь, госпожа? - спросил он.

Женщина посмотрела на него и улыбнулась. Эцио подумал, что ее улыбка была опаснее арбалетного болта. Но она предназначалась не ему.

- Спасибо, юноша, - ответила она, и молодой человек, отмахнувшись от услуг слуги, взвалил сверток на плечо и понес его по трапу на причал.

- Ученый и джентльмен, - ухмыльнулся вслед ему Эцио. - Ты полон сюрпризов.

Молодой человек обернулся и снова улыбнулся.

- Да ладно тебе, друг мой. Лишь самую малость, - он поднял ладонь. - *Allaha ismarladik!*** Да благословит тебя Аллах!

Эцио смотрел, как женщина и юноша исчезают в толпе. А потом внезапно заметил крепко сложенного мужчину лет тридцати пяти в белом сюрко с красным поясом и в темных штанах, заправленных в желтые сапоги, стоявшего чуть в стороне и не сводившего с него глаз. У него были длинные темные волосы и борода. Высоко на левом плече были закреплены в ножнах четыре метательных ножа. Также у него была сабля, а на правом предплечье - защитный наплечник из трехпластинчатой стали. Эцио прищурился, осматривая его более внимательно - ему показалось, хоть он и не был в этом уверен, что заметил на правой руке мужчины ремешки скрытого клинка. На нем был плащ с откинутым капюшоном, непослушные волосы были перевязаны широкой желтой повязкой. Эцио медленно сошел с трапа на причал. Мужчина подошел к нему.

Когда они оказались в двух шагах друг от друга, незнакомец остановился, неуверенно улыбнулся и низко поклонился.

- Добро пожаловать, брат! Если легенды не врут, ты тот человек, с которым я всегда хотел встретиться. Известный Мастер и Наставник - Эцио Аудиторе да... - он осекся, растеряв все достоинство. - Ла-ла-ла, - закончил он.

- Прости? - удивился Эцио.

- Извини, я так и не запомнил эту итальянскую белиберду.

- Я - Эцио Аудиторе да Фиренце. Это город, где я родился.

- Тогда мое имя... Юсуф Тазим да Истанбул! Мне нравится!

- Истанбул. О... Так вот как ты называешь этот город.

- Как и большинство местных жителей. Пойдем... позволь мне помочь...

- Нет, спасибо.

- Как пожелаешь. Добро пожаловать, Наставник! Рад, что ты, в конце концов, добрался до нас. Я покажу тебе город.

- Почему вы меня ждали?

- Твоя сестра прислала из Рима письмо в здешнее Братство. А потом мы получили донесение нашего шпиона о твоих подвигах в Масиафе. Поэтому мы с надеждой недели следили за доками, ожидая твоего приезда, - тут Юсуф заметил недоверчивый взгляд Эцио и усмехнулся. - Письмо написала твоя сестра *Клаудия*. Видишь, я знаю её имя! Могу даже показать письмо. Оно у меня с собой. Я знал, что ты не из тех, кто принимает всё за чистую монету.

- Я видел твой скрытый клинок.

- Кто кроме члена Братства мог бы носить его?

Эцио немного расслабился. Юсуф неожиданно стал серьезным.

- Пошли.

Положив руку на плечо Эцио, он повел его через толпу. Улицы, по которым они шли, были полны людьми всех национальностей и рас, по обе стороны под разноцветными навесами размещались лавки, продающие всевозможные товары. Христиане, иудеи и мусульмане торговались друг с другом, турецкие слова перемешивались с греческими, франкскими и арабскими. Из итальянских Эцио узнал венецианский, генуэзский и флорентийский диалекты. Потом они вошли в другой квартал, и в толпе зазвучали иные языки, половину из которых Эцио узнал - армянский, болгарский, сербский и персидский. Еще он услышал незнакомый гортанный язык, на котором говорили высокие светлокожие люди; у них были рыжие волосы и длинные спутанные бороды.

- Добро пожаловать в район Галата, - просиял Юсуф. - Века он был домом для всякого сброда из Европы и Азии. Нигде больше в городе ты не увидишь столько разношерстного народа. Поэтому ассасины обосновались именно здесь.

- Хотелось бы взглянуть.

Юсуф нетерпеливо кивнул.

- *Kesinlikle****, Наставник. Сейчас! Братство с нетерпением ждет встречи с человеком, который разгромил Борджиа! - он засмеялся.

- Что, уже весь город знает, что я здесь?

- Как только я увидел тебя, я послал вперед мальчишку. В любом случае, твои стычки с тамплиерами на Святой Земле не остались незамеченными. Нам бы даже не понадобились услуги шпиона.

Эцио растерялся.

- Когда я отправился в путь, я не намеревался прибегать к насилию. Я искал лишь мудрость, - он посмотрел на своего нового помощника. - Искал содержимое библиотеки Альтаира.

Юсуф снова засмеялся, хотя уже и не так уверенно.

- Ты не знал, что её запечатали два с половиной века назад?

Эцио и сам рассмеялся в ответ.

- Нет. Это я как раз предполагал. Но признаюсь, я не ожидал, что её будут охранять тамплиеры.

Юсуф снова стал серьезным. Теперь они шли по пустым улочкам и замедлили шаг.

- Это очень тревожная весть. Еще пять лет назад у тамплиеров тут почти не было влияния. Так, жалкая кучка с мечтами о реставрации византийского престола.

Они пришли на небольшую площадь, и Юсуф отвел Эцио в сторону, указывая на четверых человек, что стояли в тени одного из зданий. На них была серая пыльная броня, а поверх красные туники из грубой шерсти и камзолы.

- Это они и есть, - сказал Юсуф, понизив голос. - Только не смотри в их сторону, - он оглянулся. - Их число растет изо дня в день. И им известно, что время султана Баязида на исходе. Они выжидают момента. Думаю, они замышляют что-то.

- Неужели у османского престола нет наследника?

- Беда в том, что их целых два. И они ненавидят друг друга. Как и всегда в королевских семьях. Едва султан кашляет, принцы хватаются за мечи.

Эцио задумался, вспомнив, что говорил ему молодой человек на корабле.

- Должно быть, тамплиеры и османы не дают тебе скучать?

- Эцио, *efendim*, скажу честно, у меня не всегда есть время почистить клинок!

В этот момент раздался выстрел, и в стену в паре дюймов от головы Юсуфа вошла пуля.

* Господин (тур.)

** До свидания (тур.)

*** Конечно (тур.)

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Юсуф и Эцио нырнули за бочки со специями.

- Помяни дьявола, и вот он! - процедил Юсуф, поджав губы, и приподнял голову, чтобы разглядеть, как на другой стороне площади стрелок перезаряжает оружие.

- Похоже, наши византийские друзья не любят когда на них смотрят.

- Я возьму на себя того парня с мушкетом, - решил Юсуф, на глаз прикидывая расстояние между их укрытием и целью, потом дотянулся до ножен на плече и вытащил один из метательных ножей. Легко размахнувшись, он бросил оружие, и нож помчался через площадь. Перевернувшись три раза, оружие достигло цели, угодив в горло стрелку, который уже поднимал пистолет, чтобы выстрелить еще раз. Его товарищи уже бежали к ассасинам, обнажив мечи.

- Отступить некуда, - сказал Эцио, доставая из ножен саблю.

- Вот и твоё крещение огнем, - отозвался Юсуф. - Ты же только прибыл. *Cok uzuldum**.

- Да ладно тебе, - ответил Эцио, усмехнувшись. Он знал турецкий достаточно хорошо, чтобы понять, что его брат по оружию извиняется.

Юсуф обнажил меч, и они вдвое выпрыгнули из укрытия, чтобы встретиться лицом к лицу с врагом. Они были одеты более легко, чем их трое противников, но были более ловкими и подвижными. Едва вступив в схватку с первым византийцем, Эцио понял, что нашел в его лице профессионального бойца. К тому же он еще никак не мог привыкнуть к сабле.

Юсуф даже в бою не переставал шутить, но византийцы были для него давно знакомыми врагами, к тому же он был на пятнадцать лет моложе Эцио.

- Весь город вышел сегодня поприветствовать тебя - сперва регенты вроде меня, а теперь еще и крысы!

Эцио сосредоточился на бое. Сначала дела шли плохо, но потом он сумел оценить легкий гибкий клинок. Он признал, что изогнутое лезвие помогает нанести удар почти без замаха. Пару раз Юсуф, краем глаза следящий за Наставником, давал полезные советы, и, в конечном счете, одарил старшего ассасина восхищенным взглядом.

- *Inanilmaz***! Мастерская работа!

Но Юсуф отвлекся на секунду дольше, чем было нужно, и один из византийцев умудрился ранить его в левое предплечье, разорвав рукав. Юсуф невольно отступил, и противник поспешил воспользоваться преимуществом. Эцио, грубо оттолкнув своего противника в сторону, поспешил на помощь другу. Оказавшись между Юсуфом и византийцем, Эцио защитным наручем на левой руке отбил очередной удар, который мог стать фатальным. Византиец был вынужден отступить, давая Юсуфу восстановить равновесие и, в свою очередь, парировать удар другого наемника, который пытался напасть на Эцио со спины. Аудиторе в это время добил своего противника. Последний оставшийся в живых византиец с крупной челюстью сильно засомневался в своих силах.

- *Tesekkur ederim****, - сказал Юсуф, тяжело дыша.

- *Bir sey degil*****.

- Есть ли предел твоим талантам?

- Ну, еще я, пока плыл на багале, выучил «спасибо» и «добро пожаловать».

- Берегись!

Крупный византиец с ревом ринулся на них, в одной руке у него был меч, в другой булава.

- Клянусь Аллахом, я думал, что он сбежит, - выдохнул Юсуф, отступая в сторону и подтолкнув противника в спину так, что тот, не успев затормозить, пролетел вперед, врезался в бочку со специями, упал головой в ароматный желтый порошок и затих.

Эцио оглянулся, вытер меч и убрал в ножны. Юсуф последовал его примеру.

* Мне так жаль (тур.)

** Невероятно! (тур.)

*** Спасибо (тур.)

**** Пожалуйста (тур.)

- У тебя любопытная техника, Наставник. Одни ложные атаки. Во всяком случае, так казалось. Но когда ты ударил...

- В бою я начинаю думать словно мангуст, сражающийся с коброй.

- Поразительно.

- Я старался.

Юсуф тоже оглянулся.

- Нам лучше уйти. Думаю для одного дня веселья достаточно.

Едва он договорил, как на площадь, привлеченный звуками борьбы, вышел еще один отряд византийских наемников.

Эцио немедленно обнажил меч.

Но тут на другой стороне площади появились солдаты, одетые иначе - в синие с черным туники и конические фетровые шляпы.

- Подожди, подожди! - попросил Юсуф, когда вновь прибывшие атаковали наемников, заставили их перейти в бегство и начали погоню.

- Это были регулярные войска османской армии, - пояснил Юсуф на вопросительный взгляд Эцио. - Не янычары - те являются элитными войсками, и ты сразу узнаешь их, когда увидишь. Все османские солдаты ненавидят византийских бандитов, и это играет на руку ассасинам.

- Серьезно?

Юсуф развел руками.

- Ну, вроде бы. Как и византийцы, они убьют тебя, если ты косо на них посмотришь, но потом будут жалеть.

- Как мило.

Юсуф улыбнулся.

- На самом деле не все так плохо. Впервые за долгое время ассасины стали силой в городе. Так было далеко не всегда. При византийских императорах на нас вели охоту и убивали на месте.

- Расскажешь мне? - попросил Эцио, когда они снова двинулись в путь, к штаб-квартире Братства.

Юсуф почесал подбородок.

- Хм... Старый император, Константин, - одиннадцатый, кто носил это имя, - правил всего тридцать один год. Наш султан Мехмед видел его. Но, судя по всему, сам Константин был не так уж плох. Он был последним императором в роду, что насчитывал тысячелетия правления.

- Избавь меня от урока истории, - перебил Эцио. - Мне интересно, что мы имеем сейчас.

- К тому времени, как Мехмед захватил город, от старой византийской империи уже почти ничего не осталось. Говорят, Константину даже пришлось заменить драгоценности в одеждах на стекляшки.

- Просто ужасно, - с сарказмом вставил Эцио.

- Он был храбрым человеком. Он отказался обменивать свою жизнь на безопасность осажденного города и пошел в бой. Но его племянники эту храбрость не унаследовали. Один из них уже мертв, а второй... - Юсуф задумчиво замолчал.

- Он ненавидит ассасинов?

- Точнее не скажешь. И османов. Во всяком случае, наших правителей точно.

- И где он сейчас?

Юсуф неопределенно пожал плечами.

- Кто знает. Может быть, в изгнании? Но если он все еще жив, то должен что-то замышлять, - он помолчал. - Говорят, в свое время он был особо дружен с Родриго Борджиа.

Эцио замер, услышав имя.

- С Испанцем?

- Верно. С тем, кого ты, в конце концов, убил.

- Это сделал его собственный сын.

- Ну, Борджиа никогда не были святыми, верно? Пошли.

- Пошли.

- Родриго был так же как-то связан с одним сельджуком по имени Джем. Все держалось в страшной тайне, и даже мы, ассасины, не знали обо всем до недавнего времени. Эцио кивнул. Он слышал об этом.

- Если я правильно помню, Джем был авантюристом.

- Он был одним из братьев нынешнего султана, и сам имел притязания на трон, поэтому Баязид отослал его. Джема посадили под домашний арест в Италии, там он и подружился с Родриго.

- Я помню, - кивнул Эцио и продолжил рассказ сам. - Родриго считал, что сможет использовать амбиции Джема, чтобы самому править Константинополем. Но братству удалось убить Джема в Капуе, около пятнадцати лет назад. И это положило конец планам Борджиа.

- И нас за это даже не поблагодарили.

- Мы работаем не ради благодарности.

Юсуф склонил голову.

- Я знаю, Наставник, но признайте, мы очень аккуратно это провернули.

Эцио промолчал, поэтому Юсуф продолжил.

- Двое племянников Константина, о которых я уже говорил, сыновья его другого брата, Фомы. Их тоже изгнали вместе с отцом.

- Почему?

- Ты не поверишь, но Фома надежно стоит за османским тронem. Знакомо звучит?

- Фамилия этой семейки случайно не Борджиа?

Юсуф рассмеялся.

- Палеологи. Но ты прав - они очень похожи. После смерти Джема эти племянники затаились в Европе. Один остался здесь, в попытке собрать армию и отнять Константинополь, но, разумеется, проиграл и умер, как я уже упоминал, семь или восемь лет назад, оставшись без денег и без детей. А второй вернулся, отказавшись от притязаний на трон, и был прощен. Но на самом деле он временно поступил на военно-морскую службу. Казалось, он смирился, живя в роскоши и пороке.

- И сейчас он исчез?

- Верно.

- И мы не знаем его имени?

- У него много имен, но нам не удалось выяснить настоящее.

- И он что-то замышляет?

- Да. У него есть связи с тамплиерами.

- За ним нужно присматривать.

- Если он объявится, мы узнаем об этом.

- Сколько ему лет?

- Говорят, он родился в год, когда Мехмед завоевал Константинополь, значит он всего на несколько лет старше тебя.

- Что ж, он достаточно уже пожил.

Юсуф покосился на него.

- Если у тебя есть план - отлично, - он огляделся. Дорога завела их в самое сердце города.

- Мы почти пришли, - сказал он. - Сюда.

Они завернули за угол и пошли по узкой улице, сумрачной и холодной, несмотря на солнце, которое безуспешно пыталось проникнуть в узкое пространство между домами. Юсуф остановился к небольшой непримечательной двери, окрашенной в зеленый цвет, и взялся за медный молоток. Потом так тихо отстукал секретный код, что Эцио бы удивился, если бы кто-нибудь внутри услышал его. Но буквально через секунду дверь

распахнула девушка с широкими плечами и узкими бедрами, на поясе у нее Эцио увидел эмблему Ассасинов.

Эцио вошел и оказался в просторном дворе, где зеленые лозы цеплялись за желтые стены. Тут собрались юноши и девушки. Когда Юсуф театрально повернулся к Эцио и провозгласил: «Наставник, поприветствуй свою семью», собравшиеся посмотрели на него с благоговением.

Эцио шагнул вперед.

- Приветствую вас, ассасины. Отрадно найти товарищей так далеко от дома. - К своему ужасу Эцио понял, что тронут до слез. Наверное, сказывалось напряжение последних часов, к тому же путешествие весьма утомило его.

- Видите, друзья? - обратился Юсуф к членам Братства ассасинов в Константинополе. - Наш Наставник не боится открыто проявлять чувства перед учениками.

Эцио вытер щеки рукой в перчатке и улыбнулся.

- Не беспокойтесь, это не войдет в привычку.

- Наставник здесь всего несколько часов, а у меня уже есть новости, - продолжил Юсуф более серьезно. - По пути сюда на нас напали. Похоже, наемники снова зашевелились. Вы, - он обратился к трем парням и двум девушкам, - Доган, Касим, Хейреддин, Евраники и Ирины, я хочу, чтобы вы прочесали район. Вперед!

Пятеро безмолвно встали, поклонились Эцио и удалились.

- Остальные могут вернуться к работе, - велел Юсуф, и ассасины разошлись.

Когда они остались одни, Юсуф обернулся к Эцио, и тот увидел озабоченность у него на лице.

- Наставник, ваше оружие и броня нуждаются в починке, как и ваша, уж простите, одежда. Мы поможем вам. Но у нас мало денег.

Эцио улыбнулся.

- Не беспокойся. Мне ничего не нужно. Я предпочитаю заботиться о себе сам. Пришло время самостоятельно изучить город.

- Не желаешь сперва отдохнуть? Или немного освежиться?

- Время для отдыха еще не пришло, - Эцио помолчал, потом снял с плеча сумку и достал сломанный клинок. - Может, ты знаешь достаточно надежного и умелого кузнеца или оружейника, который мог бы починить его?

Юсуф внимательно изучил повреждения, а потом медленно с сожалением покачал головой.

- Я знаю, что это один из клинков, что были изготовлены по чертежам Альтаира в Кодексе, который разыскивал ваш отец. Поэтому его вряд ли можно будет починить. Но если у нас все-таки не получится, знайте, вы не останетесь безоружным. Можете оставить мне часть своего оружия, я вычищу и наточу его. И еще к вашему возвращению будет подготовлена свежая одежда.

- Спасибо, - Эцио направился к двери. При его приближении блондинка-привратник скромно опустила глаза.

- Азиза вас проводит, если вы пожелаете, Наставник, - предложил Юсуф.

Эцио обернулся через плечо.

- Нет. Я пойду один.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

По правде говоря, Эцио хотел остаться один, чтобы собраться с мыслями. Он отправился в таверну в генуэзском квартале, где продавали вино, и взял бутылку белого вина и тарелку супа с макаронами. Остаток дня он изучал район Галаты, стараясь избегать неприятностей. Когда на пути попадались османские патрули или группы византийских наемников, Эцио скрывался в толпе. Он выглядел точно так же, как большая часть странников, гуляющих по разноцветным, грязным, беспорядочным и одновременно прекрасным улицам города.

Когда Эцио, наконец, был доволен результатами прогулки, он вернулся в штаб. Первые лампы уже светились в темноте лавок и стояли на столах в кухнях. Юсуф ждал Эцио в компании нескольких ассасинов.

Когда Эцио вошел, турок подошел к нему, выглядел он при этом очень обрадованным.

- Хвала небесам! Наставник! Я рад снова видеть вас целым и невредимым. Мы боялись, что вас увлекли пороки большого города!

- Не драматизируй, - улыбаясь, ответил Эцио. - Мне хватает своих собственных пороков, спасибо.

- Надеюсь, вы одобрите то, что мы сделали в ваше отсутствие.

Юсуф проводил Эцио во внутреннюю комнату, где для него уже была приготовлена новая одежда. Рядом на дубовом столе было аккуратно разложено его оружие. Отточенное, смазанное и начищенное, оно блестело, как новое. Там же лежал новый арбалет.

- Мы надежно спрятали скрытый клинок, - пояснил Юсуф. - И мы заметили, что у вас нет крюка-ножа.

- Крюка-ножа?

- Да, смотрите, - Юсуф задрал рукав и Эцио увидел то, что сперва принял за скрытый клинок. Но когда Юсуф активировал его, Эцио понял, что это более сложное устройство. Выдвижной клинок нового оружия оканчивался искривленным крюком из закаленной стали.

- Интересно, - прокомментировал Эцио.

- Вы никогда раньше его не видели? А я с детства учился им пользоваться.

- Покажешь?

Юсуф взял новый крюк-нож у одного из ассасинов и перебросил Эцио. Тот закрепил скрытый клинок на левой руке под защитным наручем, а крюк-нож пристегнул на правую. Эцио сразу ощутил непривычную тяжесть нового оружия, и попробовал активировать его. Хотел бы он, чтобы и Леонардо видел это.

- Прдемонстрируешь его возможности?

- Хоть сейчас, если вы готовы.

- Готов.

- Тогда идем, и внимательно смотрите, что я делаю.

Они вышли из штаба и пошли вниз по улице к пустынному месту между высокими кирпичными зданиями. Эцио подошел к одному из них, украшенному выступающими горизонтальными полосами плиток с интервалом в футов десять. Юсуф подбежал к зданию, запрыгнул на бочки с водой, стоявшие у стены, и оттолкнулся от них, уцепившись крюком-ножом за первый ряд выступающих плиток. Потом подтянулся на нем, зацепился за ряд выше, и так, пока, наконец, не оказался на крыше. Все заняло не больше нескольких секунд.

Глубоко вздохнув, Эцио последовал его примеру. Первые два уровня он осилил без труда и даже оценил волнующий новый опыт. На третьем ярусе он едва не промахнулся, но все-таки сумел зацепиться, и вскоре влез на крышу рядом с Юсуфом.

- Не останавливайтесь, чтобы обдумать действия, - посоветовал Юсуф. - Доверьтесь инстинктам, и крюк сам сделает за вас всю работу. Думаю, еще пара подъемов, и вы привыкнете к нему. Вы быстро учитесь, Наставник.

- Я стараюсь.

Юсуф улыбнулся, а потом снова активизировал крюк-нож и показал Эцио.

- Обычный османский крюк-нож состоит из двух частей - крюка и лезвия. Пользоваться можно и тем и другим. Изящно, правда?

- Жаль, что у меня не было такого раньше.

- Возможно, в нем тогда просто не было необходимости. Пошли!

Он понесся по крышам, Эцио побежал следом, вспомнив старые деньки, когда бегал наперегонки с Федерико по крышам Флоренции. Юсуф довел его до места, где Эцио мог потренироваться вдали от чужих глаз. Когда после еще трех попыток у него стало получаться, Юсуф повернулся к нему и сказал с блеском в глазах:

- День еще не закончился. Как на счет более сложной задачи?

- Отлично, - усмехнулся Эцио. - Вперед!

Ассасины снова побежали по опустевшим улицам, пока не добрались до Галатской башни.

- В мирное время, пока на парапетах горят факелы, здесь не выставляют охрану. Нам никто не помешает.

Эцио посмотрел на высоченную башню и нервно сглотнул.

- Вы справитесь. Разбегитесь получше, подпрыгните вверх. И, повторюсь, дайте крюку сделать всю тяжелую работу. В каменной кладке есть много трещин и сколов, вам нужно только выбирать, за какой уцепиться крюком.

Беззаботно рассмеявшись, Юсуф первым полез наверх. Он так мастерски обращался с крюком-ножом, что со стороны казалось, будто он идет - нет, скорее бежит, - по вертикальной стене башни. Спустя несколько мгновений задышающийся, но торжествующий Эцио влез к нему на крышу, оглядываясь вокруг. Как и говорил юноша на корабле, вид отсюда открывался просто ошеломительный. И Эцио не пришлось никого просить, чтобы посмотреть отсюда. Он узнал все ориентиры, показанные ему молодым человеком на борту багалы, и внимательно изучил город с высоты. Одновременно он наслаждался красотой заходящего солнца, чьи красно-золотые лучи напомнили о цвете волос прекрасной женщины, которая плыла на одном с ним корабле и совсем не замечала его.

- Добро пожаловать в Стамбул, Наставник, - сказал Юсуф, смотря прямо на него. - На перекресток Мира!

- Теперь я вижу, почему его так называют.

- Многие правили этим городом, но никто не покорил его. Не важно, как будут его грабить и притеснять, он всегда останется свободным.

- Прекрасное место для дома.

- Так и есть.

Юсуф подошел к краю башни и пару минут смотрел вниз, а потом вновь повернулся к Эцио.

- Вниз наперегонки? - спросил он и, не дожидаясь ответа, бросился с невероятной высоты. Эцио смотрел, как он, словно ястреб, падает вниз с высоты в сто семьдесят пять футов и уверенно приземляется в стог сена, лежащий в телеге. Ассасин вздохнул и бросил последний восхищенный взгляд на город, лежащий внизу. Великий Город. Первый город. Наследник Древнего Рима. Константинополю была уже тысяча лет, он был домом для сотен тысяч жителей уже тогда, когда Рим и Флоренция были лишь деревушками. Его грабили и разоряли, и его легендарная красота давно ушла навсегда. Но он все еще вызывал благоговение даже у своих захватчиков и тех, кто стремился его покорить. И, как и сказал Юсуф, это еще никому не удалось.

Эцио в последний раз оглянулся, осматривая горизонты острым взглядом и борясь с глубокой печалью, наполнявшей его сердце.

А потом развернулся и прыгнул вниз.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

На следующее утро Эцио и Юсуф сидели во дворе штаба ассасинов, изучая планы, разложенные на столе, и обдумывая следующий шаг. Они не сомневались, что вести из Масиафа скоро дойдут до тамплиеров в городе, если уже не дошли, и что со дня на день следует ждать их атаки.

- Тамплиеры - словно гидра, - вслух размышлял Эцио. - Отрубая одну голову - вырастает две.

- В Риме было иначе. Вы и сам видели.

Эцио промолчал. Кончиком пальца он потрогал острие крюка-ножа.

- Я впечатлен этим оружием, Юсуф. Мои братья в Риме много бы заплатили за возможность иметь такое же.

- Их не сложно повторить, - ответил Юсуф. - Просто дайте нам необходимую сумму.

- Мне нужно еще попрактиковаться, - вздохнул Эцио, еще не зная, что скоро практики у него будет предостаточно.

Дверь распахнулась перед ошеломленной Азизой, и во двор ворвался Касим, один из помощников Юсуфа.

- Юсуф-бек, скорее!

Юсуф тут же подскочил.

- Что случилось?

- Атака с двух сторон! На наши убежища в Галате и на Большом Базаре!

- Опять, - зло буркнул Юсуф. - Каждый день одно и то же, - и обратился к Эцио. - Мощная атака тебя не испугает?

- Понятия не имею, но стоит проверить.

- Верно. Желаете подраться?

- Ты знаешь ответ. Надо так надо.

- Отлично! Пришло время применить твой крюк-нож в реальном бою! Вперед!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Не теряя времени, они поспешили по крышам по направлению к убежищу в Галате. Когда они добрались туда, то спустились на улицы, чтобы византийские арбалетчики, занявшие крыши, их не заметили. Но путь к башне оказался перегорожен отрядом вооруженных до зубов наемников, которые с угрозой в голосе приказали им уйти. Ассасины сделали вид, что послушались, и отступили в сторону.

- Используйте свой крюк-нож, Наставник, - сказал Юсуф. - Это надежный способ обойти этих бандитов с максимальной скоростью и минимальными усилиями.

- Звучит неплохо.

- Смотрите. Мы называем это «захват крюком и кувырок».

Недолго думая, Юсуф повернулся лицом к солдатам, перегородившим улицу, выбрал одного и побежал к нему с такой скоростью, что никто не успел среагировать. Прямо перед своей целью он прыгнул, направив руку с крюком так, что крюк зацепился за пояс солдата. Потом Юсуф сделал сальто, в полете освободив клинок, приземлился и на той же скорости бросился прочь от ошарашенных наемников. Прежде чем солдаты успели прийти в себя, Эцио последовал примеру Юсуфа, только в отличие от товарища, старый ассасин в момент сальто ухватил противника за шею и швырнул его на землю, успешно приземлился сам и догнал Юсуфа.

Впереди оказался еще один пост, и Эцио научился у своего друга другому приему. Подойдя к цели, Юсуф низко наклонился, подцепил крюком лодыжку противника, дернул и проскочил над упавшим солдатом. Эцио повторил его действия, и вскоре нагнал главу истанбульских ассасинов.

- Мы называем это «захват крюком и побег», - рассмеялся Юсуф. - Вижу, у тебя получилось. Отличная работа.

- Я чуть не споткнулся, мне нужна практика.

- Она у тебя будет.

- Смотри, еще наемники!

Ассасины стояли на опустевшем перекрестке - открытые боевые действия заставили горожан попрятаться по домам. Наемники окружали Эцио и Юсуфа - со всех сторон на перекресток спешили многочисленные отряды византийцев.

- Что теперь? - спросил Эцио, обнажая меч и активируя скрытый клинок.

- Спрячь оружие, Наставник. Когда ассасин устает бежать, он взмывает в воздух.

Эцио последовал за Юсуфом к ближайшей стене и взобрался по ней с помощью крюка. Наверху Эцио заметил, что на большинстве крыш установлены толстые деревянные столбы, между которыми были протянуты просмоленные веревки. Одни из них вели вверх, другие вниз на соседние крыши. Каждый столб был снабжен шкивами и блоками. Один из таких столбов находился на крыше, где стояли ассасины.

- Мы изобрели эту систему для перевозки грузов от склада до склада, а оттуда - до лавки, - пояснил Юсуф. - Они есть по всему городу. Перемещать по ним груз намного быстрее, чем по переполненным узким улицам. И ассасины тоже перемещаются по ним.

Эцио посмотрел вниз и увидел, что византийцы пытаются вломиться в дом, на крыше которого они стояли. Слишком тяжело вооруженные, чтобы взобраться по стене, солдаты решили проникнуть на крышу изнутри.

- Нам лучше поторопиться.

- Используй свой крюк-нож, - сказал Юсуф. - Просто зацепись им за веревку, держись крепче и спрыгивай, когда достигнешь места.

- Я начинаю понимать, почему вы изобрели это оружие. Оно идеально подходит для жизни в Константинополе!

- Не забудь сказать спасибо, - Юсуф бросил взгляд вниз. - Ты прав, нам нужно торопиться. Он осмотрел соседние крыши. Примерно в трехстах метрах от них на крыше здания, расположенного чуть ниже, он заметил византийца, стоявшего спиной к ним.

- Видишь того парня? - спросил Юсуф.

- Да.

- А чуть левее на соседней крыше другой.

- Вижу.

- Сейчас мы с ними разделаемся, - Юсуф активировал крюк-нож и зацепился им за веревку, потом поднял руку, останавливая Эцио, который собирался последовать его примеру. - Обожди немного. Позволь мне показать.

- Хорошо.

- Мы называем это «скольжением».

Юсуф выждал, пока второй дозорный отвернется, а потом подпрыгнул, испытывая веревку на прочность. Та натянулась, но выдержала. Потом он бросился с крыши и через мгновение уже скользил вниз по веревке к ничего неподозревающему дозорному. В последний миг он выхватил клинок и спрыгнул прямо на цель, перерезав солдату горло. Подхватив обмякшее тело, он осторожно опустил его на крышу и спрятался за небольшим флигелем. Оттуда он издал сдавленный крик.

Второй дозорный насторожился и развернулся в ту сторону, откуда донесся звук.

- Помоги! Ассасины! - слабым голосом позвал Юсуф по-гречески.

- Сейчас! Иду! - отозвался второй и перескочил на соседнюю крышу, чтобы помочь товарищу.

Юсуф сделал знак Эцио, и тот тоже скользнул по веревке вниз. Второй дозорный как раз присел рядом с телом павшего товарища, когда на него свалился Эцио и нанес смертельный удар.

Юсуф вышел из-за флигеля и встал над телами.

- Ты даже не вспотел, - усмехнулся Юсуф, а потом продолжил более серьезно. - Вижу, ты в состоянии позаботиться о себе, поэтому думаю, нам пришло время разойтись. Я отправлюсь на базар и посмотрю, что происходит в нашем убежище. А ты иди к Галате и помоги там.

- Укажешь мне путь?

Юсуф указал направление.

- Видишь башню?

- Да.

- Убежище справа от него. Я не могу быть в двух местах одновременно, но пока ты здесь, мне это не потребуется. Слава Аллаху, что вы здесь, Наставник. Без вашей помощи...

- До сих пор ты справлялся и один.

Юсуф взял его за руку.

- *Haydi rastgele**, Эцио. - Удачи!

- И тебе тоже.

Юсуф поспешил на юг, а Эцио побежал по черепичным крышам, пока не отыскал еще одну веревку. Быстро и беспрепятственно скользя от поста к посту (быстрее, чем он смог бы бежать самостоятельно), Эцио, наконец, добрался до башни и своей новой битвы.

* Ну, удачи (тур.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Эцио добрался до Галаты во время затишья в бое и сумел проскользнуть в убежище незамеченным. Там он встретил уже знакомого ему помощника Юсуфа - Догана.

- Наставник, это большая честь. Но разве Юсуф не с вами?

- Нет... Он поспешил на Большой Базар, где атаковали другое убежище. - Эцио помолчал.

- Какова обстановка?

Доган почесал бровь.

- Мы отбили атаку авангарда, но они отступили и теперь ждут подкрепления.

- Ассасины готовы к битве?

Доган криво улыбнулся, воодушевленный энтузиазмом и самоуверенностью Наставника.

- Теперь, когда вы здесь, готовы.

- Откуда будет следующая атака?

- Вероятнее всего с севера. Они считают ту сторону менее защищенной.

- Тогда лучше убедиться, что она надежно укреплена!

Доган передал ассасинам указания Эцио. Когда тамплиеры перешли в контратаку, ассасины были готовы. Бой был коротким и яростным. На площади возле башни, где располагалось убежище, остались тела пятнадцати тамплиеров. В войске ассасинов оказались лишь раненные - двое мужчин и одна женщина. Тамплиеры были разгромлены.

- Они не скоро вернутся, - сказал Доган, когда все закончилось.

- Будем надеяться. Мой опыт подсказывает, что тамплиеры не любят проигрывать.

- Если они снова попытаются, им придется привыкнуть к поражениям.

Эцио улыбнулся и хлопнул Догана по плечу.

- Отлично сказано!

- Куда вы пойдете теперь?

- Собираюсь помочь Юсуфу в убежище на Большом Базаре. Сообщи мне, если тамплиеры вдруг перегруппируются.

- Это маловероятно, но если так случится, вы узнаете первым.

- Позаботьтесь о раненых. У одного из парней серьезная рана на голове.

- Непременно, Наставник.

- Я смогу добраться до Базара с помощью линии тросов?

- С южного берега Рога. Но вам придется пересечь его на пароме. Это самый быстрый путь до полуострова.

- На пароме?

- Там был мост, но по некоторым причинам его так и не достроили.

- Да, - кивнул Эцио. - Помню, кто-то уже говорил мне об этом, - и протянул руку: - *Allaha ismarladik*.

- *Gule gule**, - с улыбкой ответил Доган.

Убежище, в которое теперь спешил Эцио, располагалось недалеко от Базара в Имперском районе между самим Базаром и древней церковью Святой Софии, которую османы переделали в мечеть.

Бой же шел чуть дальше к юго-западу, недалеко от доков в южной части города. Эцио постоял на крыше, наблюдая за схваткой, которая распространилась на окрестные улицы и набережную. Веревка, закрепленная на столбе рядом с ним, уводила вниз, прямо туда, где бился Юсуф. Он сражался спиной к воде, в самой гуще боя. Юсуф отбивался от полудюжины здоровенных наемников, а его товарищи были слишком заняты своими противниками, чтобы прийти ему на помощь. Эцио зацепился крюком, спрыгнул с высоты двенадцати футов и заскользил по веревке вниз. Приготовив скрытый клинок на левой руке, он отцепился, упал на двух тамплиеров, атаковавших Юсуфа, сбив их с ног. Прежде чем они успели среагировать, они были уже мертвы. Эцио встал, и четверо тамплиеров повернулись к нему, давая Юсуфу передышку и возможность напасть на них с фланга.

Эцио держал крюк-нож наготове.

Едва четыре тамплиера с ревом бросились на Эцио, Юсуф напал на них с бока. Один из солдат почти загнал Эцио в угол, к стене склада, когда тот вспомнил показанный Юсуфом прием и перескочил через противника, после чего нанес смертельный удар скрытым клинком. Тем временем Юсуф разделался еще с двумя. Последний тамплиер сбежал. Бой вокруг них тоже затихал, люди Юсуфа одерживали верх над тамплиерами, которые, наконец, бежали на север, вглубь города.

- Ты прибыл вовремя, чтобы познакомиться с моими новыми друзьями, - улыбнулся Юсуф, вытирая меч и пряча клинок. Эцио сделал то же самое. - Ты сражался как тигр, друг мой. У тебя такой вид, словно ты опоздал на собственную свадьбу.

- Ты хотел сказать на похороны?

- Туда ты точно не опоздаешь.

- На свою свадьбу я опоздал лет на двадцать пять, - Эцио не позволил грусти взять над собой верх и расправил плечи. - Как наша база на Базаре?

Юсуф с сожалением покачал головой.

- Увы, у нас не вышло. Мы едва спасли свои шкуры. Убежище на Базаре захвачено. К несчастью, я пришел слишком поздно. Они уже надежно закрепились там.

- Не отчаивайся. Убежище в Галате в безопасности. Ассасины оттуда могут присоединиться к нам здесь.

Юсуф просиял.

- Вдвоем мы сумеем отбить Базар! Вперед! Сюда!

*Разговорный вариант прощания, что-то вроде русского «пока-пока».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Они прошли по рыночным улицам и пересекли огромный сверкающий лабиринт базара - великолепный, бурный, красно-золотой Большой Базар со множеством улочек, наполненных лавками. Здесь продавалось все: от благовоний, специй и овечьей шерсти до дорогих персидских ковров из Исфахана и Кабула. Мебель из кедра, мечи и доспехи, латунные и серебряные кофейники с искривленными носиками и длинными горлышками, стаканы для чая в форме тюльпанов и большие тонкие - для шарбата. Это была настоящая сокровищница товаров, которые только мог вообразить или пожелать покупатель. На фоне вавилонской речи здесь звучала, по меньшей мере, дюжина иных языков и наречий. Когда они вышли в город на северо-восточной стороне и пошли по улице в сторону убежища, Эцио заметил, как сильно влияние тамплиеров в этом районе. Здания были увешаны их знаменами, а над торговцами измывались византийские наемники.

- Когда тамплиеры захватывают район, - сказал Юсуф, - они громко заявляют об этом. Развешивают флаги, запугивают людей. Сдерживать их бывает непросто, и они всегда кичатся своими победами.

- Как это терпит султан? Это же его город!

- Султан Баязид далеко. А чтобы все держать под контролем у нас не хватает османов. - Юсуф помолчал, обдумывая слова, а потом продолжил. - Султан воюет со своим сыном Селимом на северо-западе от города. Его не было уже несколько лет - с сильного землетрясения в 1509 году. А то и раньше. Он на все закрывает глаза.

- Землетрясение? - Эцио вспомнил вести, дошедшие до Рима. Было разрушено более ста мечетей и множество иных зданий, десятки тысяч жителей погибли.

- Видел бы ты это... Люди называли тот день Малым Судным Днем. Огромные волны, поднявшиеся в Мраморном море, почти снесли городские стены на юге. Но даже тогда султан предпочел ничего не замечать.

- Но твои-то глаза открыты, да?

- Как две полные луны. Будь уверен.

Они добрались до большой открытой *karesi*, где стояли наемники тамплиеров. Солдаты проводили ассасинов подозрительными взглядами.

- Их слишком много, - вздохнул Юсуф. - Лучше воспользуемся вот этой штучкой. - Он вытащил из своей сумки бомбу.

- Это дымовая шашка? - спросил Эцио. - Хм... Не уверен, что она нам поможет.

Юсуф рассмеялся.

- Дымовая? Уважаемый Эцио, Наставник, итальянцы застряли в прошлом веке. Эти бомбы отвлекают. Смотри.

Эцио отступил в сторону, а Юсуф бросил бомбу вперед. Она взорвалась, никого не задев, в стороны полетели мелкие золотые монетки, покатались к наемникам. Те сразу же потеряли интерес к Эцио и Юсуфу, кинулись поднимать монетки, расталкивая в стороны обычных жителей, тоже попытавшихся завладеть неожиданным богатством.

- Что это было? - изумился Эцио, когда они беспрепятственно продолжили путь.

Юсуф лукаво улыбнулся.

- Мы называем их «золотыми бомбами». Они наполнены монетками из пирита. Выглядят как настоящие, но куда дешевле в производстве.

Эцио оглянулся на наемников, подбирающих «золото дураков».

- Видишь? - спросил Юсуф. - Работает безотказно. Пошли дальше, пока они не все собрали.

- Сегодня ты полон сюрпризов.

- Мы сами недавно научились взрывному делу у китайцев, но уже превзошли их самих.

- Наверное, я действительно стар. Давным-давно, еще в Испании, один мой друг делал для меня бомбы, так что я кое-что о них знаю. Научишь меня новой технике?

- Охотно... И кто из нас Наставник, Эцио? Я уже начинаю сомневаться.

- Хватит мне хамить, ассасин! - рассмеялся Эцио, хлопнув Юсуфа по плечу.

Узкая улица вывела их на площадь, где так же стояли византийские наемники. До них донесся шум с соседней *karesi*, и теперь они беспокойно оглядывались. Юсуф вытащил из сумки горсть небольших бомб и передал Эцио.

- Теперь твоя очередь, - сказал он. - Не подведи. Ветер дует нам в спины, поэтому все должно быть нормально.

Византийцы уже заметили ассасинов и потянули из ножен мечи. Эцио взял сразу три бомбочки и бросил их в сторону наемников. При ударе о землю они взорвались с легким хлопком. Мгновение ничего не происходило. А потом тамплиеры растерянно переглянулись и начали задыхаться, пытаясь одновременно отряхнуть одежду, которая была теперь покрыта вонючей вязкой жидкостью. Наемники отступили.

- Вперед, - посоветовал Юсуф. - Запах выветрится нескоро.

- Еще один из твоих сюрпризов?

- Это были бомбы-вонючки. Весьма эффективны, если держаться по ветру.

- Спасибо за предупреждение.

- Какое предупреждение?

- Ты понял.

- Пошли быстрее, мы уже близко.

Они пересекли *karesi* и пошли по широкой улице, где по обе стороны располагались заколоченные лавки. Юсуф остановился у одной из них и осторожно толкнул дверь. Та распахнулась. Внутри был небольшой дворик, вдоль дальней стены которого были сложены бочки и ящики. В середине двора располагался люк, вниз уводили каменные ступени. В левом дальнем углу двора возвышалась башня.

- Так я и думал, - поделился Юсуф и пояснил, - Это одно из наших подземных укрытий. Выглядит довольно пустынным, но внизу наверняка полно тамплиеров. Среди них есть капитан. Могу я попросить тебя отыскать его и убить?

- Я верну тебе это укрытие.

- Хорошо. Потом поднимись на башню и зажги сигнальный огонь. Это еще одна наша бомба, имитирующая сигнальные огни, которые тамплиеры используют для сигнала к отступлению.

- А ты?

- Тамплиеры на площади довольно скоро поймут, в чем дело, поэтому я вернусь туда и постараюсь их задержать и не дать им прийти на помощь сюда. У меня на поясе есть пара фосфорных бомб, они сделают свое дело.

- Так ты все-таки пользуешься устаревшими дымовыми бомбами?

Юсуф кивнул.

- Да, но мне это не очень нравится, - он натянул повязку, закрывая нос и рот. - Пока я не ушел, я хотел поделиться с тобой еще одной хитростью, которая выманит из норы этих «кроликов». Я бы не хотел, чтобы ты спускался вниз и боролся с ними в кромешной тьме. Как только они поднимутся, ты без проблем разделаешься с ними, - он вытащил из сумки еще одну бомбу и показал Эцио. - Сейчас я ее брошу и пойду к своим противникам. Мы должны одновременно уничтожить обе группы тамплиеров или потерпим поражение. Зажми уши - это мощная бомба. В ней полно серы, так что грохот будет сильный. Он привлечет тамплиеров, но я не хочу, чтобы твои уши пострадали.

Эцио последовал совету, спрятавшись в тени двора так, чтобы ему был виден люк. Там он сменил скрытый клинок на пистолет, оставив крюк-нож для ближнего боя. Юсуф бросил бомбу-фейерверк к дальней стене двора и скрылся из вида.

Грохот был настолько силен, что оглушил Эцио, даже не смотря на то, что тот закрыл уши. Он потряс головой, приходя в себя, и в это время из люка на свет выскочил десяток тамплиеров во главе с красноносый капитаном. Они в панике оглядывались. Эцио среагировал незамедлительно, пристрелив трех из них, а потом расправился еще с тремя с помощью крюка-ножа. До них донеслись звуки еще двух взрывов, и три тамплиера убежали прочь. Ветер донес до Эцио слабый запах дыма.

- Отлично сработано, Юсуф, - пробормотал он себе под нос.

Перед Эцио стоял лишь капитан когорты - крупный мускулистый мужчина. Поверх красной туники на нем были черные наплечники, в руках он сжимал саблю из дамасской стали и искривленный кинжал.

- Ты умрешь, - прохрипел капитан. - Я насажу тебя на кинжал и перережу глотку мечом. Хороший ассасин - мертвый ассасин.

- Просто отлично, что тамплиеры существуют даже в шестнадцатом веке, - отозвался Эцио, поднимая левую руку, на которой был закреплен пистолет. Он выстрелил, рассудив, что на таком расстоянии, даже стреляя с левой руки, он не промахнется. И, разумеется, пуля вошла капитану прямо промеж глаз.

Капитан упал на колени, а Эцио уже пересек двор, вскочил на бочки и с помощью крюка-ножа взобрался на башню.

Сигнальные огни, о которых рассказывал Юсуф, были нетронуты, Эцио бросил их в горючую жидкость. Через мгновение та ярко вспыхнула, от огня в воздух поднялся фиолетовый дым.

Когда Эцио спустился вниз, Юсуф уже его ждал.

- Не удивительно, что ты наш Наставник, - сказал ассасин. - Отлично сработано! - Он просто сиял от восторга. - Тамплиеры отступают!

* Площадь (тур.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В убежище на Базаре оказалось чисто, что было удивительно, учитывая, что оно побывало в руках тамплиеров.

- Что-то пострадало? - спросил Эцио Юсуфа. Тот внимательно изучал потолок.

- Вроде бы нет. Византийские тамплиеры берегут трофейную собственность, когда они захватывают что-то, то стараются сохранить в целости.

- Потому что надеются удержать его?

- Именно! - Юсуф потер руки. - Теперь стоит воспользоваться нашей маленькой победой и помочь тебе подготовиться к борьбе с нашими греческими друзьями, - сказал он. - Я уже научил тебя пользоваться некоторыми из наших бомб. Но будет лучше, если ты научишься их создавать.

- И кто-то сможет меня этому научить?

- Конечно! Сам мастер! Пири Рейс.

- Пири Рейс... один из нас?

- Только по манере выражаться. Он не вмешивается в нашу войну, но он на нашей стороне.

- Я думал, он картограф, - удивился Эцио, вспомнив карту Кипра, которую ему подарил Ма'Мун.

- Картограф, мореплаватель, пират - хотя сейчас он состоит в рядах османского флота - он занимается всем. И знает Истанбул - *Kostantiniyye* - как свои пять пальцев.

- Отлично... У меня есть вопросы о городе, ответы на которые он может знать. И он научит меня делать бомбы. Где мне его найти?

- Лучше отправиться прямо сейчас, не теряя времени. Как ты себя чувствуешь после боя? Может, хочешь отдохнуть?

- Нет.

- Хорошо! Тогда выходим прямо сейчас. Его мастерская недалеко отсюда.

Пири Рейс - Адмирал Пири - держал несколько комнат на втором этаже здания на северной стороне Большого Базара. Холодный ясный свет лился через высокие окна на тубусы и пергаменты, аккуратно уложенные на полках стеллажей в тесном кабинете; на столах так же аккуратно были разложены различные карты. Эцио никогда не видел такого разнообразия. Западная и южная стены мастерской так же были завешаны огромными картами. Завершали картину пять больших сфер, по одной в каждом углу и в центре. Работа над сферами так же шла полным ходом - недавние открытия уже были аккуратно добавлены на глобусы. За столами сидели и старательно работали в полной тишине помощники Рейса.

На западной стене размещались подробные, мастерски выполненные чертежи. Как разглядел Эцио, это были схемы бомб. Он подошел к столу, где сидел Пири, и получше рассмотрел чертежи. Оказалось, что бомбы делились по категориям: летальные, тактические, диверсионные и бомбы с особым корпусом. Стол располагался в алькове в стене, а позади стола на полках были разложены металлические инструменты.

Мастерская Рейса сильно отличалась от хаоса, в котором так любил работать Леонардо, подумал Эцио, мысленно улыбаясь при воспоминаниях о друге.

Пири Рейс был лет на шесть-семь моложе Эцио. У него были загорелые, обветренные, крепкие руки, суровое лицо и ясные серые глаза; густая борода его была аккуратно подстрижена. На голове - тюрбан из синего шелка. Одет Пири был в китель с высоким воротом из серебристой парчи, широкие синие штаны и простые деревянные башмаки.

Когда ассасины вошли, картограф, прищурившись, внимательно смотрел на лежащую на столе карту.

Пири оценивающе посмотрел на Эцио, и тот вернул ему взгляд. Юсуф представил их.

- Как ты сказал, тебя зовут? - спросил Пири.

- Эцио. Эцио Аудиторе да Фиренце.

- Ах, да. Мне показалось, Юсуф сказал «Лотарио». Не вижу особой разницы, - он бросил взгляд на Эцио, и ассасин мог бы поклясться, что увидел в его глазах хитрый огонек. Неужели его репутация бежала впереди него?

Эцио подумал, что понравился картографу.

- Я видел ваши работы, - начал Эцио. - У меня была копия вашей карты Кипра.

- У тебя? - грубо отозвался моряк. Ему не очень нравилось, что его оторвали от работы. Или, по крайней мере, он хотел, чтобы они так подумали.

- Но к вам я пришел, чтобы попросить о другом одолжении.

- Карта Кипра была отличной, - Пири проигнорировал слова Эцио. - Но с тех пор я ее улучшил. Покажешь свою?

Эцио замялся.

- У меня ее больше нет, - признался он. - Я подарил ее другу.

Пири исподлобья посмотрел на него.

- Очень щедро с твоей стороны. Ты знаешь, сколько стоят мои карты?

- Знаю. Но я был обязан ему жизнью, - Эцио не решался признаться. - Он моряк, как и вы.

- Хмм... И как его имя? Возможно, я слышал о нем?

- Он мамлюк. Его знают под именем Аль-Скараб.

Пири просиял.

- Этот старый плут! Надеюсь, карта ему пригодится. По крайней мере, он достаточно умен, чтобы не использовать ее против нас.

Потом Пири обратился к Юсуфу.

- Юсуф! Почему ты все еще здесь? У тебя что, нет других дел? Можешь идти и оставить своего друга со мной. У него с собой есть все необходимое. А друзья Аль-Скараба - мои друзья!

Юсуф усмехнулся.

- Оставляю тебя в надежных руках, - сказал он и ушел.

Когда они остались наедине, Пири стал серьезным.

- Я знаю, кто ты, Эцио, и догадываюсь, почему ты здесь. Желаеть освежиться? Могу предложить кофе, если ты его любишь.

- С недавнего времени люблю.

- Отлично! - Пири хлопнул в ладоши, привлекая внимание одного из помощников. Тот кивнул и удалился в дальний конец мастерской, откуда вскоре вернулся с латунным подносом. На нем стоял искривленный сосуд, небольшие чашки и блюдо, полное сладостей светло-янтарного цвета, которые Эцио раньше не пробовал.

- Я помню Аль-Скараба с тех времен, как сам был капером, - проговорил Пири. - Мы с ним бок о бок сражались в битвах при Лепанто около десяти лет назад под флагом моего дяди Кемаля. Наверняка ты о нем слышал?

- Да.

- Испанцы сражались как тигры, но итальянцев - из Генуи и Венеции - почти не было. А ты сам флорентиец, верно?

- Да.

- Сухопутная крыса.

- В моей семье были банкиры.

- Может быть, на первый взгляд так и было, но за этим наверняка скрывалось нечто совсем иное.

- Ну, я никогда не питал такой тяги к банковскому делу, как ты к мореплаваниям.

Пири рассмеялся.

- Да уж! - он отхлебнул кофе и поморщился, когда обжег губы. Потом, не спеша, встал со стула, отложил перо и потянулся, разминая плечи. - Хватит разговоров. Вижу, ты уже разглядел мои чертежи. Что скажешь?

- Они не похожи на карты.

- А ты пришел за картой?

- И да, и нет. У меня есть вопрос о городе, но сперва я хотел кое-что узнать.

Пири развел руками.

- Спрашивай.

Эцио вытащил из сумки книгу Никколо Поло «Тайный крестовый поход» и передал Пири.

- Любопытно, - произнес моряк. - Конечно, я все знаю о семье Поло. Читал книгу Марко. Я бы сказал, что он несколько все приукрасил.

- Я забрал ее у тамплиеров в Масиафе. Юсуф знает о ней и ее содержании.

- В Масиафе? Так ты был и там.

- Тут упоминаются пять ключей к библиотеке Альтаира. Я прочитал, что Альтаир доверил эти ключи Никколо, а тот привез их сюда и спрятал.

- И тамплиерам это известно? Времени у нас в обрез.

Эцио кивнул.

- Они уже отыскивали один. Он был спрятан в подземельях дворца Топкапи. Мне нужно забрать его у них и найти оставшиеся четыре.

- И... откуда ты начнешь?

- Вы знаете, где в городе располагалась старая лавка Поло?

Пири посмотрел на него.

- Я могу указать точное место. Идем сюда, - он направился к огромной подробной карте Константинополя, висевшей на стене в простой золотой раме. Несколько секунд он смотрел на нее, а потом постучал по карте пальцем. - Вот здесь. К западу от Айа-София. Недалеко отсюда... Но почему именно там? Есть какая-то связь?

- Просто предчувствие, к которому я прислушиваюсь.

- Это ценная книга, - медленно произнес Пири.

- Да. Очень ценная.

- Тогда убедись, что она не попадет в чужие руки.

Пири на время замолчал, обдумывая что-то.

- Когда отыщешь старую лавку Поло, будь осторожен, - сказал он, наконец. - Ты можешь найти там не то, что ожидаешь.

- О чем ты?

- Я и сам толком не знаю. Просто прошу тебя быть осторожнее, друг мой.

Эцио сомневался, стоит ли открыть Пири свои планы.

- Я хотел начать отсюда свои поиски. Уверен, там что-то спрятано, что-то, что приведет меня к первому ключу.

- Возможно, - уклончиво ответил Пири. - Но будь настороже.

Потом он улыбнулся и, энергично потерев руки, и спросил:

- Раз с этим мы разобрались, чем я могу тебе еще помочь?

- Думаю, ты и сам догадываешься. Я выполняю задание Ордена ассасинов, пожалуй, самое важное за всю мою жизнь. Юсуф сказал, что вы сможете научить меня делать бомбы. Одни из тех, особых, что вы изготавливаете здесь.

- У Юсуфа слишком длинный язык, - посерьезнел Пири. - Я не могу подставлять свое положение под удар, Эцио. Я навигатор военно-морского флота Баязида, а это моя нынешняя работа, - он указал рукой на карты, а потом подмигнул. - Бомбы – лишь мое увлечение. Но я всегда помогаю друзьям в правом деле.

- Вы всегда можете на меня рассчитывать. Как, надеюсь, и я на вас.

- Хорошо. Пойдем.

Пири провел Эцио к просторной нише в западной стене.

- На самом деле бомбы - часть военно-морского исследовательского проекта, - продолжил он. - Я уже получил благодарность за улучшение артиллерии и взрывчатых веществ. И мои исследования хорошо послужили ассасинам. Дали нам преимущества.

Он указал на технические чертежи.

- Я разработал множество видов бомб, и некоторые из них доступны только для Братства. Как видишь, они делятся на четыре категории. Конечно, стоят они дорого, но Братство всегда это знало.

- Юсуф говорил, что у здешних ассасинов нет средств.

- Обычно да, - ответил Пири. - Но Юсуф крайне находчив. Полагаю, ты знаешь, как ими пользоваться?

- Юсуф кое-что показал мне.

Пири спокойно на него посмотрел.

- Хорошо. Думаю, Юсуф пообещал, что я покажу тебе, как сделать собственные бомбы.

Он обошел стол и взял две части странной металлической конструкции. Эцио с любопытством перегнулся через стол и потянулся к третьей.

- Стой! Стой! Не трогай! - предупредил Пири. - Одно неверное движение и - бах! Дом взлетит на воздух!

- Ты серьезно?

Пири рассмеялся.

- Видел бы ты свое лицо! Смотри, я все покажу.

В течение нескольких следующих часов Пири Рейс учил Эцио как сделать каждую из бомб и объяснял, какие материалы для этого используются.

Эцио узнал, что в каждой бомбе используется порох, но при этом не все бомбы смертельны. При атаке на флот Чезаре Борджиа в Валенсии четыре года назад Эцио уже встречался с поражающими бомбами, а Юсуф научил его использовать диверсионные бомбы, которые создавали дымовую завесу, издавали сильный грохот, распространяли противный запах и разбрасывали пиритовые монетки. Сейчас Пири продемонстрировал ему другие бомбы. Среди бомб со смертельным эффектом были такие, в которых использовалась угольная пыль, которая увеличивала взрывную силу пороха. Осколочные бомбы поражали цели на большом расстоянии, в дальности полета осколков. Бомбы, в которых использовалась кровь ягнят, обливали цели кровью, заставляя думать, что они ранены, и поддаваться панике. Еще один вид не смертельных бомб представлял собой растяжку, осыпавшую противника скрученными между собой гвоздями. Сами же неприятными были бомбы, в которых использовался порошок дурмана или белладонны.

- Мы называем дурман, белладонну, белену и мандрагору - сорняками ведьм, - мрачно пояснил Пири. - Я бы хотел, чтобы ты использовал их только в случае крайней необходимости. Когда бомба взрывается, порошок дурмана вырывается наружу, вызывая безумие, помутнение рассудка и смерть. Пожалуй, эти бомбы хуже всего. Белладонна же выпускает смертельный ядовитый газ.

- Если бы тамплиеры могли, они бы, не задумываясь, использовали их против нас.

- Это нравственный парадокс, с которым человечество будет бороться всегда, пока, наконец, не станет по-настоящему цивилизованным, - ответил Пири. - Использовать зло чтобы бороться со злом - это зло, верно? Или соглашаясь с этим аргументом, мы просто ищем оправдание для собственных действий?

- Сейчас, - вздохнул Эцио, - не время для таких вопросов.

- Компоненты для бомб ты найдешь в городе. Юсуф покажет, где искать, - продолжил Пири. - Поэтому пока будешь ходить по улицам, держи глаза открытыми и смотри под ноги.

Эцио встал, чтобы уйти. Пири протянул ему руку.

- Возвращайся, если тебе снова понадобится помощь.

Эцио ответил на рукопожатие, удивляясь его крепости.

- Надеюсь, мы еще встретимся.

- О, - загадочно улыбнулся Пири, - Я в этом не сомневаюсь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Следуя инструкциям Пири Рейса, Эцио прошел по Базару, игнорируя настойчивые уговоры торговцев, на запад, к кварталу у мечети Айа-София. Там он чуть не заплутал в лабиринте улиц и переулков, но, в конце концов, нашел то самое место, которое указывал на карте Пири.

Книжный магазин. Венецианская фамилия на вывеске над дверью.

Он вошел и к своему удивлению и радости столкнулся лицом к лицу с молодой женщиной, с которой плыл на одном корабле на пути в Константинополь. Она тепло его поприветствовала, но только как потенциального покупателя. Ничто не указывало на то, что она узнала его.

- Добрый день! *Merhaba!* - она автоматически перешла с итальянского на турецкий. - Пожалуйста, входите.

Она занималась книгами, и, повернувшись к Эцио, опрокинула одну из стопок. Эцио сразу отметил, что магазин представляет собой полную противоположность аккуратной мастерской Пири Рейса.

- Ох! - воскликнула женщина. - Простите за беспорядок! Из-за поездки я не успела прибраться.

- Вы прибыли с Родоса, верно?

Она с удивлением посмотрела на него.

- Да. Как вы узнали?

- Мы плыли на одном корабле, - он слегка поклонился. - Меня зовут Эцио Аудиторе.

- А я София Сартор. Мы знакомы?

Эцио улыбнулся.

- Теперь да. Я могу осмотреться?

- Прошу. Лучшие книги в задней комнате.

Используя книги как предлог, Эцио по лабиринту хаотично расставленных полок прошел в дальние комнаты магазина.

- Приятно встретить здесь итальянца, - произнесла София, следуя за ним. - Большая часть наших соотечественников живет в Венецианском районе и в Галате.

- Я тоже рад встретиться с вами. Я думал, что из-за войны между Венецией и Османской империей большинство итальянцев покинули город. Прошло не так много времени с ее завершения - лет семь-восемь.

- В конце концов, Венеция смогла сохранить за собой острова в Белом море, и стороны пришли к соглашению, - отозвалась она. - По крайней мере, пока что.

- Так вы жили в городе все это время?

Она пожала плечами.

- В детстве я жила здесь с родителями. Когда началась война, мы уехали, но я всегда знала, что вернусь, - она помолчала. - А откуда вы?

- Из Флоренции.

- Ох.

- Что-то не так?

- Нет-нет. Я знаю нескольких флорентийцев...

- Тогда не стоит так удивляться.

- Простите меня. Если у вас будут вопросы на счет книг, спрашивайте.

- Спасибо.

- Большая часть книг находится на складе, на заднем дворе, - не отставая ни на шаг, сказала София. - Если быть честной, здесь их куда больше, чем я смогу продать.

- А зачем вы ездили на Родос?

- Рыцари Родоса в затруднительном положении. Они знают, что османы не отказались от идеи захватить остров, и знают, что это лишь вопрос времени. Филипп Вилье де Л'Иль-Адам распродает часть своей библиотеки. Так что можете считать это походом по магазинам. Не очень, правда, успешным. Цены были слишком высоки!

- Де Л'Иль-Адам отличный великий магистр и храбрый человек.
- Вы с ним знакомы?
- Только с его репутацией.

Пока Эцио занимался поисками, София внимательно смотрела на него.

- Что ж, приятно было поговорить с вами... Вы уверены, что я не смогу вам помочь? Вы выглядите немного потерянным.

Эцио решил говорить начистоту.

- На самом деле я пришел не покупать.
- Я, - решительно ответила София, - ничего не отдаю даром, мессер.
- Простите. Просто еще немного потерпите меня. А потом я все улажу.
- Как?
- Посмотрим.
- Должна сказать...

Эцио жестом оборвал ее и сдвинул в сторону книжный шкаф стоявшую у задней стены магазина. Эта стена была толще остальных, к тому же на ней была трещина, которых не было на других.

За шкафом обнаружился дверной проход.

- Бог мой! - воскликнула София. - Откуда здесь дверь?
- Кто-нибудь когда-нибудь передвигал эти шкафы?
- Никогда. Они стояли здесь, когда отец приобрел магазин, а до этого лавка работала очень долго, я бы сказала десятки лет.
- Ясно, - Эцио стряхнул рукой пыл и мусор, собравшийся на двери. Его было столько, что, казалось, он собрался не за десятилетия, а за века. Ручки, за которую можно было открыть дверь, не было. И тут Эцио вспомнил секретную дверь, за которой скрывалось хранилище в Монтериджони, в крепости его дяди. Ощупав дверь в поисках скрытой кнопки, он вскоре обнаружил ее. Дверь распахнулась внутрь. За ней обнаружилась лестница, уводившая вниз в темноту.
- Невероятно, - пробормотала женщина, заглядывая Эцио через плечо. Он чувствовал слабый аромат, исходящий от ее волос и кожи.
- С вашего позволения, я выясню, куда она ведет, - решительно заявил он.
- Я принесу вам свечу.

Через минуту она вернулась со свечой и трутницей.

- Кто вы, мессер? - спросила она, заглядывая ему в глаза.
- Самый интересный мужчина в вашей жизни.

Она улыбнулась.

- Ах! Сколько тщеславия!
- Оставайтесь здесь. Не пускайте никого в магазин. Я скоро вернусь.

Оставив ее в одиночестве, он пошел по лестнице, которая привела его в подземный туннель.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Эцио оказался в системе подземных цистерн. В неясном свете свечи он разглядел сводчатый потолок, поддерживаемый рядом стройных колонн. Капитель была украшена различными символами, среди которых Эцио увидел «глаза». В основаниях некоторых колонн Эцио, к своему удивлению, заметил перевернутые головы чудовищной Горгоны.

Ассасин догадался, куда привела его лестница - в *Yerebatan Sarnici**. Обширная цепь цистерн, построенных под Константинополем. Никколо Поло упоминал об этом в своей книге. Цистерны были построены тысячу лет назад Юстинианом для фильтрации воды. Но даже зная все это Эцио не чувствовал себя менее жутко.

Огромный, похожий на пещеру зал вокруг ассасина был велик, как кафедральный собор. Звук шагов эхом разносился по нему. Эцио вспомнил, что Никколо Поло в «Тайном крестовом походе» сделал намек, где искать один из ключей. Направления, данные в книге, были туманны, но Эцио решил попробовать двинуться по ним. Он сосредоточился, вспоминая подробности.

Идти по мелководью, покрывающему пол цистерны, бесшумно было трудно, но Эцио удалось свести все производимые им звуки к минимуму. Впрочем, любой шум, который он мог произвести, вскоре был бы заглушен голосами ничего не подозревающих людей, донесшимися спереди. Очевидно, Эцио был не одинок в своих поисках, и он напомнил себе о том, что, прежде чем попасть к нему, книга была в руках тамплиеров.

Впереди ассасин увидел огни. Эцио потушил свечу и пополз к ним. Вскоре он различил форму двух тамплиеров-пехотинцев, которые сидели вокруг небольшого костра, горящего в темном коридоре. Эцио приблизился. Он достаточно хорошо знал греческий, чтобы понять, о чем они говорили.

Первый из говоривших был в плохом настроении и не стеснялся это показать. Казалось, он на грани истерики.

- *Ti distihia!*** - агрессивно выпалил он. - Какое убожество! Знаешь, сколько мы уже торчим в этой поганой цистерне?

- Лично я здесь пару недель, - отозвался его более молчаливый товарищ.

- Недель! Тринадцать месяцев! С тех самых пор, как наш Грандмастер нашел чертов ключ! - он чуть понизил голос. - Но он действует вслепую. Знает только то, - тон солдата стал язвительным, - что «они где-то в городе».

Голос второго солдата зазвучал более возбужденно, громкий голос разнесся по коридору.

- Город-то большой...

- Ну да! Вот и я про то.

Их перебил подошедший сержант.

- Займитесь делом, лентяи! Думаете, вам платят за то, что вы весь день отсиживаете задницы?

Ворча, солдаты поднялись. Эцио тенью следовал за ними, надеясь собрать побольше информации. К солдатам присоединились товарищи, так же недовольно ворчавшие.

Эцио следил за тем, чтобы не выдать себя. Солдаты могли быть уставшими и недовольными, но все равно оставались хорошо обученными и бдительными.

- Петрос! - позвал один. - Проверь, достаточно ли у нас факелов для раскопок. Достало ползать в темноте.

При слове «раскопки» Эцио наострил уши. Он снова шагнул вперед и задел ножами одну из колонн; раздался скрежет, который эхом отразился от сводчатого потолка.

Петрос оглянулся.

- Здесь есть кто-то еще, - прошипел он. - Держитесь настороже.

Солдаты подобрались, передавая информацию друг другу шепотом.

- Ты что-то видел?

- Обыскать каждый угол!

Эцио отступил еще дальше в тень, терпеливо дожидаясь, пока паника поутихнет, и напомнил себе, что надо быть поаккуратнее.

Постепенно все успокоилось, и солдаты продолжили поиски. Он видел, что все их действия бесцельны, что они сами это понимают, но продолжал следить, надеясь отыскать указание, и слушал их разговор.

- Ну и воняет здесь.

- А чего ты ждал? Это канализация!

- Хотел бы я вдохнуть чистого воздуха.

- Потерпи! Смена в три часа!

- Тише вы! - рявкнул подошедший командир. - И держите ухо востро. Одному богу известно, почему именно вас выбрали для такого ответственного задания.

Эцио прошел вперед, мимо солдат, и вышел на каменную набережную, на которой у жаровни стояли два младших офицера. Флорентиец прислушался.

- Я точно знаю, что мы на шаг впереди ассасинов, - сказал один.

- Грандмастер приказал, чтобы мы поспешили. Ассасины могут быть ближе, чем мы думаем.

- У него свои причины. Как выглядят эти ключи?

- Похожи на тот, что мы отыскиали под Топкапи. Во всяком случае, я так предполагаю.

Второй встряхнулся.

- Еще восемь часов в этой грязи. *Apistefto!****

- Согласен. Мне за всю жизнь не было так скучно.

- Да. Но мы обязаны как можно скорее найти ключи.

- Мечтай больше.

Первый вдруг быстро оглянулся по сторонам.

- Что это было?

- Наверное, крыса. Одному богу известно, сколько здесь этих тварей.

- Кажется, будто тени движутся.

- Это просто пламя.

- Здесь кто-то есть. Я слышу его.

- Возьми себя в руки. Ты сходишь с ума.

Эцио прокрался мимо них, стараясь двигаться медленно. Несмотря на спешку, он не осмелился быстро идти по воде, опасаясь, что рябь его выдаст. Наконец, два офицера и остальные тамплиеры остались далеко позади, и Эцио более уверенно двинулся по темному коридору, который стал значительно ниже и уже, чем тот, что был освещен.

Почему-то Эцио чувствовал, что так и должно быть. Как только последние отблески света и голоса тамплиеров стихли, Эцио решил зажечь свечу. Вытащив ее из сумки вместе с трутницей, ассасин, молясь чтобы ничего не выронить, высек искру.

Свеча загорелась. Выждав мгновение и убедившись, что за ним не следят, Эцио двинулся по извилистому коридору. К ужасу Эцио, он привел его на перепутье. Выбрав один из коридоров, Эцио пошел по нему и уперся в глухую стену. Вернувшись по собственным следам назад, он подумал, что это может оказаться настоящий лабиринт. Эцио вошел в другой темный коридор, уведивший дальше вглубь. Ассасин надеялся, что запомнил дорогу назад, и что хозяйке книжной лавки можно доверять. Наконец впереди Эцио увидел тусклый отблеск, не ярче света светлячка.

Он шел по коридору, пока тот не вывел его в небольшую круглую комнату с куполообразным потолком, который терялся в тенях. Вдоль стен с равными интервалами стояли полуколонны. Стояла тишина, прерываемая лишь звуками капавшей воды.

В центре комнаты на небольшом каменном столе лежала сложенная карта. Эцио развернул ее и увидел точнейший план Константинополя, в центре которого был четко обозначена торговая лавка братьев Поло. На карту были нанесены четыре линии, и каждый полученный таким образом сектор содержал какой-либо ориентир.

На полях карты были написаны названия двенадцати книг. Из них четыре были по одной размещены в каждом из секторов карты. Их названия были написаны зеленым, синими, красными и черными чернилами.

Эцио бережно сложил карту и убрал в сумку, а потом посмотрел на то, что лежало в центре стола.

Это был резной каменный диск не более четырех дюймов в ширину. Диск был тонкий, сужался к внешним краям, и был сделан из камня, который Эцио принял за обсидиан. Точно по центру в диске было отверстие в полдюйма в диаметре. Поверхность диска покрывали рисунки, некоторые из которых Эцио уже видел на страницах Кодекса, которые собирали его отец и дядя. Солнце, чьи лучи упирались в протянутые к миру руки, странные человекоподобные существа неопределенного пола с огромными глазами, губами, лбами и животами, что-то похожее на трудные для понимания математические символы и расчеты.

Диск светился.

Осторожно почти благоговейно Эцио взял его в руки. Он ощутил то же самое чувство, как когда в последний раз держал Яблоко. Он уже догадывался, что держал в руках.

Когда Эцио повертел диск в руках, свечение усилилось.

«*Che succede?*» - подумал Эцио - Что происходит?..»

Свечение стало почти непереносимым, ярче солнечного. Эцио пришлось закрыть глаза, и тут комната взорвалась ураганом света.

* Цистерна Базилика (тур.)

** Что за ужасное место! (греч.)

*** Невероятно! (греч.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Эцио одновременно был в комнате и не был. Он не был уверен - грезит ли он наяву или впал в некое подобие транса.

Но он точно знал, где и когда он был. За годы до его рождения, в конце двенадцатого века. Пока его несло сквозь закрученные облака и лучи внеземного света, в его сознании возникла дата - год 1189 от рождения Господа нашего. Свет, в конце концов, стал угасать, и Эцио увидел вдалеке крепость, в которой сразу узнал Масиаф. Облака перенесли его ближе, и Эцио услышал звуки ожесточенного боя. Он увидел, как в смертельной схватке сошлись пехотинцы и всадники. Потом услышал топот копыт. На площадь на всем скаку въехал молодой ассасин, одетый в белое.

Эцио смотрел, пока не утратил самого себя, свою личность... Произошло что-то такое, что показалось ему отчасти знакомым. То было сообщение из прошлого, которое он еще не знал, но которое было ему хорошо известно...

Молодой человек в белом, обнажив меч, верхом проскакал через ворота и ворвался в самую гущу схватки, где два здоровенных крестоносца уже собирались добить раненого ассасина. Наклонившись в седле, юноша легким ударом убил первого солдата, и лишь потом остановил разгоряченного коня и спрыгнул на землю в клубах пыли. Второй крестоносец развернулся к нему лицом. В одно мгновение молодой человек вытащил метательный кинжал и швырнул его в крестоносца. С убийственной точностью кинжал вонзился противнику в шею, туда, где заканчивался шлем. Враг упал на колени, а потом рухнул лицом в пыль.

Молодой человек бросился на помощь товарищу, лежащему под деревом. Меч раненого выскользнул у него из руки. Прислонившись спиной к стволу, раненый человек дотянулся до лодыжки и скривился от боли.

- Как ты? - быстро спросил юноша.

- Сломал ногу. Ты прибыл в последний момент.

Молодой человек наклонился, помогая товарищу встать. Обхватив его за плечи, он помог ему добраться до лавки у стены.

Раненый посмотрел на него.

- Как твое имя, брат?

- Альтаир, сын Умара.

Лицо раненого прояснилось.

- Умар. Хороший человек, погибший достойно, так же, как жил - с честью.

Из гущи боя к ним, покачиваясь, подбежал третий ассасин, уставший и окровавленный.

- Альтаир! - воскликнул он. - Нас предали! Враг захватил замок!

Альтаир ибн Ла'Ахад закончил перевязывать рану товарища, а потом, похлопав его по плечу, успокоил:

- Жить будешь, - и повернулся к подошедшему, недружелюбно на него посмотрев. - Плохие новости, Аббас. Где Аль Муалим?

Аббас покачал головой.

- Когда крестоносцы прорвались, он был внутри. Мы больше ничем не сможем ему помочь.

Альтаир ответил не сразу. Он стоял, повернувшись лицом к замку, возвышающемуся на скалистом утесе пятьюстами ярдами выше. Он думал.

- Альтаир! - прервал его размышления Аббас. - Нужно отступить!

Альтаир спокойно повернулся к нему.

- Слушай. Когда я закрою ворота замка, атакуйте крестоносцев с фланга и уведите их в ущелье на западе.

- Это безрассудство, - зло огрызнулся Аббас. - У тебя нет ни шанса!

- Аббас! - сурово ответил Альтаир. - Смотри, не ошибись.

Запрыгнув в седло, ассасин поскакал к замку. Альтаира глубоко печалили сцены разрушений, которые он встречал на пути. По обеим сторонам дороги стояли жители

деревни. Какая-то женщина подняла голову и крикнула: «Будь прокляты эти крестоносцы! Пусть они все падут от твоего меча!»

- Оставь молитвы священникам, сестра.

Альтаир прищипил коня, но потом замедлил скорость, увидев, как крестоносцы грабят деревню и преследуют жителей, которые сбежали из осажденной крепости и теперь пытались скрыться в деревне. Три раза Альтаиру пришлось тратить драгоценное время и силы, чтобы защитить жителей от бесчинств франков, которые называли себя Воинством Христовым. Но когда он снова отправился в путь, прищипив коня, вслед ему неслись слова благодарности и одобрения.

- Благослови тебя Аллах, ассасин!

- Я уже думал, что умру! Спасибо тебе!

- Утопи этих крестоносцев в море, раз и навсегда!

Наконец, он добрался до распахнутых ворот. Посмотрев вверх, Альтаир увидел другого ассасина, который лихорадочно пытался разобраться с лебедкой, опускающей ворота. Возле одной из башен стоял отряд ассасинов.

- Почему врата все еще открыты? - спросил Альтаир.

- Обе лебедки заклинило. Замок кишит врагами.

Альтаир осмотрел двор и увидел отряд крестоносцев, устремившихся в его сторону.

- Удерживайте позицию, - приказал он командиру отряда.

Убрав меч в ножны и спешившись, Альтаир полез вверх по внешней стене к товарищу, пытающемуся освободить лебедки. Когда они взялись за дело вдвоем, им удалось частично опустить ворота - те со скрежетом рухнули вниз на несколько футов.

- Почти удалось, - произнес Альтаир сквозь стиснутые зубы.

Напрягая мускулы, они снова попытались освободить вторую лебедку, накрутившуюся на зубцы шестерни. Наконец им это удалось. Решетка обрушилась прямо на сошедших в схватке ассасинов и крестоносцев. Ассасины успели отступить, но отряд крестоносцев оказался разделен на две части. Половина из них остались за опустившимися воротами.

Альтаир спустился по каменным ступеням, ведущим со сторожевой башни на центральный двор крепости. Тела ассасинов лежащие тут и там говорили о том, что еще недавно тут шел ожесточенный бой. Оглядев укрепления и крепостную стену, Альтаир увидел, как дверь Главной Башни распахнулась, и оттуда вышли люди, при виде которых у ассасина перехватило дыхание. Отряд элитных крестоносцев, окруживший Главу Братства - Аль Муалима. Старик был в полубессознательном состоянии. Двое устрашающего вида солдат держали его под руки. А еще с ними был человек с кинжалом, которого Альтаир знал. Крепкого сложения мужчина с темным непроницаемым взглядом и глубоким уродливым шрамом, пересекавшим щеку. Тонкие его волосы были подвязаны черной лентой.

Харас.

Альтаир давно задавался вопросом, кому на самом деле был верен Харас. Будучи адептом ассасинов, он никогда не был доволен своим положением в Братстве. Он всегда искал легкие пути к достижению цели и не довольствовался наградами за заслуги. Боец с хорошей репутацией, он, словно хамелеон, всегда входил в доверие к людям, подстраивался под других. Наконец амбиции его взяли верх. Воспользовавшись первой же возможностью, он вероломно переметнулся на сторону крестоносцев. Сейчас на нем была их униформа.

- Не подходи, Альтаир! - закричал Харас. - Еще шаг, и твой Наставник умрет!

Услышав его слова, Аль Муалим подобрался, гордо выпрямился и громко сказал:

- Убей этого жалкого неудачника, Альтаир! Я не боюсь смерти!

- Ты не уйдешь отсюда живым, предатель! - угрожающе заявил Харасу Альтаир.

Харас рассмеялся.

- Нет. Ты ошибаешься. Я не предатель, - он взял шлем, висевший у него на поясе, и надел его. Шлем крестоносца! Потом снова засмеялся. - Видишь? Нельзя предать тех, кого никогда не любил.

Харас шагнул к Альтаиру.

- Тогда ты жалок вдвойне, - ответил Альтаир. – Вся твоя жизнь была ложью.

А потом все случилось очень быстро. Харас обнажил меч и бросился на Альтаира. В тот же миг Аль Муалим освободился из рук державших его солдат и с силой, противоречащей его возрасту, вырвал у одного из них меч и зарубил. Харас на мгновение отвлекся на это, и Альтаир поспешил воспользоваться возможностью, ударив предателя скрытым клинком. Харас увернулся и нанес коварный удар снизу, так что Альтаир потерял равновесие, но быстро вскочил на ноги, перекатившись по земле. На помощь к Харасу поспешили крестоносцы. Краем глаза Альтаир следил за тем, как Аль Муалим борется со своими противниками.

- Убить ублюдка! - приказал Харас, отходя подальше.

Ярость поднялась в Альтаире. Он рванул вперед, рассекая горло двум напавшим на него крестоносцам. Остальные в страхе отступили, оставив остоленевшего Хараса в одиночестве. Альтаир оттеснил его в угол. Нужно было поторопиться, чтобы успеть на помощь к Наставнику.

Харас заметив, что Альтаир на миг отвлекся, рубанул кинжалом, разрезая ткань одежд. Альтаир ударил в ответ, вонзив скрытый клинок прямо в основание шеи Хараса, чуть выше грудины. Со сдавленным криком предатель упал у стены. Альтаир замер.

Харас смотрел на Альтаира, загораживающего солнце.

- Ты слишком переоцениваешь людей, Альтаир, - с трудом произнес он, кровь на его груди пузырилась. - Тамплиеры знают правду. Люди слабы, подлы и мелочны, - он не понимал, что описывает самого себя.

- Нет, Харас. Кредо говорит об обратном. Хотя бы сейчас в последние минуты жизни обратиться к нему вновь. Я прошу тебя об этом в качестве искупления твоей вины.

- Ты все поймешь, Альтаир. И дорого за это заплатишь, - Харас на мгновение задумался, а когда заговорил снова, свет в его глазах стал медленно гаснуть. – Может, я недостаточно мудр, чтобы понимать, но я сомневаюсь в истинности того, что ты считаешь правдой. И у меня хватает ума не верить в эту чушь.

Глаза его остекленели, тело завалилось на бок, последний хриплый вздох вырвался у него из груди, а потом тело обмякло.

Сомнения, что он посеял в разуме Альтаира своими словами, не сразу дали плоды. Сперва нужно было закончить дела, и лишь потом думать. Молодой человек развернулся и бросился к Наставнику. Плечом к плечу они сражались с крестоносцами, пока те не были разгромлены - погибли или бежали.

Все вокруг теперь говорило о том, что ассасины медленно, но верно одерживают победу. Войско крестоносцев отступило из замка, хотя битва в деревне все еще продолжалась. Вскоре в замок прибежал посланник, подтвердивший это.

Аль Муалим и Альтаир отошли под дерево сбоку от дверей в главную башню, чтобы отдышаться.

- Ты предложил предателю, Харасу, последний шанс умереть с честью, признав свои ошибки. Почему?

Альтаир, которому польстило внимание Наставника, ответил:

- Никто не должен умирать, не получив искупления.

Аль Муалим внимательно посмотрел на Альтаира, а потом улыбнулся и кивнул. Вместе они направились к воротам замка.

- Альтаир, - начал Аль Муалим. – У меня на глазах ты вырос из мальчика в мужчину и должен сказать, что это наполняет меня и грустью, и гордостью. Но одно я могу сказать наверняка: ты достойный сын своего отца, Умара.

Альтаир поднял взгляд.

- Я не знал его как отца. Только как ассасина.

Аль Муалим положил ему на плечо руку.

- Ты с рождения вступил в Орден, в Братство, - он помолчал. - Ты хотя бы раз сожалел об этом?

- Наставник... как я могу сожалеть о своей единственной судьбе?

Аль Муалим глубокомысленно кивнул и, взглянув вверх, сделал знак ассасину, стоявшему на парапете.

- Со временем ты найдешь ответ, Альтаир. Придет время, и ты сам выберешь тот путь, который захочешь.

По сигналу Аль Муалима ассасин на сторожевой башне поднял ворота замка.

- Пойдем, мой мальчик, - вздохнул старик. - И готовь клинок. Этот бой еще не закончен.

Вместе они направились к воротам и исчезли в ярком солнечном свете.

Льющийся со всех сторон свет этот был столь ярок, что Эцио почти ослеп. Он заморгал, стараясь избавиться от мелькавших перед глазами разноцветных пятен, и энергично помотал головой, прогоняя видение. Потом и вовсе зажмурился.

Когда он снова открыл глаза, сердцебиение пришло в норму. Эцио снова был в подземной комнате, освещенной лишь неярым светом от свечи. Он обнаружил, что все еще сжимает в руках каменный диск. Теперь он точно знал, что это такое.

Первый ключ.

Эцио посмотрел на свечу. Казалось, его не было очень долго - пламя съело почти весь свечной жир.

Убрав ключ в сумку, он отправился назад, к дневному свету и к Софии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Взволнованная София отложила книгу, которую пыталась читать, и подбежала к нему.

- Эцио! Здравствуйте! Я думала, что вы пропали!

- Я тоже, - отозвался Эцио

- Вы нашли что-нибудь?

- Да. Кое-что, что может вас заинтересовать.

Они подошли к большому столу, с которого София убрала книги. Эцио вытащил найденную карту и разложил ее.

- Боже мой, как красиво! - воскликнула она. - Смотрите, вот мой магазин. Прямо в центре.

- Да. Он находится в очень важном месте. Посмотрите на поля.

Она достала очки и склонилась над картой, рассматривая названия книг.

- Это редкие книги. Что это за символы?

- Я бы и сам хотел это выяснить.

- Некоторые из этих книг очень-очень редки. Их не видели уже тысячелетие! Они стоят целое состояние!

- Ваш магазин располагается на месте торговой лавки братьев Поло - Никколо и Маффео. Никколо спрятал эти книги по всему городу. Эта карта подскажет, где их искать, если мы сможем ее расшифровать.

Она сняла очки и заинтригованно посмотрела на него.

- Хммм. Вы заинтересовали меня. Чуть-чуть.

Эцио улыбнулся и, склонившись над картой, указал на что-то.

- Как я понял, из этих двенадцати книг сперва мне нужно найти вот эти три.

- А остальные?

- Это еще предстоит выяснить. Они могут быть просто отвлекающим маневром. Я уверен, что нужно разыскать вот эти три. В них могут быть подсказки, где искать остальные.

Он вытащил из сумки каменный диск. София снова надела очки и, посмотрев, покачала головой.

- Очень интересно.

- Это ключ от библиотеки.

- Не очень похоже на ключ.

- Это особая библиотека. Точно такой же ключ нашли под дворцом Топкапи. Но, слава богу, еще есть время отыскать другие.

- Нашли? Кто?

- Те, кто не читает книг.

София только улыбнулась, но Эцио был серьезен.

- София... Как вы думаете, у вас получится расшифровать эту карту? Помочь мне отыскать эти книги?

София несколько минут молча изучала карту, потом выпрямилась и, улыбаясь, посмотрела на Эцио сверкающими глазами.

- В магазине много справочников. Думаю, с их помощью у меня получится разгадать эту тайну. Но только при одном условии.

- Да?

- Я могу одолжить эти книги, когда они вам не понадобятся?

Эцио был сбит с толку.

- Полагаю, мы что-нибудь придумаем.

Когда Эцио ушел, она проводила его взглядом, а потом закрыла магазин. Захватив несколько книг, записную книжку и ручку она вернулась к столу, придвинула стул, села и уверенно принялась за работу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

На следующий день Эцио отыскал Юсуфа возле Ипподрома на юго-востоке полуострова. Друг в компании младших ассасинов изучал карту. Когда Эцио подошел, совещание закончилось, и Юсуф сложил карту.

- Приветствую, Наставник, - сказал он. - Если я не ошибся, то ты что-то отыскал в магазине. Если я доживу до завтра, у нас будет, что рассказать друг другу.

- А ты можешь не дожить?

- До нас дошли слухи о плане, который вынашивают византийцы. Молодой принц Сулейман вернулся из хаджа, и они планируют проникнуть во дворец Топкапи. И собираются сделать это именно сегодня.

- Почему именно сегодня?

- Во дворце устраивают званый вечер. Культурное мероприятие. Выставка картин - художников, вроде братьев Беллини, и творчество наших местных мастеров. И конечно музыка.

- Каков наш план?

Юсуф серьезно посмотрел на него.

- Брат мой, это не твой бой. Тебе нет необходимости влезать в наши местные разборки.

- Зато мне нужно в Топкапи. Под ним тамплиеры нашли один из ключей к библиотеке Альтаира, и я хочу выяснить, как.

- Эцио, мы собираемся защитить принца, а не допрашивать его.

- Доверься мне Юсуф. Только скажи, куда идти.

Юсуфа его слова совсем не убедили, но он всё же сказал:

- Встречаемся у главных ворот дворца. Мы собираемся выдать себя за музыкантов и затеряться в толпе настоящих.

- Я буду ждать тебя там.

- Тебе нужен костюм. И инструмент.

- Я играл на лютне.

- Посмотрим, что сможем сделать. Тебе будет лучше скрыться среди итальянских музыкантов. Ты не похож на турка, поэтому среди нас будешь выделяться.

В сумерках Эцио, Юсуф и отряд ассасинов, официально одетые, собрались возле главных ворот.

- Тебе нравится твой наряд?

- Вполне. Но рукава слегка туговаты. Нельзя спрятать скрытый клинок.

- Ты не сможешь играть на лютне со свободными рукавами. Чуть не забыл - лютня. Ты же ее хотел?

- Верно.

- Мы вооружены. Укажи нам цель и предоставь работу нам. Вот держи, - один из ассасинов передал ему отличную лютню, и Юсуф вручил ее Эцио. Тот провел рукой по струнам.

- Ради Аллаха, тебе придется играть получше, - усмехнулся Юсуф.

- Я уже давно не играл.

- Ты уверен, что знаешь, как играть?

- Разучил пару аккордов в молодости.

- Ты когда-то был молод?

- Давным-давно.

Юсуф одернул свой костюм из желто-зеленого атласа.

- Ну и видок у меня. Я выгляжу смешно!

- Ты выглядишь как остальные лютнисты, это главное. Пойдем, оркестр уже собрался.

Они прошли туда, где слонялись нетерпеливые итальянские музыканты в ожидании, когда их пустят во дворец. Юсуф и его люди были одеты как турки и держали в руках танбуры, уды, кануны, кудумы - все инструменты, на которых они могли хотя бы сносно играть.

Эцио увидел, как открывается боковой вход. Ему было приятно снова оказаться среди земляков, и он разговорился с ними.

- Ты из Флоренции? Приятно познакомиться! Это будет хороший концерт, - сказал один из музыкантов.

- Хороший концерт? - встрял игрок на виоле. - Вы бы побывали во Франции! У них лучшие музыканты. Я был там меньше полугода назад и слышал «Qui Habitat» Жоскена. Это самый прекрасный хорал, который я слышал. Вы слышали его работы, Эцио?

- Немного.

- Жоскен, - вмешался первый, игрок на свирели. - Да, он превосходен. Никто в Италии не сравнится с его талантом.

- Придет и наше время.

- Я вижу, ты лютнист, Эцио? - спросил гитарист. - Я недавно экспериментировал с настройками. Замечательный способ отыскать новые идеи. Например, я настроил четвертую струну так, чтобы она звучала в малой терции. Получается очень мрачно. Ты захватил с собой струны? Я за месяц порвал шесть!

- Музыка Жоскена слишком необычна для меня, - сказал игрок на лире. - Полифония никогда не войдет в моду.

- Сыграй, - игнорируя его слова, продолжал гитарист. - Я хотел бы запомнить пару восточных мотивов, прежде чем мы войдем внутрь.

- Хорошая идея. Должен сказать, это отличное место для выступления. И люди просто великолепны. Не то, что в Вероне. Там невозможно пройти по улице - тебя тут же ограбят,

- вставил музыкант, державший в руках шавм.

- Когда нас уже пустят? - спросил Эцио.

- Скоро, - ответил игрок на лире. - Смотри, они уже открывают ворота.

Мужчина с виолой критически осмотрел струны и довольно улыбнулся.

- Прекрасный день для выступления, правда, Эцио?

- Надеюсь на это, - ответил Эцио.

Они направились к воротам, где османские офицеры пропускали музыкантов.

К несчастью, когда подошла очередь Эцио, один из офицеров остановил его.

- Сыграй нам, - сказал он. - Мне нравится лютня.

Эцио беспомощно наблюдал, как его товарищи удаляются прочь.

- Простите, синьор, но я играю только для принца Сулеймана.

- Любой старый *gerzek** может притащить инструмент. Не припомню, чтобы видел тебя раньше в числе этих музыкантов. Сыграй нам.

Глубоко вздохнув, Эцио наиграл простую баллату, которую изучил в те времена, когда во Флоренции у них еще был семейный палаццо.

- Прости, но это ужасно! - воскликнул офицер. - Или это какая-то особенная музыка?

- Ты играешь на лютне, словно на стиральной доске, - весело добавил другой.

- Звучит так, словно ты кошку мучаешь.

- Я не могу работать в таких условиях! - обиженно отозвался Эцио. - Дайте мне возможность разогреться.

- Ладно! Попробуй еще раз.

Эцио сосредоточился и попытался снова. Пару раз запнувшись, ему удалось сыграть кусок старого произведения Ландини. Получилось неплохо, так что под конец офицеры даже зааплодировали.

- *Pekala***, - кивнул первый. - Заходи, а то гости уже обеспокоены, что это тут за шум.

Эцио прошел в ворота и оказался в центре огромной толпы. Это был широкий мраморный двор, частично устланный коврами и выглядящий словно атриум, он сверкал огнями и цветами тамаринда. Между гостей сновали слуги, несущие сладости и прохладительные напитки. В толпе были благородные лица османской империи, дипломаты, известные художники и торговцы из Италии, Сербии, Пелопоннеса, Персии и Армении. В этой разношерстной толпе было почти невозможно разыскать византийцев.

Эцио подумал, что лучше всего будет присоединиться к итальянской труппе, но решил с этим повременить.

Дворцовая охрана была настороже, и вскоре один из солдат подошел к ассасину.

- Простите, сир, вы заблудились?

- Нет.

- Вы музыкант? Тогда играйте, а не стойте столбом!

Ярость поднялась в Эцио, но он сдержал гнев. К счастью, его спасла компания богато выглядящих турков - четверо прилизанных мужчин и четыре сногшибательно красивых женщины.

- Сыграй нам что-нибудь, - попросили они, окружив его.

Эцио снова заиграл Ландини, вспомнив и другие произведения композитора. Мысленно он молился, чтобы слушатели не посчитали музыку слишком старомодной. Но они были в восторге. Вместе с уверенностью к Эцио вернулось и мастерство. Он даже осмелился немного импровизировать и даже петь.

- *Pek guzel****, - прокомментировал один из слушателей, когда Эцио закончил.

- Действительно, красиво, - согласился его друг, чьи глаза насыщенного фиалкового цвета глубоко впечатлили Эцио.

- Хмм. Техника у него так себе, - возразил третий.

- Мурад, ты такой зануда. Подумай о выражении! Это куда важнее, - воскликнул одна из женщин.

- Он играет почти так же хорошо, как одевается, - произнесла вторая, оглядывая Эцио.

- Звучит так прекрасно, словно капли дождя, - вздохнула третья.

- Действительно, итальянские лютни так же прекрасны, как наш уд, - признал Мурад, потянув за собой друга. - Увы, нам пора.

- *Tesekkür ederim, efendim*****, - удаляясь, зашебетали женщины.

Охранники больше не беспокоили Эцио, и он смог добраться до Юсуфа и его отряда.

- Великолепно, Наставник, - восхитился Юсуф. - Но наш с тобой разговор могут посчитать подозрительным. Постарайся прикинуться во второй двор. Я тебя там найду.

- Хорошая идея, - согласился Эцио. - Но что нас там ждет?

- Внутреннее окружение принца. И если повезет, сам Сулейман. Но будь настороже, Наставник. Там тоже может быть опасно.

* Дурак (тур.)

** Хорошо (тур.)

*** Очень хорошо (тур.)

**** Благодарим, господин (тур.)

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Во втором дворе было тише, но убранство, еда, напитки, музыка и произведения искусства были намного лучше.

Эцио и Юсуф, стоя в стороне, оглядели толпу.

- Я не вижу принца Сулеймана, - произнес Юсуф.

- Подожди немного! - воззвал к нему Эцио.

Оркестр заиграл фанфары, гости, как один, в ожидании повернулись к проходу в дальней стене двора, завешенной прекрасными гобеленами. На полу перед проходом лежали дорогие шелковые исфаханские ковры. Несколько секунд спустя из прохода вышли двое мужчин в одеждах из белого шелка в окружении группы вооруженных солдат. На одном из мужчин был тюрбан с алмазными булавками, на другом - с изумрудными. Эцио посмотрел на того, что был моложе, и, к своему удивлению, узнал его.

- Кто этот юноша? - спросил он друга.

- Это принц Сулейман, - ответил Юсуф. - Внук султана Баязида и правитель Кафы. А ведь ему только семнадцать.

Эцио был удивлен.

- Я плыл с ним на одном корабле. Он сказал, что он ученик.

- Я слышал, что он любит путешествовать инкогнито. Это еще и мера безопасности. Он возвращался из хаджа.

- А второй? В тюрбане с изумрудными заколками?

- Это его дядя, принц Ахмет. Любимый сын султана. Он уже приготовился унаследовать трон.

Эцио внимательно наблюдал, как принцам представляли гостей. Потом наследники подняли бокалы с рубиновой жидкостью.

- Вино? - спросил Эцио.

- Клюквенный сок.

- *Serefe! Sagligniza!** - громко воскликнул принц Ахмет, салютуя бокалом собравшимся.

После формального тоста и гости, и принцы почувствовали себя более непринужденно. Хотя Сулейман как-то сразу оказался окружен разными людьми, Эцио заметил, что его охрана остается настороже. Это были высокие мужчины, не похожие на турков. Они носили особую форму белого цвета, а на голове - высокие и сужающиеся кверху, словно у дервишей, колпаки. Никто из них не был чисто выбрит и не носил бороду, зато у всех были усы. Эцио достаточно хорошо знал османские обычаи, чтобы понять, что эти люди рабы. Возможно, они личная охрана принца?

Юсуф схватил Эцио за руку.

- Смотри! Вон там человек!

Худой бледный молодой человек с тонкими светлыми волосами и темно-кариими невыразительными глазами украдкой приблизился вплотную к Сулейману. Юноша был богато одет и мог быть преуспевающим сербским торговцем оружием, либо кем-то достаточно благородным, чтобы пройти во второй двор. Эцио быстро осмотрел толпу и заметил еще четверых элегантно одетых мужчин (ни один из которых не был турком), занявших определенные позиции и незаметно переглядывающихся друг с другом.

Прежде чем Юсуф и Эцио успели среагировать, худой молодой человек, стоявший почти вплотную к Сулейману, с невероятной скоростью выхватил тонкую изогнутую джамбию и ударил ей, целя принцу в грудь. Ближайший телохранитель заметил оружие и закрыл принца собой.

Вокруг поднялся хаос. Гости отшатнулись в стороны, а телохранители бросились к принцам и погибшему товарищу. Пятеро неудавшихся убийц-тамплиеров бросились бежать сквозь паникующую и голосящую толпу. Худой юноша исчез, но стража заметила четверых его товарищей и кинулась за ними в погоню. Византийские заговорщики, используя неразбериху в толпе пробирались к выходу. Ворота успели закрыть, но убийцы все равно попытались сбежать. В суматохе никто не заметил, что принц Ахмет куда-то

пропал, а принца Сулеймана оттеснили в сторону. Эцио заметил, что принц спокойно и крепко сжимает в руках кинжал.

- Эцио! - прошипел Юсуф. - Смотри!

Эцио проследил за взглядом друга и снова увидел худого юношу. Выбравшись из толпы позади принца, он уже подкрался к цели и занес оружие.

Эцио был гораздо ближе чем Юсуф, поэтому если кто и мог успеть спасти принца, то только он. Но Эцио был безоружен! Посмотрев на лютню, которую все еще держал в руках, ассасин, со вздохом сожаления, решился и разбил инструмент о ближайшую колонну. Лютня разлетелась на куски, оставив в руках Эцио острый осколок рукоятки.

Эцио прыгнул вперед, перехватил византийца за запястье, заставляя его отступить, и вонзил четырехдюймовый деревянный обломок глубоко в левый глаз противника. Византиец замер, джамбия выпала у него из руки, зазвенела по мраморному полу. Сам убийца рухнул следом.

Толпа замолчала, отступила от Эцио и Сулеймана на почтительное расстояние, образовав круг. Телохранители принца собирались вмешаться, но Сулейман остановил их взмахом руки.

Принц убрал свой кинжал и неглубоко вздохнул. А потом шагнул ближе к Эцио - знак доверия, на которых толпа ответила единодушных вздохом.

- Приятно снова встретить вас, *mio bel menestrello*. Я правильно сказал?

- «Мой прекрасный менестрель». Все верно.

- Сожалею о вашей лютне. Это более прекрасный инструмент, чем меч.

- Вы правы. Но ей не защитишь жизнь.

- Кое-кто с этим может не согласиться.

- Возможно. Обстоятельства бывают разные, - двое мужчин обменялись улыбками. - Я слышал, что вы не только правитель, но еще и принц. Чем вы не занимаетесь?

- Я не разговариваю с незнакомцами, - Сулейман почти незаметно поклонился. - Я Сулейман Осман.

- Эцио Аудиторе, - Эцио ответил поклоном.

К ним подошел один из телохранителей, одетых в белое.

- Простите мой принц. По приказу вашего дяди мы должны удостовериться, что вы не ранены.

- Где он?

- Он ждет вас.

Сулейман холодно посмотрел на солдата.

- Передайте ему, что я не ранен лишь благодаря этому человеку. Не благодаря вам! Вам! Янычарам! Элитной страже, которая подвела меня, наследника благородного рода! Где ваш капитан?

- Тарик Барлети уехал по делу.

- По делу? Вы осознаете, что сейчас выглядите некомпетентными по сравнению с этим незнакомцем? - Сулейман расправил плечи, так что стражник, мускулистый громила весом в триста фунтов, затрепетал. - Уберите тело и отправьте гостей по домам. А потом пришлите Тарика ко двору!

Когда телохранитель отошел, принц снова повернулся к Эцио.

- Неприятная ситуация. Янычары телохранители султана.

- Но семью султана они не охраняют?

- Как оказалось, нет. - Сулейман помолчал, оценивающе смотря на Эцио. - Я не хочу задерживать вас, но мне хотелось бы услышать ваше мнение по одному вопросу. Это важно.

Эцио заметил, что Юсуф подает ему знак из медленно расходящейся толпы.

- Дайте мне время переодеться, - Эцио украдкой кивнул другу.

- Хорошо. В любом случае у меня тоже есть неотложные дела. Когда будете готовы, приходите ко двору. Мои слуги проводят вас.

Он хлопнул в ладоши и удалился.

- Это было впечатляюще, - сказал Юсуф, когда они шли из дворца в сопровождении двух слуг Сулеймана. – Ты так представил нас принцу, как мы даже и не мечтали.

- Я представил ему *себя*, - напомнил ему Эцио.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Когда спустя совсем немного времени Эцио нашел Сулеймана рядом комнатой для проведения советов, во дворце, принц уже ждал его. Выглядел Сулейман встревоженным.

- Я договорился о встрече с моим дядей, принцем Ахметом, и капитаном Тариком Барлети, - без предисловий начал он. – Но сперва я должен кое-что объяснить. Янычары верны моему деду, но не одобряют того, кого он хочет видеть на троне.

- Ахмета.

- Верно. Янычары поддерживают моего отца, Селима.

- Хмм, - задумавшись, произнес Эцио. – Это проблема. Но скажите, причем тут византийцы?

Сулейман покачал головой.

- Я надеялся, что вы мне это объясните. Вы не можете мне разобраться?

- Я сам за ними слежу. И до тех пор, пока наши интересы не пересекаются, для меня будет честью помогать вам.

Сулейман загадочно улыбнулся.

- Я приму любую помощь, - он помолчал. - Слушайте внимательно. В верхней части башни, вон там, есть люк, ведущий в тайную комнату. Поднимайтесь туда, оттуда вы будете видеть и слышать все, что происходит в зале.

Эцио кивнул и тут же ушел, а Сулейман направился в зал.

Когда Эцио пробрался наверх, совещание в зале совета прямо под ним уже началось, и атмосфера, судя по всему, накалялась. Трое мужчин сидели и стояли возле длинного стола, пол в комнате был покрыт коврами из Бергамы. Над столом висел гобелен изображающий Баязида и его сыновей.

Ахмет, энергичный мужчина лет сорока пяти, с короткими темно-каштановыми волосами, бородой и непокрытой головой, успел за время, прошедшее с покушения, переодеться в богатые одежды красных, зеленых и белых цветов. Он настойчиво говорил:

- Мой племянник прав, Тарик. Вопиющая халатность, на грани с изменой. Сегодня безродный лютнист превзошел твоих янычаров! Абсурд!

Тарик Барлети, чье покрытое боевыми шрамами лицо частично скрывала седая борода, мрачно отозвался:

- Это непростительная ошибка, *efendim*. Я сам проведу расследование.

- Расследование проведу я, Тарик, - вмешался Сулейман. - По вполне очевидным причинам.

Барлети коротко кивнул.

- *Evet, Sehzadem* *. Вы мудры, как ваш отец.

Ахмет бросил на капитана яростный взгляд, а Сулейман ответил:

- И так же строг. - Он повернулся к дяде и более официально сказал: - *Sehzad* ** Ахмет, я рад видеть, что вы не пострадали.

- Взаимно, Сулейман. Да хранит тебя Аллах.

Насколько Эцио мог понять, Сулейман вел какую-то игру. Он увидел, как принц встал и подозвал слуг.

- Мне пора, - заявил он. - Скоро я объявлю о результатах расследования этого прискорбного инцидента, будьте уверены.

В сопровождении свиты и солдат он покинул зал. Тарик Барлети собирался, было, последовать его примеру, но принц Ахмет остановил его.

- Тарик-бей... на пару слов.

Солдат обернулся, Ахмет подозвал его ближе. Эцио напрягся, чтобы не пропустить ни слова, тон у Ахмета был неожиданно радушный.

- Интересно, в чем была цель этого нападения? Выставить меня слабаком? Показать, что я плохой правитель? - он помолчал. - Если таков был твой план, мой дорогой капитан, если ты замешан в этом, ты совершил серьезную ошибку! Отец выбрал наследником меня, а не моего брата!

Тарик ответил не сразу, выражение его лица было пресным, почти скучающим.

- Принц Ахмед, я даже помыслить не могу о той мерзости, в которой вы меня обвиняете. Ахмед отступил на шаг, но голос его оставался таким же ровным и приветливым.

- Что я сделал, чтобы заслужить презрение янычаров? Что есть у моего брата, чего нет у меня?

Тарик поколебался мгновение и ответил:

- Я могу говорить откровенно?

- Конечно.

Тарик посмотрел ему в глаза.

- Вы слабы, Ахмет. Нерешительны во время войны, суетливы в мирное время. Вам чужды традиции *ghazi* - священных воинов, - и вы говорите о братстве с неверными. - Он помолчал. - Из вас бы вышел неплохой философ, Ахмет, но султаном вы будете никудышным.

Лицо Ахмета потемнело. Он щелкнул пальцами и за его спиной встал его личный телохранитель.

- Можешь идти, - холодно сказал он капитану янычаров.

Эцио подождал еще несколько минут, пока и сам Ахмет выйдет из зала, а потом спустился к принцу Сулейману.

- Какова семейка, да? - сказал принц. - Не волнуйтесь, я тоже слушал.

Эцио обеспокоенно посмотрел на него.

- Вашего дядю не любят те, кем ему предстоит командовать. Почему он не приказал казнить Тарика за такую дерзость?

- Тарик хороший человек, - развел руками принц. - Хороший, но амбициозный. Он очень восхищается моим отцом.

- Но он не смог защитить вас во время покушения! Одно это подозрительно.

- Верно.

- И с чего мы начнем?

Сулейман задумался, а Эцио не сводил с него глаз. *«Он мудр не по годам»*, - с уважением подумал ассасин.

- Мы будем следить за Тариком и его янычарами, - решил Сулейман. – В свое свободное время они часто бывают на Базаре. Вы и ваши... помощники... займетесь этим? - деликатно поинтересовался он.

В глубине души Эцио помнил предостережение Юсуфа о том, чтобы он не ввязывался в османские разборки, но ему отчего-то казалось, что его поиски и политика крепко связаны. И он решился.

- Отныне, принц Сулейман, никто из них не чихнет без нашего ведома.

* Да, молодой принц (тур.)

** Принц (тур.)

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Убедившись, что Юсуф и ассасины Константинополя следят за каждым шагом янычаров на Большом Базаре, Эцио в сопровождении Азизы отправился в южные доки, чтобы добыть материалы, необходимые для создания бомб, из списка, который составил для него Пири Рейс. Закончив с покупками, он отправил Азизу в штаб ассасинов, и тут заметил в толпе у причала Софию. Она разговаривала с мужчиной, похожим на итальянца, примерно одного с Эцио возраста. Когда он подошел ближе, то не только увидел, что София смущена и растеряна, но и узнал человека, с которым она говорила. Эцио был сильно удивлен и озадачен. Появление этого человека вызвало у него воспоминания и ряд противоречивых эмоций.

Не показываясь, Эцио подошел еще ближе.

Это был Дуччо Довидзи. Много лет назад Эцио сломал ему правую руку, когда обнаружил, что Дуччо лжет его сестре, с которой тогда встречался. Эцио заметил, что рука срослась неправильно. Сам Дуччо выглядел изможденным, но это ничуть не повлияло на его поведение. Очевидно, София ему приглянулась, и теперь он вздумал к ней приставать.

- Моя дорогая, - сказал он, - нити наших судеб переплелись. Два итальянца, которых занесло на Восток. Разве вы не чувствуете притяжения?

Скучающая София с досадой ответила:

- Я чувствую многое, мессер, но главным образом тошноту.

Эцио ощутил дежа-вю и решил, что пришло его время.

- Он пристаёт к вам, София? - спросил он, подходя к женщине.

Дуччо, раздосадованный тем, что его перебили, повернулся к нему лицом.

- Простите, мессер, но донна и я...

И тут он узнал Эцио.

- Ох! Дьявол в человеческом облики! - он неосознанно схватился за правую руку. - Прочь!

- Дуччо, рад тебя снова встретить.

Дуччо не говоря ни слова, бросился в сторону, но споткнулся и растянулся на мостовой, закричав:

- Бегите, госпожа! Спасайтесь!

Эцио и София смотрели, как он бежит с причала. В воздухе повисло неловкое молчание.

- Кто это был?

- Пес, - отозвался Эцио. - Много лет назад он был помолвлен с моей сестрой.

- И чем все закончилось?

- Этот *cazzo* был помолвлен еще с шестью девушками.

- Вы не стесняетесь в выражениях, - голос Софии звучал немного удивленно. Она не ожидала, что Эцио станет так грубо ругаться, но не обиделась.

- Простите, - он помолчал, а потом спросил: - Что привело вас на пристань?

- Я покинула магазин, чтобы забрать посылку, но таможенники говорят, что судовые документы не в порядке. Поэтому я жду.

Эцио осмотрел хорошо охраняемую гавань, мысленно составляя план.

- Так не вовремя, - продолжила София. - Я могу проторчать тут весь день.

- Посмотрим, что можно сделать, - сказал Эцио. - Я знаю пару способов обойти правила.

- Вы? Должна сказать, я восхищаюсь вашей уверенностью.

- Предоставьте дело мне. Я вернусь в вашу лавку.

- Хорошо, - она порылась в сумке. - Вот бумаги. Пакет очень ценный. Прошу, если вам удастся его забрать, берегите его.

- Непременно.

- Спасибо, - она улыбнулась и пошла в сторону города.

Эцио мгновение смотрел ей вслед, а потом вошел в большое деревянное здание, где располагалась таможня. Внутри оказался длинный прилавок, за которым стояли шкафы,

где лежали посылки и бандероли. На одной из нижних полок, что стояли ближе к прилавку, он увидел деревянный тубус для карт с прикрепленной к нему запиской: «София Сартор».

- Великолепно, - буркнул он себе под нос.

- Могу я вам помочь? - к Эцио подошел тучный чиновник.

- Да, пожалуйста. Я пришел вот за этой посылкой, - он указал рукой.

Чиновник обернулся.

- Боюсь, об этом не может быть и речи! Весь этот груз изъят, пока не будут дооформлены документы.

- И сколько времени это займет?

- Не могу точно сказать.

- Часы?

Чиновник поджал губы.

- Дни?

- Ну, как сказать... Конечно, если подумать... кое-что можно будет сделать...

- К черту!

Чиновник растерял все свое напускное дружелюбие.

- Вы пытаетесь помешать мне выполнять мои обязанности? - рявкнул он. - Прочь отсюда, старик! И не возвращайся сюда больше!

Эцио оттолкнул его в сторону и подошел к прилавку. Схватив тубус с картой, он уже повернулся, чтобы уйти, но чиновник засвистел в свисток. Его коллеги-таможенники, которые охраняли доки, ринулись ему на помощь.

- Этот человек! - взвизгнул чиновник. - Он пытался подкупить меня, а когда не вышло, напал на меня!

Когда стражники рванулись чтобы схватить Эцио, тот забрался на прилавок. Размахивая увесистым тубусом он разбил пару голов и перепрыгнул через остальных, а потом, запутывая следы, побежал прочь.

- Это единственный способ борьбы с мелким чиновничеством, - с удовольствием сказал Эцио сам себе.

Он исчез в извилистых лабиринтах улиц к северу от доков, когда его преследователи еще даже не опомнились. Без бумаг Софии, которые до сих пор лежали у Эцио в кармане, им никогда не удастся отыскать ее.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Ближе к полудню Эцио вошел в магазин к западу от Айа-София.

Когда он оказался внутри, то заметил, что София навела в магазине порядок. В дальней комнате он увидел ее рабочий стол, на котором была развернута карта, которую он нашел в Цистернах, и толстые книги.

- Приветствую, Эцио, - сказала София. - Вы вернулись куда быстрее, чем я ожидала. Повезло?

Эцио поднял деревянный тубус и прочитал: «Госпожа София Сартор, букинист, Константинополь». Это вы?

С улыбкой он протянул ей тубус. Она радостно взяла его, внимательно осмотрела и помрачнела.

- О нет! Вы только посмотрите! Неужели они отбивались им от пиратов?

Эцио немного смущенно пожал плечами. София открыла тубус и вытащила карту.

- Что ж, неплохо.

Подойдя к столу, она осторожно развернула свиток. Это оказалась копия карты мира.

- Разве она не прекрасна? - спросила женщина.

- Действительно, - Эцио подошел к ней и тоже клонился над картой.

- Это копия карты Мартина Вальдземюллера. Она довольно новая, он создал ее всего четыре года назад. Посмотрите вот сюда, налево! Это новые земли, которые открыл и описал навигатор Веспуччи всего четырьмя или пятью годами ранее, чем была создана сама карта!

- Эти немцы быстро работают, - согласился Эцио. - Я вижу, они назвали новые земли христианским именем Веспуччи - Америго.

- Америка!

- Да... Бедный Христофор Колумб. Как ведь повернулась история.

- А что вы скажете об этом водном пространстве? - она указала на воды по другую сторону Северной и Южной Америки. Эцио наклонился ниже, рассматривая его.

- Возможно, новый океан? Большинство ученых, которых я знаю, утверждают, что земной шар куда больше, чем мы думаем.

- Это невероятно, - задумчиво произнесла София. - Чем больше мы узнаем о мире, тем меньше мы о нем знаем.

Они оба замолчали, обдумывая эту мысль. Эцио подумал, что новый век, к которому они приближались - шестнадцатый - был только началом. Но что будет происходить в нем, он мог только догадываться, и отдавал себе отчет в том, что в его годы он уже многого и не увидит.

Без сомнения, будет еще больше открытий и еще больше войн. По сути, повторялась та же самая игра, с теми же самыми актерами. Менялись только костюмы и декорации - свои у каждого поколения, которые считали, что только они знают, как сделать мир лучше.

- Вы выполнили свое обещание, - сказала, наконец, София. - А я выполнила свое.

Она провела его в дальнюю комнату и взяла со стола лист бумаги.

- Если я не ошиблась, то здесь указано местонахождение первой книги.

Эцио взял листок и почитал написанное.

- Должна признать, - продолжила София, - что у меня кружится голова от мысли, что я увижу эти книги. Утраченные знания, которые непременно должны быть возвращены миру. - Она села за стол, мечтательно положив подбородок на сложенные руки.

- Возможно, у меня получится сделать несколько копий и продать их. Небольшим тиражом, штук пятьдесят не больше... Этого будет достаточно...

Эцио не сдержал улыбки, а потом и вовсе рассмеялся.

- Что тут смешного?

- Простите. Приятно видеть благородного и столь страстно увлеченного человека. Это очень... вдохновляет.

- Ну, надо же, - немного смущенно ответила она. - Откуда это в вас?

Эцио поднял листок.

- Я собираюсь немедленно пойти и обследовать это место, - сказал он. - Спасибо, София. Я скоро вернусь.

- С нетерпением этого жду, - отозвалась она, глядя ему вслед со смесью смущения и беспокойства.

«Что за загадочный мужчина», - подумала она, когда дверь за ним закрылась, и вернулась к карте Вальдземюллера и своим мечтам о будущем.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Расчеты Софии были верны. В старом заброшенном здании на окраине района Константин за деревянной панелью Эцио и нашел книгу.

Это была древняя, но хорошо сохранившаяся копия «О Природе», сборника поэзии, написанного более двух тысяч лет назад греческим философом Эмпедоклом. В книге содержались основные его размышления.

Эцио достал книгу из укрытия, подняв в воздух клоки пыли, открыл форзац.

Пустая страница засветилась, Эцио ощутил тепло, а потом увидел карту Константинополя. Внимательно приглядевшись, он увидел на карте знак, указывающий на Девичью башню, маяк по другую сторону Босфора. Эцио продолжал смотреть и увидел точное место - подвалы под башней.

Если он не ошибался, это и было местоположение второго ключа к библиотеке Альтаира в Масиафе.

Он быстро прошел по переполненным улицам к Девичьей башне. Ускользнув от османского патруля, «позаимствовал» лодку, переправился к башне и отыскал дверь, за которой обнаружилась лестница в подвалы. Всю дорогу он не выпускал книгу из рук, и теперь осознал, что именно книга ведет его. Руководствуясь этим ощущением, он прошел по лабиринту коридоров, по обеим сторонам которых были расположены многочисленные двери. Раньше ему казалось, что в таком ограниченном пространстве невозможно разместить столько коридоров и дверей. Наконец ассасин достиг двери, из-под которой, казалось, лился слабый свет. Больше она ничем не выделялась. Когда он коснулся двери, она открылась, и Эцио увидел что на низком каменном столе лежит круглый диск. Он был такой же, как первый, и был покрыт таинственными символами, которые, впрочем, отличались от символов на первом. Изображение женщины - возможно богини, - которая выглядела смутно знакомой, некие углубления, бывшие либо формулами, либо выемками, в которые что-то должно было вставляться, возможно, что-то на двери библиотеки в Масиафе.

Когда Эцио взял ключ в руки, свет, исходящий от него стал ярче. Ассасин приготовился к путешествию - он не знал куда - и свет поглотил его, отправив на несколько веков назад. На 320 лет в прошлое. В год 1191 от Рождества Христова.

Масиаф.

Крепость, много лет назад.

Фигуры в клубах тумана. Когда он рассеялся, Эцио увидел двух мужчин - молодого и старого. Вокруг были следы борьбы, которую проиграл Аль Муалим.

Он лежал на земле, а верхом на нем сидел молодой человек.

Ослабевшие руки Аль Муалима выронили что-то, и оно покатилося в сторону по мраморному полу, пока не остановилось.

Эцио задержал дыхание, узнав выпавший предмет. Это было Яблоко Эдема. Но как?

Узнал он и победителя - молодого человека в белом, с опущенным на глаза капюшоном. Альтаира.

- Ты держал в руках огонь, старик, - сказал он. - Его нужно было уничтожить.

- Уничтожить? - рассмеялся Аль Муалим. - Единственное, что способно остановить крестовые походы и установить мир? Никогда.

- Тогда я уничтожу его.

Фигуры исчезли, растворились, словно призраки, чтобы вновь появиться спустя мгновение.

Альтаир стоял рядом с одним из своих помощников в Главной Башне Масиафа. Рядом с ними на носилках лежало тело Аль Муалима, который, наконец, обрел покой в смерти.

- Все действительно закончилось? - спросил ассасин Альтаира. - Колдун мертв?

Альтаир посмотрел на тело и совершенно спокойно произнес:

- Он не был колдуном. Просто обычным человеком, который управлял... иллюзиями, - он посмотрел на товарища. - Ты подготовил костер?

- Да. - Мужчина заколебался. - Альтаир, некоторые из ассасинов... не примут этого. Они будут протестовать.

Альтаир склонился над носилками и взял тело старика на руки.

- Я сам с ними разберусь.

Альтаир выпрямился.

- Ты готов ехать? - спросил он ассасина.

- Да.

- Я отправил Малика Аль-Саифа в Иерусалим с вестями о смерти Аль Муалима. Ты отправишься в Акру с тем же поручением?

- Конечно.

- Тогда ступай. И да пребудет с тобою бог.

Ассасин кивнул и ушел.

С телом Наставника на руках, он вышел из башни, чтобы лицом к лицу столкнуться с товарищами по Братству.

При его появлении во дворе поднялся многоголосый шум, в котором слышалось непонимание. Одни спрашивали, не снится ли им все это. Другие пришли в ужас от подтверждения поражения Аль Муалима.

- Альтаир! Объяснись!

- Как это случилось?

- Что произошло?

Один ассасин покачал головой.

- Я все понимал, но тело... оно мне не подчинялось!

В этот момент появился Аббас. Друг детства Альтаира. Теперь от дружбы ничего не осталось. Слишком многое произошло между ними.

- Что здесь произошло? - пораженно спросил Аббас.

- Наставник обманул нас всех, - ответил Альтаир. - Его совратили тамплиеры.

- Где доказательства? - подозрительно прищурился Аббас.

- Идем со мной, Аббас, и я все объясню.

- А если ты меня не убедишь?

- Я постараюсь убедить.

Они направились к погребальному костру. Альтаир нес тело Аль Муалима. Аббас, который не знал, куда они идут, был раздражен, напряжен и готов к драке, и не скрывал своего недоверия к Альтаиру.

Альтаир знал причину этого и сожалел о ней. Но он решил сделать все возможное.

- Аббас, ты помнишь, как мы отправились за артефактом в Храм Соломона и схватились с тамплиерами Робера де Сабле?

- Вы говоришь об артефакте, за которым отправили тебя, и который привезли другие?

Альтаир пропустил издевку мимо ушей.

- Да. Это оружие тамплиеров. Оно называется Яблоко Эдема. Среди прочего оно способно вызывать иллюзии и контролировать разумы людей. И разум того, кто думает, что управляет им. Это опасное оружие.

Аббас пожал плечами.

- Хорошо, что теперь оно у нас, а не у тамплиеров.

Альтаир покачал головой.

- Это не важно. Оно извращает всех, кто владеет им.

- И ты веришь, что Аль Муалим попал под его власть?

Альтаир нетерпеливо отмахнулся.

- Да. Сегодня он использовал Яблоко, пытаясь поработить Масиаф. Ты сам все видел.

- Я не знаю, что я видел, - сомневался Аббас.

- Послушай, Аббас. Яблоко сейчас в кабинете Аль Муалима. Когда я закончу, я все тебе покажу.

Они дошли до костра, и Альтаир поднялся наверх, положив на него тело покойного Наставника. Аббас в ужасе воззрился на него. Он только сейчас обратил внимание на костер.

- Не могу поверить, что ты решил сделать это! - шокировано произнес он. Братство ассасинов за ним зашелестело, словно листья на ветру.

- Я делаю то, что должен, - отозвался Альтаир.

- Нет!

Но Альтаир уже взял один из факелов, что стояли вокруг, и запалил костер.

- Я должен убедиться, что он не вернется.

- Мы не должны так поступать! Сжигать тела запрещено!

Из толпы за спиной раздался яростный голос: «Отступник!»

Альтаир развернулся лицом к возмущенной толпе.

- Слушайте! Этот труп может быть очередной иллюзией Аль Муалима. Я должен убедиться!

- Ты лжешь! - закричал Аббас.

Когда пламя занялось, он подошел ближе и закричал так, чтобы его слышали все.

- Всю свою жизнь ты насмеялся над Кредо! Ты подстраивал наши правила под свои прихоти, плюя на остальных и унижая их!

- Остановите Альтаира! - закричали из толпы.

- Разве вы не слышали, что он сказал? - спросил другой ассасин. - Аль Муалим был околдован!

В ответ первый ассасин набросился на него с кулаками. Драка вспыхнула так же быстро, как пламя на погребальном костре. Аббас, стоявший рядом с Альтаиром, толкнул его в самую гущу схватки.

Пока Альтаир пытался встать на ноги в толчее, Аббас ринулся в крепость. Ассасины тем временем схватились за мечи.

- Братья! - закричал Альтаир, пытаясь восстановить порядок. - Остановитесь! Уберите мечи!

Но его не слышали. Альтаир, наконец поднявшийся на ноги, увидел, что Аббас устремился в крепость, но броситься в погоню он не мог, вынужденный вступить в бой со своими людьми, разоружая их и призывая остановиться. Он не знал, сколько прошло времени, когда схватку прервала ослепительная вспышка света. Ассасины остановились, прикрыв глаза.

Свет шел со стороны замка.

Худшие опасения Альтаира оправдались.

На парапете высокой башни стоял Аббас, держа в руке Яблоко.

- Что я говорил, Альтаир? - закричал Аббас.

- Аббас! Остановись!

- Как еще, по-твоему, они восприняли бы смерть нашего любимого Наставника?

- Ты никогда не любил Аль Муалима! Ты обвинял его во всех своих бедах, даже в самоубийстве отца!

- Мой отец был героем! - вызывающе заявил Аббас.

Альтаир проигнорировал этот выкрик, обратившись к собравшимся вокруг ассасинам, которые вопросительно смотрели на него.

- Послушайте! - сказал он. - Не время вспоминать былые обиды. Сейчас мы должны решить, что делать с этим оружием! - он указал на Аббаса, держащего Яблоко.

- На что бы ни был способен этот артефакт, Альтаир, - закричал Аббас, - ты не достоин владеть им!

- Никто не достоин! - отозвался Альтаир.

Но Аббас уже смотрел в свет исходящий от Яблока. Свечение усилилось, Аббас пришел в восторг.

- Красиво, не правда ли? - закричал он так, чтобы его услышали все.

И тут все изменилось. Триумфальная улыбка сползла с его лица, сменившись гримасой ужаса. Его затрясло, когда Яблоко получило над ним власть. Ассасины, поддерживающие его, бросились к нему на помощь, но неземное орудие, которое Аббас все еще держал в руке, сбило их с ног невидимой волной. Ассасины упали на колени и с болезненными криками схватились за головы.

Альтаир кинулся к Аббасу, достигнув башни с невероятной быстротой, движимый лишь отчаянием. *Я должен успеть!* Когда он добрался до бывшего друга, Аббас закричал так, словно из него вытягивали душу. Альтаир прыгнул вперед, сталкивая бывшего друга вниз. Аббас с отчаянным криком упал на землю, Яблоко выпало у него из руки, перед этим выпустив еще одну ударную волну.

Потом наступила тишина.

Ассасины внизу постепенно пришли в себя и начали подниматься. Они в изумлении переглядывались. Вопрос - *что произошло?* - продолжал звучать в их мыслях. Они посмотрели на крепостную стену, но не видели ни Альтаира, ни Аббаса.

- Что это было?

- Они мертвы?

И тут на парапете башни появился Альтаир. Ветер развеивал его белые одежды. Он поднял руку. В ней он держал Яблоко. Оно трещало и пульсировало, словно живое, но он контролировал его.

- Прости, - выдавил из себя, задыхаясь, Аббас. Он едва мог говорить. - Я не знал...

Альтаир перевел взгляд с него на Яблоко, которое уже успокаивалось. Он ощущал нечто странное, и исходило это от Яблока.

- Ты откроешь нам свои тайны? - спросил у Яблока Альтаир, словно оно могло понимать.

- Или приведешь нас к гибели?

Порыв ветра поднял в воздух песок и пыль - или это было просто закрученное облако дыма? А потом вспыхнул ослепительный свет, который становился все ярче и ярче, пока не поглотил все вокруг. Постепенно он угас, стих до слабого свечения ключа в руках Эцио.

Измученный ассасин опустился на пол, прислонившись спиной к каменной стене. На улице наверняка уже смеркалось. Эцио хотел отдохнуть, но не мог себе этого позволить.

После долгой паузы, он встал, аккуратно убрал в сумку ключ и копию книги Эмпедокла и, поднявшись наверх, покинул башню.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

На следующий день Эцио отправился на Большой Базар. На этот раз он своими ушами решил услышать, о чем говорят янычары, а еще ему не терпелось поскорее выследить их командира, Тарика Барлети.

Но это оказалось невозможно из-за назойливых торговцев, поднаторевших в своем деле. Эцио, боясь вызвать подозрения, старался выдать себя за обычного путешественника всякий раз, когда на пути попадались патрули османов или византийцев.

- Вы только посмотрите на этот ковер! - приставал к Эцио торговец, дергая его за рукав. Ассасин оказался в ситуации, которую часто можно было застать на Базаре, когда торговцы цеплялись к покупателям. – Это же просто наслаждения для ног! И ваша жена полюбит его!

- Я не женат.

- О, - продолжил торговец, не моргнув глазом, - так это еще лучше. Ну же! Только пройдишь по нему!

Эцио заметил неподалеку отряд янычаров.

- Как сегодня идет торговля? - спросил он торговца.

Мужчина развел руками, кивнув в сторону янычаров.

- Я ничего не продал! Янычары конфисковали большую часть моего товара, только за то, что они привозные.

- А вы знаете Тарика Барлети, их командира?

- Угу, он тоже где-то здесь, уж не сомневайтесь. Надменный тип, но... - торговец оборвал речь на полуслове, застыл, глядя куда-то за плечо Эцио, и затараторил: - Вы оскорбляете меня, господин! Я не отдам этот ковер меньше чем за двести *акче*! Это мое последнее слово!

Эцио слегка повернулся, проследив за взглядом торговца. В пятидесяти футах от них шли трое янычаров.

- При встрече я спрошу его о твоих коврах, - тихонько пообещал Эцио и пошел дальше.

- Вы упускаете шанс сделать отличную покупку, господин! - закричал ему вслед торговец.

- Может, сойдемся на ста восьмидесяти? Всего сто восемьдесят *акче*, и мы расстанемся друзьями!

Но Эцио уже не слушал. Он на безопасном расстоянии следовал за янычарами, стараясь держаться в тени, в надежде, что они приведут его к Тарику Барлети. Янычары не просто шатались по рынку, они явно разыскивали кого-то в толпе. Эцио был настороже и не только не выпускал цель из виду, но и не попадался им на глаза. Запруженные людьми улочки Базара отлично скрывали его от посторонних взглядов. Торговец говорил, что командир где-то на Базаре, но Базар большой - запутанный лабиринт лавок и магазинов, практически город в городе.

Когда у Эцио уже кончалось терпение, янычары пришли на небольшую площадь, где пересекались несколько улиц. На каждом углу площади располагалась кофейная лавка. У одной из них стоял капитан. У него была косматая борода, которая указывала на его высокий статус. Он не был рабом.

Эцио подкрался так близко, как только смог, чтобы подслушать их разговор.

- Вы готовы? - спросил капитан у своих людей, и они согласно кивнули. - Это важная встреча. Убедитесь, что за мной не следят.

Они снова кивнули и разделились, разойдясь в разные стороны Базара. Эцио догадывался, что они ищут в толпе ассасинов. Один раз, - у Эцио замерло сердце в этот момент, - взгляд солдата остановился на нем, но потом янычар пошел дальше. Выждав подольше, Эцио отправился за капитаном.

Барлети оказался неподалеку в компании другого янычара, лейтенанта, который, на первый взгляд, просто рассматривал ассортимент в оружейной лавке. Эцио заметил, что торговцы стараются лишний раз не привлекать внимание янычаров.

- Что нового? - спросил Барлети, останавливаясь рядом с лейтенантом.

- Мануил согласился встретиться с тобою, Тарик. Он ждет у ворот Арсенала.

Эцио насторожил уши.

- Старый проныра не хочет упустить выгоду? - откровенно поинтересовался Тарик. -
Пойдем.

Они покинули Базар и пошли по городским улицам. Арсенал находился на северной стороне Золотого Рога, далеко на западе от Базара, но янычары не делали попыток взять лошадей, поэтому Эцио тоже шел пешком. Чуть позже ему пришлось (со всеми предосторожностями) проникнуть на паром, плывущий через Рог. Но янычары были слишком поглощены разговором и не обращали на окружающих внимания. Поэтому на улицах Константинополя, переполненных людьми из всех стран Европы и Азии, было легко затеряться в толпе.

- Как выглядел Мануил? Нервничал? Или был спокоен? - спросил Тарик.

- Как обычно. Нетерпеливый и грубый тип.

- Хмм. Думаю, у него есть на то причины. Были курьеры от султана?

- Последний - неделю назад. Письмо Баязида было коротким и полным горьких вестей.

Тарик покачал головой.

- Думаю, он даже представить себе не мог, что будет воевать с собственным сыном.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Эцио проследовал за янычарами до здания возле ворот в Арсенал, где их уже ждал крупный, тучный, хорошо одетый мужчина лет семидесяти, носящий седую бороду и усы. Его тюрбан был инкрустирован драгоценными камнями, а на коротких и толстых пальцах переливались золотые кольца. Рядом с ним стоял худощавый тип, который, если судить по одежде, был родом из Туркменистана. Эцио надежно спрятался от чужих глаз в густых ветвях тамаринда, который рос рядом. Когда с формальными приветствиями было покончено, Эцио уже выяснил, что его предположения оказались верными - толстого щеголя звали Мануил Палеолог. Эцио вспомнил, что Юсуф рассказывал ему об амбициях Мануила, и подумал, что это должна быть любопытная встреча. Как вскоре выяснилось, худощавого типа, телохранителя Мануила, звали Шах-Кулу.

Эцио уже слышал о нем. Ходили слухи, что Шах-Кулу поднял восстание против турецкого правительства в своей стране. У него была репутация жестокого и безжалостного человека.

Да, это будет очень интересная встреча.

Когда были улажены все тонкости – Эцио считал их слишком сложными для понимания - Мануил сделал Шах-Кулу знак, и тот удалился в здание, которое было неким сторожевым постом, ныне пустующим. Вскоре он вернулся, неся в руках небольшой, но явно тяжелый деревянный сундук, который поставил к ногам Тарика. Лейтенант открыл его и стал пересчитывать золотые монеты.

- Можешь пересчитать, Тарик, - сказал Мануил. Голос у него был таким же масляным, как и все его тело, - но деньги останутся у меня, пока я не увижу груз собственными глазами и не удостоверюсь в его сохранности.

- Разумеется, - проворчал Тарик - Я все понимаю, Мануил.

- Доверяй, но проверяй, - тем же маслянистым голосом отвечивал Мануил.

Янычар закончил пересчет и закрыл сундук.

- Все верно, Тарик, - кивнул он. – До монетки.

- И, - сказал Мануил Тарику, - что теперь?

- Идите в Арсенал. Когда вы все проверите, груз доставят туда, куда вы пожелаете.

- Твои люди готовы к долгому пути?

- Разумеется.

- *πολυ καλα*, - византийский князек заметно расслабился. - Очень хорошо. В течение недели я составлю для тебя карту.

Потом они разошлись. Эцио дождался, пока площадь опустеет, а потом слез с дерева и, никем не замеченный, отправился в штаб ассасинов.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Когда Эцио вернулся к Арсеналу, на город уже опустились сумерки. Недалеко от ворот стоял Юсуф.

- Один из моих людей видел, как сюда принесли большую партию оружия. И мне стало интересно.

Эцио обдумал его слова; судя по всему, его подозрения оправдались.

- Оружие, - он помолчал. - Я должен все увидеть своими глазами.

Но внешние стены Арсенала хорошо охранялись, а ворота выглядели неприступными.

- Недостаточно просто убить всех солдат, - озвучил мысли Наставника Юсуф. - Даже не представляю, как ты попадешь внутрь.

Площадь, на которой они стояли, была набита людьми - одни спешили домой после рабочего дня, другие в кофейни и таверны, гостеприимно распахнувшие свои двери. И тут от главных ворот донеслись крики - между тремя янычарами и одним из торговцев вспыхнула ссора.

- Тебя предупреждали уже дважды, - угрожающе произнес офицер. - У ворот Арсенала запрещено торговать! - Он повернулся к подчиненным. - Уберите все это!

Рядовые подхватили ящики с фруктами и потащили их прочь.

- Лицемеры! - прорычал торговец. - Если бы ваши люди не покупали у меня, я бы не стал здесь торговать!

Офицер проигнорировал его слова, солдаты продолжали свою работу, но торговец и не думал останавливаться. Он вплотную подошел к офицеру.

- Вы хуже византийцев, вы - предатели!

В ответ янычар ударил торговца кулаком. Тот со стоном упал на землю, схватившись за окровавленный нос.

- Замолчи, ублюдок! - огрызнулся офицер.

Он отвернулся, наблюдая, как солдаты конфискуют товар, а из собравшейся вокруг толпы на помощь торговцу выбежала женщина. Юсуф и Эцио увидели, как она помогла ему встать и прижать к разбитому носу носовой платок.

- Даже в мирное время, - мрачно сказал Юсуф, - беднякам постоянно достается.

Эцио задумался, вспоминая, что совсем недавно в Риме была точно такая же ситуация.

- Но если мы поднимем их на борьбу, это сыграет нам на руку?

Юсуф посмотрел на друга.

- Ты хочешь спровоцировать их? Подбить на бунт?

- Да, сейчас толпа не очень внушительна. Но, если их будет много...

Мужчины смотрели, как янычары беспрепятственно забрали остатки фруктов, оставив прилавок торговца пустым, и ушли через главные ворота в Арсенал.

- Притвориться сочувствующим ради своих целей? - с презрением выдохнул Юсуф. - Как благородно!

- Я знаю, это некрасиво. Но это сработает, верь мне.

- Как-нибудь да сработает, - Юсуф пожал плечами. - И я не вижу иного способа проникнуть внутрь.

- Пойдем. Здесь уже достаточно большая толпа. Похоже, торговца здесь уважали. Пойдем, поговорим с людьми.

Более получаса Юсуф и Эцио бродили в толпе, намекая и убеждая, уговаривая и вдохновляя простых людей, которые оказались крайне восприимчивы к идее наконец-то положить конец своим угнетениям. Казалось, им был просто нужен кто-то, кто зажжет бы в них это желание. Когда толпа разрослась, Эцио обратился к людям. Рядом с ним стоял решительно настроенный торговец фруктами. Юсуф заметил, что большая часть мужчин и женщин вооружены. Торговец фруктами держал большой изогнутый нож.

- Сплотимся, братья, - призывал Эцио. - Отомстим за несправедливость. Закон один и для вас, и для янычаров! Пришло время показать, что мы не будем терпеть тиранию!

- Да! - проревело несколько голосов.

- Мне больно смотреть, как они притесняют вас, - продолжал Эцио. - А вам?

- Да!

- И вы встанете вместе с нами?

- Да!

- Вперед!

В этот момент ворота Арсенала распахнулись, и оттуда на площадь вышел отряд вооруженных янычаров, после чего ворота снова закрылись. Янычары, обнажив мечи, заняли позицию у ворот, не сводя взглядов с враждебно настроенной толпы. Не испугавшись мечей, возмущенные люди, число которых стремительно росло, бросились к воротам. Толпа стремительно налетела на янычаров, и, взяв численностью, частично раздавила противника, а частично обратила в бегство. Подстрекаемая Эцио и Юсуфом толпа принялась штурмовать ворота.

- Долой янычаров! - кричали сотни голосов.

- Закон един для всех! - подхватывала другая сотня.

- Откройте ворота, трусы, или мы выйдем их!

- Ворота долго не выдержат, - сказал Эцио Юсуфу.

- Люди помогли тебе, Наставник. Верни им долг – защити их.

На помощь запершимся в Арсенале от северных и южных стен пришло два отряда янычаров, солдаты обрушились на толпу с двух сторон.

- Придется вступить в ближний бой, - кивнул Эцио и одновременно с Юсуфом обнажил крюк-нож и скрытый клинок, и бросился в атаку.

Воодушевленные слаженными и точными действиями двух ассасинов, люди на обоих флангах мужественно отбили атаку янычаров. Сами янычары не ожидали встретить такое яростное сопротивление. Растерявшись, солдаты допустили смертельную ошибку и потерпели поражение. В этот же миг ворота поддались, доски затрещали и сломались. С сильным треском, перекаладина, закрывавшая ворота изнутри, разлетелась в щепки, ворота распахнулись, сломанные двери повисли на массивных железных петлях.

толпа в один голос взревела, словно торжествующий зверь, люди хлынули в Арсенал. Над толпой взлетали вверх одиночные голоса:

- Вперед!

- Мы внутри!

- Справедливость или смерть!

Янычары были бессильны остановить стремительное наступление толпы, но, благодаря отработанной дисциплине, не дали людям пройти дальше главной площади, вынудив их вступить в свирепые бои. Пользуясь суматохой, Эцио, словно призрак, проскользнул в здание.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Вдали от разрушенных ворот в западной части Арсенала, Эцио, наконец, нашел то, что искал. Здесь было тихо, большая часть солдат Арсенала сейчас сражалась на площади у ворот, а с теми, кто встречался ему на пути, Эцио, если не мог проскользнуть незамеченным, быстро расправлялся. Когда все закончится, нужно будет наточить крюк-нож.

Он прошел по длинному каменному коридору, настолько узкому, что никто не смог бы незамеченным войти в комнату на другом конце. Эцио бесшумно прокрался к металлической лестнице, закрепленной у входа в комнату. Лестница вела на галерею. Закрепив ножны с мечом так, чтобы они не болтались, Эцио бесшумно влез наверх и мрачно осмотрел развернувшуюся внизу картину.

В центре комнаты стояли Мануил и Шах-Кулу, а вокруг громоздились ящики, некоторые из которых были открыты. У дверей навтыжку замерли янычары. Если бы Эцио попытался войти в комнату, то угодил бы в засаду. Он тихо с облегчением выдохнул. Инстинкты и опыт снова спасли ему жизнь.

Мануил оторвался от изучения содержимого ящиков. С галереи Эцио не было видно, что лежало в них, и он мог только догадываться об этом.

- Двадцать лет жалкой жизни в этом городе, - проговорил Мануил. - И вот теперь все встало на свои места.

- Когда влияние Палеологов восстановится, Мануил, - с угрозой в голосе произнес Шах-Кулу, - не забудь, кто помог тебе.

Мануил пристально посмотрел на него, маленькие глазки холодно блестели на полном лице.

- Конечно, нет, друг мой! Я бы никогда не предал такого влиятельного человека. Но запасись терпением. Новый Рим не сразу строился!

Шах-Кулу уклончиво хмыкнул, а Мануил повернулся к капитану янычаров.

- Все в порядке. Мне пора на корабль.

- Следуйте за мной. Здесь есть безопасный путь к западным воротам, - ответил капитан.

- Я надеюсь, вы в скором времени возьмете ситуацию под контроль.

- Разумеется, принц.

- Если груз будет поврежден, деньги вы не получите. Так и передайте Тарику.

Эцио посмотрел им вслед. Когда комната опустела, он спустился вниз и быстро отыскал открытый ящик, поднял крышку.

Ружья. Больше сотни.

- Дерьмо! - у Эцио перехватило дыхание.

Его мысли прервал медный звон, донесшийся с запада, куда и ушел Мануил. Без сомнения, это захлопнулись ворота. Следом до него донесся топот ног. Янычары возвращались, чтобы закрыть открытые ящики. Эцио прижался к стене, и когда вошли солдаты, прирезал всех пятерых. Если бы они вошли в комнату одновременно, а не по одиночке, история могла бы сложиться иначе. Но узкий коридор сыграл ему на руку.

Эцио вернулся назад по своим следам, на площадь, где уже кончился бой, оставив после себя обычный хаос. Эцио пробирался среди моря окровавленных тел, некоторые из них еще бились в агонии. Тишину нарушали крики женщин, которые стояли на коленях возле павших, и вой безжалостного ветра, задувавшего через открытые врата.

Опустив голову, Эцио покинул Арсенал. Цена, которую пришлось заплатить за знания, оказалась непомерно высокой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Пришло время снова вернуться в лавку Софии, поэтому Эцио поспешил туда.

Магазин был еще открыт, в окнах ярко горел свет. Когда Эцио вошел, София сняла очки и встала из-за стола в дальней комнате. На столе лежали карта, которую Эцио отыскал в Цистернах, и несколько открытых книг.

- Здравствуй, - улыбнулась женщина, закрыла дверь и захлопнула ставни на окнах. - Пора закрываться. За весь день здесь было всего два покупателя. Прошу, входи. Не стоит держать дверь открытой.

И тут она увидела лицо Эцио и, взяв под руку, подвела его к стулу, на который он тяжело опустился. Потом София принесла ему бокал вина.

- Спасибо, - поблагодарил он, радуясь, что она не стала задавать ненужных вопросов.

- Я почти расшифровала местонахождение еще двух книг - одна близ дворца Топкапи, вторая в районе Баязид.

- Сперва займемся Баязидом. Под Топкапи ничего нет. Именно там тамплиеры отыскиали свой ключ.

- Ох... да. Наверное, они нашли её случайно.

- У них был журнал Никколо.

- Тогда нужно поблагодарить Бога, что вы забрали его у них до того, как они сумели снова им воспользоваться.

София вернулась к карте, села за стол и продолжила писать. Эцио наклонился и, вытащив из сумки копию книги Эмпедокла, положил ее перед Софией. Второй ключ он уже отнес в убежище ассасинов в Галате, где оставил под надежной охраной вместе с первым.

- А что вы скажете об этом? - поинтересовался он.

Женщина бережно взяла книгу и благоговейно повернула к себе. Руки у нее были тонкие, но не костлявые, а пальцы длинные и изящные.

Она изумленно ахнула.

- Эцио! Это невероятно!

- Правда?

- Копия «На природе» в таком состоянии! В коптском переплете! Это просто фантастика!

- Она осторожно открыла книгу. Карта внутри едва заметно светилась. Эцио увидел, что свечение это уже практически незаметно.

- Великолепно. Наверное, это перевод, сделанный в третьем веке, - с энтузиазмом продолжила София. - Не уверена, что на свете есть хоть одна копия в таком же состоянии.

Эцио беспокойно осмотрел магазин. Что-то изменилось, хоть он никак не мог понять, что именно. Наконец, его взгляд остановился на заколоченном окне. Стекла не было.

- София, - напряженно сказал он, - что здесь случилось?

- Это случается пару раз в год, - в голосе женщины звучало раздражение, за которым скрывалось волнение. - Люди вламываются в лавку, чтобы поживиться, - она помолчала. - Обычно я не держу здесь ничего ценного, но на этот раз вору повезло. Он украл дорогой мне портрет. Часа три назад, когда я ненадолго отлучилась из магазина, - женщина выглядела грустной. - Это был хороший портрет. Мне будет не хватать его, и не потому, что он дорого стоит... Разумеется, для книги я найду более безопасное место, - добавила она, постучав по обложке пальцами.

Эцио подозрительно осматривался, полагая, что за кражей картины кроется нечто большее. Он прошелся по комнате, ища любые подсказки своей теории. Наконец, он решил. Он уже достаточно отдохнул и теперь обязан отплатить женщине за добро. Но дело было не только в долге. Он действительно хотел сделать для нее все, что было в его силах.

- Продолжайте работу, - сказал он. - Я найду вашу картину.

- Эцио, вор может быть где угодно.

- Если вор приходил за деньгами, но взял портрет, то он наверняка попытается продать его в этом районе.

София задумалась.

- В паре улиц отсюда есть несколько торговцев картинами...

Эцио был уже на полпути к дверям, когда она его окликнула.

- Подождите! У меня тоже есть там дела, я покажу вам дорогу.

Ассасин подождал, пока София запрет «На природе» в железном ящике у стены. Они вместе вышли из магазина, и женщина заперла дверь.

- Сюда, - сказала она. - Мы расстанемся на первом перекрестке. Я покажу, куда вам идти дальше.

Они молча прошли по улице до перекрестка и остановились.

- Вам вниз по улице, - женщина указала рукой и посмотрела на Эцио. Ассасину показалось, что в ее ясных глазах он увидел что-то, и надеялся, что это не было игрой его воображения.

- Если вы отыщете картину в ближайшие часы, пожалуйста, найдите меня у акведука Валента, - попросила София. - Там будет книжная ярмарка, и я была бы рада увидеть вас там.

- Сделаю все возможное.

Она снова посмотрела на него.

- Я знаю, - кивнула она. - Спасибо, Эцио, - и быстро ушла.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Квартал торговцев картинами найти было легко - пара узких улочек, бегущих параллельно, на которых размещались магазинчики; свет ламп лился на произведения искусства.

Эцио медленно шел от одного к другому, больше рассматривая людей, чем картины. Вскоре он увидел подозрительного мужчину в ярких одеждах, который выходил из лавки, полностью погруженный в подсчет монет. Эцио подошел к нему. Тип сразу перепугался.

- Чего тебе надо? - нервно спросил он.

- Удачно продал товар?

Тип расправил плечи.

- Это не твое дело...

- Портрет девушки?

Тип ударил Эцио и собрался было убежать, но ассасин был чуть быстрее. Он подставил вору подножку, и тот растянулся на земле, монеты зазвенели по мостовой.

- Собери деньги и отдай мне, - приказал Эцио.

- Я ничего не сделал, - взвыл тип, собирая монеты. - Ты ничего не докажешь!

- А я и не буду доказывать, - огрызнулся Эцио. - Я просто убью тебя.

Вор захныкал.

- Я нашел эту картину. То есть... мне ее подарили.

Эцио ударил его.

- Тебе лучше сказать мне правду.

- Боже, помоги! - взвыл вор.

- Господу и без твоих молитв есть чем заняться.

Вор собрал деньги и покорно отдал полный кошелек Эцио. Ассасин поставил вора на ноги и прижал к ближайшей стене.

- Меня не волнует, где ты взял картину, - сказал Эцио. - Просто скажи, где она сейчас.

- Я продал ее торговцу. За паршивые две сотни акче! - голос вора дрогнул, когда он указал на лавку. - Что же мне теперь есть?

- В следующий раз попробуй работать, а не красть, подонок.

Эцио отпустил вора, и тот опрометью бросился вниз по улице. Эцио следил за ним, пока он не скрылся из виду, а потом вошел в магазин.

Внутри Эцио внимательно осмотрел картины и скульптуры. Портрет Софии он заметил почти сразу, торговец уже повесил его. Картина была небольшой, София была изображена на нем до плеч, вполоборота. На портрете она была немного моложе, волосы были уложены красивыми локонами, на шее ожерелье из черного янтаря и алмазов, а на левое плечо сатинового платья бронзового цвета была привязана черная лента. Эцио понял, что портрет был нарисован для семьи Сартор в то время, когда мастер Дюрер недолго жил в Венеции.

Торговец, видя восхищение Эцио, подошел к нему.

- Если вам нравится, то портрет продается, - он отошел подальше, показывая произведение искусства потенциальному клиенту. - Прекрасная работа. Видите, насколько он реалистичен? Удивительная красота!

- Сколько ты за него хочешь?

Торговец хмыкнул и невнятно забурчал:

- Трудно оценить бесценное, - он помолчал. - Я вижу вы знаток. Может, сойдемся на пятистах акче?

- Вы заплатили за него две сотни.

Торговец в притворном ужасе поднял руки.

- *Efendim!* Разве я могу вас обманывать?! С чего вы взяли это?

- Я только что говорил с продавцом. И пяти минут не прошло.

Владелец магазина осознал, что с Эцио шутки плохи.

- О! Верно! Но у меня были и расходы...

- Вы его только что повесили, я сам видел.

Владелец магазина растерялся.

- Хорошо... Четыреста?

Эцио сверкнул глазами.

- Триста? Двести пятьдесят?

Эцио сунул торговцу кошелек.

- Двести. Тут все. Пересчитайте, если хотите.

- Я должен завернуть портрет.

- Надеюсь, не за дополнительную плату.

Вполголоса ворча, торговец снял картину и осторожно завернул его в отрез ткани, который достал из-под прилавка, а потом передал картину Эцио.

- С вами приятно иметь дело, - сухо сказал он.

- В следующий раз не покупайте краденое, - посоветовал Эцио. - Картиной мог заинтересоваться кто-нибудь, кто захотел бы узнать ее происхождение. К счастью для вас, я закрою на это глаза.

- Могу я поинтересоваться почему?

- Я друг девушки, изображенной здесь.

Ошарашенный торговец поклонился Эцио, так быстро, насколько только позволяла вежливость.

- С вами тоже приятно иметь дело, - на прощание произнес Эцио.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Тем же вечером Эцио не удалось встретиться с Софией, поэтому он послал ей записку с просьбой встретиться завтра у мечети Баязида, где он и отдаст ей картину.

Когда он пришел на место встречи, София уже ждала его. В пятнистом свете она была столь прекрасна, что портрет казался жалким подобием.

- Вам понравилось? - спросила она, когда ассасин развернул портрет и передал ей.

- Оригинал лучше.

Она игриво ткнула его локтем.

- Шутник, - рассмеялась она, и они пошли бок о бок по улице. – Отец подарил мне его на двадцать восемь лет, - она погрузилась в воспоминания. - Я целую неделю должна была позировать мессеру Альбрехту Дюреру. Можете представить, как я сижу целых семь дней и ничего не делаю?

- Не могу.

- Просто пытка!

Они подошли к ближайшей скамейке, и женщина села, а Эцио изо всех сил старался не рассмеяться при мысли о том, как она долго сидит не шевелясь. Но результат, безусловно, того стоил, даже если Эцио действительно больше нравился оригинал.

Но смех так и не сорвался с губ, когда Эцио увидел, как София достает листок бумаги. Они оба стали серьезными.

- Хорошо... - сказала она. - Я нашла еще одну книгу. Недалеко отсюда.

Она протянула ему сложенный листок, Эцио развернул его.

- Спасибо, - поблагодарил он. Женщина была гением. Он кивнул ей и собрался уйти, но она остановила его.

- Эцио, что все это значит? Ты не ученый, - она посмотрела на его меч. - Не обижайся! Ты служишь Церкви?

Эцио рассмеялся.

- Нет, не Церкви. Но я в некотором роде... учитель.

- В каком роде?

- Однажды я объясню, София. Но позже.

Она кивнула, разочарованная. Но Эцио понял, что она достаточно благоразумна, чтобы подождать.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Расшифрованный код привел Эцио к древнему зданию в трех кварталах от магазина Софии, в самый центр района Баязид. Некогда это был склад, ныне заброшенный. Со стороны казалось, что он надежно заперт, но когда Эцио толкнул дверь, та оказалась открыта. Оглядев улицу на наличие османской стражи или янычаров, ассасин, следуя инструкциям на листе бумаги, вошел внутрь.

Поднявшись по лестнице на первый этаж, Эцио прошел по коридору, в конце которого располагался небольшой кабинет. Все было покрыто пылью: книги на полках, ручки и нож для бумаги, лежавшие на столе. Эцио внимательно исследовал комнату, но стены показались ему обычными, не хранящими тайну, которую он так стремился раскрыть. Наконец, зоркие глаза заметили, что кладка у камина отличается от всего остального.

Он осторожно ощупал это место и отыскал плитку, которая пошевелилась от прикосновения его пальцев. С помощью ножа, который Эцио взял со стола, он извлек плитку. Ассасин внимательно прислушивался к звукам, доносившимся снизу, хоть и был уверен, что никто не заметил, как он входил внутрь.

Плитка поддавалась легко; за ней оказалась деревянная панель, сняв которую Эцио увидел небольшую и очень старую книгу. Он осторожно вытащил ее и изучил название на корешке: стихотворный перевод Басен Эзопа в переложении Сократа, который заканчивал свою работу, ожидая смертной казни.

Эцио сдул с книги пыль и с нетерпением открыл форзац. Как он и надеялся, там оказалась карта Константинополя. Эцио внимательно и терпеливо смотрел на нее, сосредоточившись. Наконец, страница засветилась неземным светом, и ассасин увидел Галатскую башню. Осторожно убрав книгу в поясную сумку, Эцио вышел из здания и направился через город на север, где сел на паром через Золотой Рог и вскоре оказался на причале недалеко от башни.

Там Эцио пришлось применить все свои навыки и умения, чтобы проскользнуть мимо стражи. Проникнув внутрь, он, ведомый книгой, добрался до винтовой каменной лестницы, а по ней до лестничной площадки между этажами.

Сперва ему показалось, что там нет ничего, кроме голых стен.

Эцио перепроверил книгу, чтобы убедиться, что он там, где нужно. Ассасин ощупал стены в поисках трещины, которая бы указывала на скрытую в стене нишу. Один раз внизу раздался звук шагов, и Эцио моментально насторожился, но никто так и не поднялся. Наконец, щель была найдена. Сдвинув в сторону поддельную стену, Эцио обнаружил за ней узкую дверь.

Ему пришлось потратить еще немного времени, чтобы отыскать в стене, в трех футах от пола, нужный камень. Эцио нажал на него, дверь открылась, и за ней ассасин увидел крохотную комнату, в которой едва можно было бы развернуться. Внутри на узкой каменной подставке лежал третий ключ. Эцио взял его и сжал в ладони, ключ засветился. Свет затопил все вокруг, комната, казалось, расширилась, и Эцио понял, что перенесся в другое время и другое место.

Когда яркий свет угас до привычного взгляду солнечного, Эцио снова увидел Масиаф. Но время было иным. Эцио сердцем чувствовал, что прошло уже много лет. Так или иначе, он находился в видении. Все вокруг казалось сном, частью которого Эцио не был; и в то же самое время ассасин был связан с ним, чувствовал всё, получал опыт и знания. Если это действительно было так, то Эцио не мог назвать этот «сон» иначе, чем *память*.

Бестелесный он, не принимая участия в развернувшейся перед ним сцене, смотрел и ждал...

Он снова увидел юношу в белых одеждах, уже немолодого. Должно быть, прошли десятилетия.

Выглядел Альтаир обеспокоенным.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Альтаиру было за шестьдесят, но он все еще оставался худошавым и энергичным. Он сел на каменную скамью у дома в деревне Масиафе и задумался. Беды и невзгоды не обошли его стороной, и, казалось, снова готовились нанести удар. Но ему удалось сохранить удивительный и ужасный артефакт. Хватит ли у него сил снова уберечь Яблоко? Сможет ли он вновь выдержать обрушившиеся на него удары Судьбы?

Размышления его были прерваны появлением жены, Марии Торпе, англичанки, которая некогда была его врагом и хотела присоединиться к тамплиерам.

Время и случай все изменили. Теперь, после долгого изгнания, они вернулись в Масиаф, чтобы вместе встретить Судьбу.

Мария села рядом, чувствуя, что супруг находится в мрачном настроении. Альтаир поделился с ней новостями.

- Тамплиеры снова завладели Архивом на Кипре. Аббас Софиан не стал посылать на помощь защитникам Архива подкрепление. Это была настоящая бойня.

Мария с ужасом и удивлением смотрела на мужа.

- Как Бог мог допустить такое?

- Мария, послушай. Когда мы много лет назад покинули Масиаф, Орден был силен. Но потом все, чего мы достигли, все, за что мы боролись, было разрушено.

На лице женщины застыла маска тихой ярости.

- Аббас должен ответить за это.

- Ответить перед кем? - зло выдохнул Альтаир. - Теперь ассасины подчиняются только ему.

Мария накрыла его руку своей.

- Не дай мести затмить твой взор, Альтаир. Скажи правду, и тебя услышат.

- Аббас казнил нашего младшего сына, Мария! Он заслуживает смерти!

- Да. Но, вернув себе власть в Ордене несправедным путем, ты уподобишься ему.

Альтаир не ответил и несколько секунд сидел, задумавшись, внутри него шла борьба. Наконец он поднял голову, лицо его прояснилось.

- Ты права, Мария, - спокойно признал он. - Тридцать лет назад я позволил ярости взять верх над разумом. Я был упрям и амбициозен, из-за меня Братство раскололось на две части и так никогда и не стало прежним.

Он встал, и Мария поднялась вслед за ним. Увлеченные разговором, они медленно пошли по деревне.

- Говори здраво, Альтаир, и разумные люди услышат тебя, - посоветовала ему Мария.

- Возможно, кто-то и услышит. Но не Аббас, - Альтаир покачал головой. - Я должен был убить его тридцать лет назад, когда он пытался украсть Яблоко.

- Дорогой, ты заслужил уважение ассасинов именно потому, что проявил милосердие... Ты позволил ему остаться.

Он едва заметно улыбнулся.

- Откуда ты знаешь? Тебя же там не было.

Мария улыбнулась в ответ.

- Я вышла замуж за потрясающего рассказчика, - улыбаясь, ответила она.

Громада замка возвышалась над деревней, но он казался опустевшим и заброшенным.

- Посмотри на него, - прорычал Альтаир. - Это бледная тень бывшего Масиафа.

- Нас долго здесь не было, - мягко напомнила ему Мария.

- Мы не прятались, - раздраженно ответил Альтаир. - Монгольская угроза - Буря с Востока, орды, которые вел Чингисхан - требовала вмешательства, и мы приняли вызов. Кто здесь скажет то же самое о себе?

Они двинулись дальше молча. Чуть погодя Мария нарушила тишину.

- Где наш старший сын? Дарим знает, что его младший брат мертв?

- Я послал ему сообщение четыре дня назад. Если повезет, сейчас он уже должен его получить.

- Значит, мы скоро увидим его.

- Если на то будет воля Аллаха, - Альтаир помолчал. - Знаешь, когда я думаю об Аббасе, мне его почти жаль. Он носится со своей обидой, словно курица с яйцом.

- Его рана глубока, дорогой. Возможно... возможно, она поможет ему услышать истину. Альтаир покачал головой.

- Это бессмысленно, только не он. Раненое сердце видит в мудрости угрозу, - Альтаир снова замолчал, оглянувшись на нескольких деревенских жителей, которые тут же отвели взгляд. - Когда я иду по деревне, я вижу здесь не счастье, а страх.

- Аббас захватил Масиаф и лишил его радости. Альтаир остановился, как вкопанный, и посмотрел на жену. Он смотрел на ее лицо, испещренное морщинами, но все такое же прекрасное. Глаза у нее были ясными, хотя Альтаиру показалось, что он видит в них все, через что они прошли вместе.

- Возможно, нас ждет смерть, Мария. Она взяла его за руку.

- Пусть. Мы умрем вместе.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Мария и Альтаир дошли до замка. На пути им встретились ассасины - члены Братства - которые знали их, но встреча эта была отнюдь не дружелюбной.

Один из них собирался пройти мимо, словно не замечая, но Альтаир его остановил.

- Брат, можно тебя на минутку?

Ассасин нехотя посмотрел на них. Лицо у него было мрачным.

- Зачем мне говорить с тобой? Чтобы ты обманул мой разум с помощью своего дьявольского артефакта?

И, не желая больше говорить, он поспешил прочь.

К ним приблизился другой ассасин, который тоже явно хотел избежать разговора с бывшим Наставником и его женой.

- Как ты, брат? - спросил Альтаир, обратившись к нему. Голос у него изменился.

- А ты кто такой? - грубо огрызнулся ассасин.

- Ты меня не узнал? Я Альтаир.

Ассасин безразлично посмотрел на него.

- Это имя - пустой звук, ты - ничто, твое имя забыто. Разговор с ветром имеет больше смысла, чем с тобой.

Альтаир и Мария беспрепятственно прошли в сад за замком. И только оказавшись там, они поняли, почему им разрешили пройти. В мгновение ока их окружили ассасины в темных одеждах, преданные своему новому Наставнику, Аббасу. Ассасины ждали приказа нанести удар. На бастиионе появился усмевающийся Аббас.

- Пусть говорят, - властно приказал он и добавил, обращаясь к Альтаиру и Марии: - Зачем вы явились сюда? Зачем вернулись незванными? Чтобы снова осквернить это место?

- Мы хотим знать правду о смерти сына, - громко и уверенно ответил Альтаир. - Почему убили Сефа?

- Вам действительно нужна правда, или это только повод для мести? - поинтересовался Аббас.

- Если правда даст нам повод, мы отомстим, - отозвалась Мария.

Аббас замолчал, но после минутного размышления сказал, понизив голос:

- Отдай Яблоко, Альтаир, и я скажу, почему твоего сына приговорили к смерти.

Альтаир кивнул, словно поняв что-то, и повернулся к Братству ассасинов.

- А, вот и правда! - повысил он голос, в котором зазвучали повелительные нотки. - Аббас хочет забрать Яблоко себе. Не для того, чтобы просветить вас, а чтобы поработить!

- Ты тридцать лет владел артефактом, Альтаир, - поспешно ответил Аббас, - упиваясь его силой и изучая его тайны. Оно развратило тебя!

Альтаир вгляделся в лица ассасинов. Большая часть людей была настроена против него, и лишь некоторые засомневались. Он лихорадочно думал, разрабатывая план, который мог бы сработать.

- Хорошо, Аббас, - кивнул он. - Бери.

Он достал Яблоко из поясной сумки и высоко поднял.

- Что?.. - изумилась Мария.

Глаза Аббаса сверкнули при виде Яблока, но он еще некоторое время колебался, пока, наконец, не дал знак своему телохранителю забрать артефакт у Альтаира.

Когда телохранитель подошел к Альтаиру, в него словно вселился бес. С безумной улыбкой он наклонился к уху бывшего Наставника и шепнул:

- Это я убил твоего сына Сефа. Но прежде чем он умер, я сказал ему, что это твой приказ.

Он не увидел, как вспыхнули глаза Альтаира.

Довольный собой, телохранитель, едва сдерживая смех, совершил грубую ошибку, добавив:

- Сеф умер, думая, что ты его предал.

Альтаир горящим взглядом посмотрел на него, Яблоко в его руке ярко вспыхнуло.

- Ааааа! - закричал телохранитель. Тело его бесконтрольно извивалось, руки обхватили голову, царапая лицо. Казалось, он пытается оторвать себе голову в попытке прекратить мучения.

- Альтаир! - воскликнула Мария.

Но Альтаир не слышал ее. Глаза его потемнели от ярости. Телохранитель, движимый невидимой силой, пытаясь сопротивляться ей, вытащил из-за пояса длинный кинжал. Руки его дрожали. Не в силах оказать сопротивление, он поднял кинжал, собираясь перерезать себе горло.

Мария схватила мужа за руку и, тряся, закричала: «Альтаир! Нет!»

Ее слова наконец-то возымели действие. Потрясенный Альтаир вышел из охватившего его транса. Глаза его стали нормальными, Яблоко погасло, потемнело, затаилось.

Телохранитель, освободившись от неведомой силы, которая подчинила его, встряхнулся, словно собака, обвел всех безумным взглядом, в котором читалась смесь ярости и страха, а потом с жутким криком бросился на Марию с кинжалом. Оружие вошло глубоко в тело, телохранитель отступил, выпустив рукоятку кинжала. Мария замерла, слабый крик сорвался у нее с губ. Ассасины стояли, словно остолбеневшие. Даже Аббас молчал, открыв рот.

Никто не шевелился, кроме Альтаира. Телохранитель увидел, как его бывший Наставник ужасно медленно достает скрытый клинок. Лезвие щелкнуло, и звук этот показался необычайно громким, словно где-то треснула скала. Телохранитель смотрел, как к его лицу приближается клинок, сантиметр за сантиметром, секунда за секундой. Но когда лезвие вонзилось ему в голову, мир снова обрел привычную скорость. Телохранитель ощутил резкую боль, а потом наступила тьма.

Альтаир долю секунды смотрел, как его враг валится на землю, как течет из пробитой головы кровь, а потом развернулся, подхватил падающую жену и осторожно опустил на землю. Когда он склонился над ней, сердце у него покрылось коркой льда. Он так низко наклонился к ее лицу, что казалось, будто они собираются поцеловаться.

Тишина и молчание окружили их словно броня. Мария попыталась что-то сказать. Альтаир напряг слух.

- Альтаир. Любовь моя. Будь сильным.

- Мария... - прошептал он.

И тут вокруг снова поднялись крики и вопли, разбили кокон тишины, и над толпой поднялся визг Аббаса.

- Он одержим! Убить его!

Альтаир встал во весь рост и медленно стал отступать.

- Заберите Яблоко! - закричал Аббас. - Быстро!

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Альтаир бросился бежать прежде, чем ассасины успели среагировать. Выбежал из замка через открытые ворота, кинулся вниз по склону, скрылся в небольшом лесу, окружавшем крепость и деревню с севера. И там, на поляне, неожиданно столкнулся с похожим на него молодым человеком.

- Отец! - воскликнул тот. - Я приехал, как только смог. Что случилось? Я опоздал?

Из замка донеслись тревожные звуки горнов.

- Дарим, сын мой! Бежим!

Дарим посмотрел поверх плеча отца. На хребте за лесом он увидел ассасинов, которые готовились отправиться за ними в погоню.

- Они что, сошли с ума?

- Дарим... Яблоко все еще у меня. Нужно уходить. Яблоко не должно попасть в руки Аббаса.

Вместо ответа Дарим снял с плеча сумку, достал метательные ножи и опустил сумку на землю.

- Возьми их, они тебе пригодятся.

Ассасины уже заметили их, и теперь часть из них шла напрямик, а другая развернулась веером, обходя их с флангов.

- Они попытаются загнать нас в ловушку, - мрачно заметил Альтаир. - Держи кинжалы наготове, они нам понадобятся.

Они направились вглубь леса.

Это был опасный путь. Когда они замечали ассасинов, которые опередили их и теперь пытались окружить, Альтаиру и Дариму приходилось срочно искать укрытие.

- Держись ближе! - посоветовал Дарим. - Вместе мы выберемся.

- Нужно обойти их стороной. В деревне есть лошади. Верхом мы сумеем добраться до побережья.

До сих пор у Дарима не было возможности подумать о чем-то другом, кроме как об опасности, но теперь он спросил:

- Где мама?

Альтаир печально покачал головой.

- Она погибла, Дарим. Прости.

У Дарима перехватило дыхание.

- Что? Но как?

- Позже. Время для разговоров еще не пришло. Сейчас нам надо выбраться. Мы будем сражаться.

- Но они наши братья. Наши товарищи, ассасины. Я уверен, если мы поговорим с ними, то убедим...

- Нет, Дарим. Их головы забиты ложью.

Оба замолчали, а потом Дарим спросил:

- Моего брата убил Аббас?

- Да. И нашего верного друга, Малика Аль-Саифа. И многих других, - вздохнул Альтаир.

- Он безумец. Без совести.

- Безумец с армией.

- Он умрет, - холодно пообещал Дарим. - Однажды он заплатит.

Они добрались до окраин деревни. Им повезло беспрепятственно добраться до конюшен, хотя в деревне было множество ассасинов. Торопливо они оседлали лошадей и, выскочив из конюшен, услышали голос Аббаса; он рычал, словно раненый зверь, стоя на башне на деревенской площади.

- Яблоко будет моим, Альтаир! Я отрежу тебе голову за то, что ты опозорил мою семью. Ты не сможешь бегать вечно! Ни от меня, ни от своей лжи!

Альтаир и Дарим поехали прочь из деревни, а голос Аббаса затих вдали.

Через пять миль они остановились. Их не преследовали. Время у них было. Но Дарим, скакавший позади, заметил, как отец сутулился в седле, истощенный и измученный. Он прищипнул коня и с беспокойством заглянул в лицо Алтаира.

Алтаир сидел, сгорбившись, едва сдерживая слезы.

- Мария. Любовь моя... - услышал Дарим его бормотание.

- Пойдем, отец, - сказал он. - Нужно ехать дальше.

Сделав усилие, Алтаир прищипнул коня, и всадники поскакали дальше, пока, наконец, не скрылись на горизонте.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Оставив ключ в тайнике убежища константинопольских ассасинов и вручив копию «Басен» Эзопа благодарной и удивленной Софии, Эцио решил доложить Сулейману о том, что он обнаружил в Арсенале.

Он примерно знал, где искать принца, поэтому отправился в прекрасный парк у мечети Баязид. Там он и нашел Сулеймана, который в компании своего дяди Ахмета сидел в тени раскидистого платана. Солнце ярко освещало широкие листья дерева.

Вокруг наследников на почтительном расстоянии стояли янычары. Сулейман и Ахмет играли в шахматы. Эцио встал так, чтобы наблюдать за ними, не будучи замеченным. Он собирался поговорить с принцем наедине. Эцио интересовали шахматы - благодаря стратегии он научился многому в своей жизни - поэтому он с интересом следил за игрой.

Казалось, игроки не уступали друг другу. Сулейман несколько минут размышлял над ходом дяди, который поставил шах его королю, и сделал рокировку.

- Это не по правилам, - возразил удивленный принц Ахмет.

- Это европейское правило – *arrocco**.

- Весьма интересно, но нечестно играть по правилам, которые противник не знает.

- Когда вы станете султаном, вы будете думать иначе, - отрезал Сулейман.

Ахмет с некоторым осуждением посмотрел на племянника, но ничего не сказал. Сулейман взял своего короля.

- Мне переходить?

Ахмет встал.

- Сулейман, - сказал он. - Я знаю, что тебе тяжело видеть, как мы с твоим отцом спорим за престол Баязида.

Молодой человек пожал плечами.

- Дед выбрал вас, а его слово - закон, *kanun*. О чем здесь спорить?

Принц Ахмет с невольным восхищением посмотрел на племянника.

- Когда-то мы дружили с твоим отцом, но его жестокость и амбиции...

- Я слышал эти сплетни, дядя, - горячо перебил Сулейман.

Смущенный Ахмет на мгновение отвел взгляд, глядя куда-то в парк, а потом вновь вернулся к шахматной доске.

- Что ж, - сказал он, - мне пора на встречу с советом визирей. Может, продолжим в другой раз?

- Как пожелаете, - тепло отозвался Сулейман.

Он встал, поклонился дяде, который ответил на его поклон своим и удалился в сопровождении телохранителя. Эцио выждал минуту, наблюдая, как Сулейман садится, рассматривая шахматную доску, а потом вышел из укрытия.

Сулейман, заметив его, жестом остановил свою охрану.

- Эцио, - поприветствовал он.

Ассасин сразу перешел к делу.

- Тарик продает оружие местному барыге - Мануилу Палеологу.

Сулейман помрачнел, ладонь его сжалась в кулак.

- Палеолог. Печально слышать, - принц встал. - Последним византийским императором был Константин Палеолог. Если его наследник вооружает свою армию, может вспыхнуть конфликт. И это в то время как мои отец с дедом воюют друг с другом, - он замолчал, задумавшись. Эцио подумал, что принц сейчас принимает одно из самых трудных решений за всю свою короткую жизнь.

- Тарик знает, куда отправляют ружья, - сказал Эцио. - Если я найду его, то по его следу выйду на византийцев.

Сулейман внимательно посмотрел на него.

- Тарик будет со своими янычарами в казармах. Если хочешь подобраться поближе, ты должен сам стать янычаром.

- Это не проблема, - улыбнулся Эцио.

- *Guzel*, - кивнул Сулейман. - Замечательно. - Он снова задумался, и Эцио понял, что решение, которое принял принц, далось ему тяжело, но когда он заговорил, голос его был решителен. - Когда получишь нужную информацию, убей его.

Эцио поднял брови. С этой стороны Сулеймана он еще не видел.

- Вы уверены, Сулейман? Вы рассказывали, что Тарик и ваш отец - близкие друзья.

Сулейман сглотнул и вызывающе посмотрел на ассасина.

- Верно. Но открытая измена моему деду заслуживает смерти.

Эцио некоторое время смотрел на принца, а потом кивнул: «Я понял».

Больше разговаривать было не о чем. Эцио, поклонившись, ушел. А когда обернулся напоследок, Сулейман снова изучал шахматную доску.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

С помощью ассасинов Юсуфа Эцио загнал в угол ничего неподозревающих янычаров, которые без дела бродили по Базару, и снял с них униформу. Правда, без жертв не обошлось. Янычары оказали яростное сопротивление и тяжело ранили двух ассасинов, прежде чем Эцио сумел одолеть противников, но сам он при этом тоже получил ранение. С помощью Азизы он тщательно смыл с белых одежд пятна крови и оделся. Теперь он мог с легкостью сойти за янычара, если будет достаточно осторожен, чтобы не забывать прикрывать белым шарфом бороду.

По пути в казармы Эцио был одновременно удивлен и сбит с толку тем, какое впечатление он производил на горожан, как на мужчин, так и на женщин, среди которых были и турки, и византийцы. Некоторые смотрели на него с восхищением, даже несколько заискивающе. Другие - слегка пренебрежительно, но большая часть - со страхом и неуверенностью. Из этого следовало, что в лучшем случае янычаров терпели, в худшем - ненавидели. Не было ни намека на любовь или уважение. Но как понял Эцио, лучше всего люди относились к янычарам из казарм Тарика. Ассасин постарался отложить это в памяти, убежденный, что знание ему еще пригодится в будущем, но в данный момент он был полностью сосредоточен на своей цели.

Он был рад, что униформа позволила ему беспрепятственно добраться до казарм, тем более вскоре он выяснил, что об убийстве янычаров ассасинами уже стало известно. Он как раз пересекал площадь, когда услышал голос глашатая: «Плохие вести, жители Константинополя. Слуга нашего султана пал от рук преступника. - Глашатай оглядел собравшихся людей и возвысил голос. - Будьте начеку, докладывайте обо всем подозрительном!»

Эцио постарался, как можно более незаметно, пройти по площади, но на него все равно уставились десятки глаз. Он мысленно молился о том, чтобы беспрепятственно войти в казармы. Если там узнают об убийстве и о том, что янычара убили именно из-за одежды, то усилят меры безопасности быстрее, чем он моргнет.

- Горе тому убийце, который забрал жизнь одного из уважаемых янычаров, - нараспев продолжал глашатай. - Этот враг должен быть найден и передан в руки правосудия! Если вы заметите что-то, сообщите! - он внимательно оглядел внушительную толпу и для пущего эффекта размотал свиток, который держал в руках: - Люди, будьте бдительны! По нашим улицам бродит убийца, человек без совести и чести, охотящийся на верных слуг нашего султана. На янычаров, посвятивших свои жизни защите Империи. И теперь они просят нас об услуге - найти убийцу прежде, чем он снова нанесет удар!

Боковые ворота гарнизона оказались открыты, но стража была удвоена. На Эцио сразу обратили внимание, и он понял - ему повезло подстеречь старшего сержанта или младшего офицера. Его униформа одним своим видом внушала уважение, хотя на первый взгляд, была неотличима от униформы простого солдата.

Ассасин без труда попал на территорию гарнизона, и сразу услышал обрывок разговора об убийстве.

- *Kardeslerim**, меньше часа назад одного из наших нашли убитым. Убийца снял с него одежду. Говорят, его бросили в навозную кучу, словно какой-то мусор, - сказал один из янычаров своим товарищам, и те обеспокоено забормотали в ответ. - Будьте начеку, когда будете патрулировать улицы, - продолжил первый. - Кто-то собирается нанести удар, переодевшись в наши одежды. Нужно быть начеку, пока преступника не поймают.

- И не выпотрошат, - добавил другой.

Эцио решил быть как можно осторожнее, пока он находится в гарнизоне. Опустив голову, он обошел бараки, изучая территорию и прислушиваясь к чужим разговорам. Услышанное оказалось весьма важным.

- Селим понимает, в каком мы тяжелом положении. Византийцы, мамлюки, сефевиды - только у него хватает смелости бросить им вызов, - говорил один из солдат.

- Ты прав. Селим - воин. Как Осман и Мехмед, - согласился другой.

- Тогда почему султан предпочел котенка льву?
 - Принц Ахмет тих и спокоен, как и султан. Вот почему. Боюсь, они слишком похожи.
 - Султан Баязид хороший человек и справедливый правитель, - вклинился в беседу третий.
 - Но в нем уже нет огня бывшего величия.
 - Не соглашусь, - возразил четвертый. - Он остается воином. Вспомни, какую армию он собрал против Селима.
 - Это еще одно свидетельство его падения! Поднять руку на родного сына? Это позор.
 - Не выдавай желаемое за действительное, *efendim*, - упрекнул четвертый. - В конце концов, именно Селим первым напал на нашего султана.
 - *Evet, evet*. Но Селим преследовал интересы империи, а не свои.
 - Кстати о войне. Есть новости с севера? - вмешался пятый.
 - Я слышал, что армия Селима отступила в Варну, - поделился шестой. - Говорят, он понес большие потери.
 - Невероятно, правда? Молюсь, чтоб все поскорей закончилось.
 - Да, но чьей победой?
 - Не знаю. Сердцем я на стороне султана, но разумом - с Селимом.
 - А как на счет сына Селима, принца Сулеймана? - вставил седьмой. - Вы его знаете?
 - Лично нет, - отозвался восьмой. - Но я его видел. Примечательный мальчик.
 - Не мальчик - способный юноша. Потрясающе умен.
 - Неужели пошел в отца?
- Седьмой янычар пожал плечами.
- Возможно. Хотя я подозреваю, что он очень от него отличается.
- Пока Эцио стоял в стороне, прислушиваясь к беседе, подошли еще двое янычаров. Один из них явно был весельчаком.
- Почему принц Ахмет остался в городе? - сухо спросил он. - Он же знает, что его не любят.
 - Он, словно мотылек, летит к пламени. Мечтает, что отец погибнет, и он сможет занять трон.
 - А вы слышали, - продолжил шутник, - что он предложил Тарику деньги в обмен на нашу верность?
 - Чтоб его... И что сделал Тарик?
- Янычар рассмеялся.
- На половину денег купил корм для коней, а вторую половину отослал Селиму!

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

В середине гарнизона, обнесенного высоким забором, было разбито несколько богато украшенных палаток. Эцио пошел к ним, догадываясь, что именно там обитает Тарик. Подойдя ближе, он действительно услышал знакомый голос. Тарик, стоя в компании еще одного янычара (очевидно, адъютанта), говорил с прибывшим курьером.

- Тарик-бей, - сказал курьер. - Вам письмо.

Тарик молча принял письмо, сломал печать и прочитал текст. А потом, даже не дочитав до конца, довольно рассмеялся.

- Прекрасно, - кивнул он, складывая письмо и пряча в карман. - Ружья уже в Каппадокии, в гарнизоне армии Мануила Палеолога.

- А наши люди все еще там? - спросил адъютант.

- *Evet*. Они свяжутся с нами, когда византийцы свернут лагерь. А когда они доберутся до Бурсы, мы их встретим.

Адъютант улыбнулся.

- Все идет по плану, *efendim*.

- Да, Чагатай, - согласился Тарик. – Пока да.

Он отослал людей прочь и пошел вдоль палаток. Держась на безопасном расстоянии, Эцио тенью следовал за ним. Но совсем незамеченным он оставаться не мог, поэтому ассасин был рад, что со времени прибытия в Константинополь немного подучил турецкий. Поэтому когда стража или солдаты обращали на него внимание, Эцио приветствовал их на турецком. Но не все шло так гладко. Пару раз Эцио терял след Тарика и заметил подозрительные взгляды, направленные в свою сторону. А потом путь ему преградили два янычара.

- Из какого вы полка, *efendim*? - достаточно вежливо спросил один из них, впрочем, что-то в его голосе заставило Эцио насторожиться.

Но прежде чем Эцио ответил, второй сказал:

- Не уверен, что знаю вас. И я не вижу имперских знаков отличия. Вы из кавалерии?

- Как вы сюда попали? - недружелюбно поинтересовался первый.

- Где ваш капитан?

Эцио не настолько хорошо знал турецкий, к тому же заметил, что они что-то подозревают. Он выхватил крюк-нож, схватил за грудки ближайшего янычара и швырнул его во второго, а сам бросился между палатками, перепрыгивая через натянутые веревки. Даже убегая, Эцио старался не выпускать из вида Тарика.

Сзади донеслись крики:

- Самозванец!

- Нарушитель! Ты умрешь!

- Остановите его!

- Этот ублюдок убил Назара! Схватите его!

Но лагерь был слишком большим, и Эцио воспользовался тем, что благодаря своей униформе и усам он не отличим от остальных янычаров. Запутав следы, он снова отыскал Тарика в одной из казарм, где размещались комнаты старших офицеров.

Эцио увидел, как Тарик входит в одну из комнат. Ассасин огляделся, убеждаясь, что вокруг никого нет, и что он оторвался от преследователей, а потом вошел следом за Тариком. Оказавшись внутри, он закрыл дверь на щеколду.

Эцио уже выяснил все, что ему было нужно. Он знал, что Тарик собирается встретиться с Мануилом на Бурсе, и что партия оружия была доставлена в гарнизон Мануила на Каппадокии. Поэтому когда Тарик, не медля, обнажил меч и бросился на Эцио, тот не стал задавать лишних вопросов. Когда Тарик ударил мечом, Эцио шагнул в сторону, а потом вонзил скрытый клинок в правый бок капитана янычаров. Лезвие прошло в почки, Эцио провернул клинок и лишь потом вытащил.

Тарик рухнул на стол, каты и схемы, лежавшие там, разлетелись в стороны, залитые кровью. Капитан хватал ртом воздух, а потом тяжело, из последних сил опершись на локоть, повернулся и посмотрел на противника.

- Твоей подлости пришел конец, солдат, - неприязненно сказал Эцио.

Но побежденный Тарик смотрел почти насмешливо, и Эцио охватили сомнения.

- Какая печальная ирония, - выдохнул капитан. – Это и есть «расследование» Сулеймана?

- Ты вступил в сговор с врагами султана, - уже не столь уверенно заметил Эцио. - Что еще ты ожидал за свое предательство?

Тарик горько улыбнулся.

- Я виноват. - Он замолчал, тяжело дыша, кровь лилась из раны на стол. - Но не в предательстве, а в высокомерии. - Он посмотрел на Эцио, который приблизился, чтобы услышать голос капитана, который стих до шепота. - Я готовил засаду. Собирался напасть на византийских тамплиеров, когда они бы уверились в своей безопасности.

- У тебя есть доказательства?

Скривившись от боли, Тарик вытащил из-за пояса карту.

- Возьми, - сказал он. - Она приведет тебя к византийцам на Каппадокии, - продолжил Тарик. - Уничтожь их, если сможешь.

- Я ошибся, Тарик, - прошептал Эцио. - Прости меня.

- Здесь нет твоей вины, - выдал из последних сил Тарик. Он заставил себя говорить, зная, что это его последние слова. - Защити мою родину. *Allah ashkina!* Именем Аллаха, верни нам достоинство, что мы потеряли.

Эцио подхватил Тарика за плечи и уложил на стол, а потом стянул с себя шарф и крепко перевязал капитану рану.

Но было уже слишком поздно.

- Покойся с миром, - с сожалением произнес Эцио.

Снаружи донесся шум, голоса приближались. Времени корить себя за ошибку не было. Эцио поспешно сорвал с себя униформу, оставшись в простой серой рубахе и рейтузах. Комната Тарика располагалась недалеко от стен казарм. Эцио знал, что с помощью крюка-ножа он легко преодолеет это препятствие.

Пришло время уходить.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Эцио добрался до убежища ассасинов, переоделся и с тяжелым сердцем вернулся во дворец Топкапи. Очевидно, страже был отдан приказ пропустить Эцио, потому что его проводили в личные покои принца, куда через несколько минут пришел и сам Сулейман. Казалось, принц не ожидал увидеть его, и был взволнован.

- Тарик не был предателем, Сулейман, - сказал Эцио, предвосхищая вопрос. - Он тоже следил за византийцами.

- Что? - Сулейман был ошарашен. - А ты?..

Эцио мрачно кивнул.

Сулейман тяжело сел, выглядел он совершенно убитым горем.

- Боже, прости меня, - тихо прошептал он. - Я не должен был судить столь поспешно.

- Принц, он до конца был верен вашему деду. И благодаря его усилиям у нас есть шанс спасти город, - Эцио вкратце рассказал то, что узнал из разговоров янычаров и показал карту, которую получил от Тарика.

- Тарик, - прошептал Сулейман. - Он не должен был скрывать это, Эцио. Неужели не было другого пути...

- Оружие доставили на Каппадокию. Мы должны действовать немедленно. Вы можете мне помочь туда?

Сулейман очнулся от своих мыслей.

- Что?.. Помочь туда? Да, конечно. Я прикажу снарядить корабль до Мерсины, а оттуда ты доберешься самостоятельно.

Появление принца Ахмета прервало их беседу. К счастью, прежде чем войти он позвал Сулеймана по имени, и Эцио успел отойти в угол комнаты, где его можно было не заметить.

Ахмет вошел в комнату и, не теряя времени, перешел к делу.

- Сулейман! Меня подставили! Ты помнишь янычара Тарика?

- С которым ты не ладил?

Ахмет выглядел страшно разозленным.

- Он был убит. Ни для кого не секрет, что мы были в ссоре. Янычары обвиняют в его смерти меня.

- Ужасная новость, дядя.

- Да. Когда об этом узнает отец, он выставит меня из города!

Сулейман не сдержался и бросил нервный взгляд через плечо дяди на Эцио. Ахмет заметил это и обернулся.

- Ох. Прости, племянник, - более сдержанно произнес он. - Я не знал, что у тебя гости.

Сулейман поколебался, а потом кивнул:

- Это... Марчелло. Один из моих европейских советников в Каффы.

Эцио низко поклонился.

- *Buona sera.*

Ахмет нетерпеливо отмахнулся.

- Марчелло, мне с моим племянником нужно кое-что обсудить наедине, - сурово проговорил он.

- Разумеется. Прошу меня извинить, - Эцио снова поклонился, еще ниже, чем в прошлый раз, и пошел к двери, по пути перехватив взгляд Сулеймана, который, к счастью, сумел помочь Эцио выкрутиться. Молодой принц правильно уловил намек и официальным тоном объявил уходящему Эцио:

- Ты знаешь свою задачу. Как я и сказал, корабль будет ждать, когда ты решишь отбыть.

- *Grazie, mio principe**, - отозвался Эцио. Он вышел из комнаты, чуть задержавшись снаружи, желая услышать чем закончится разговор. То, что Эцио услышал, не убедило его в том, что он не совершает ошибку.

- Мы отыщем того, кто совершил это преступление, дядя, - сказал Сулейман. - Проявите терпение.

Эцио задумался. Мог ли принц играть по своим правилам? Он плохо знал Сулеймана. Юсуф предупреждал его не лезть в османскую политику. Когда Эцио вышел из дворца, настроение у него было мрачным. Во всем городе было только одно место, где он мог бы спокойно отдохнуть и собраться с мыслями.

* Мой принц (ит.)

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

*Мой вождь и я на этот путь незримый
Ступили, чтоб вернуться в ясный свет,
И двигались все вверх, неустомимы,
Он - впереди, а я ему вослед,
Пока моих очей не озарила
Краса небес в зияющий просвет;
И здесь мы вышли вновь узреть светила.*

Несколько дней назад София предложила Эцио перечитать «Ад» Данте. В молодости, будучи учеником, Эцио уже читал его, но, так как в то время его ум был занят совсем другим, так и не смог вникнуть в смысл книги. И теперь она казалась ему практически откровением. Дочитав до конца, он со вздохом удовольствия отложил книгу и посмотрел на Софию. Она сидела за столом, смотря то на карту, то в справочники, то снова возвращаясь к тетради, в которую что-то записывала. На носу у нее сидели очки. Эцио смотрел, как она работает. Она казалась такой погруженной в перевод, что он не рискнул ей мешать. Вместо этого он снова взял книгу. Возможно, ему стоит начать читать «Чистилище».

И тут София посмотрела на него и улыбнулась.

- Тебе нравится поэма?

Эцио улыбнулся и, положив книгу на стол, поднялся со стула.

- Кем были все те люди, которых он отправил в Ад?

- Его политические противники и те, кто его чем-то оскорбил. Перо Данте бьет точно в цель?

- Да, - задумчиво отозвался Эцио. - Это весьма тонкий способ отомстить.

Он не хотел возвращаться в реальность, но необходимость скорого путешествия давили на него. Впрочем, он ничего не мог предпринять до приказа Сулеймана. Если конечно принцу можно было доверять. Но в душе он был спокоен. Какая польза Сулейману предавать его? Он вернулся к стулу, взял «Божественную комедию» и вернулся к тому, на чем остановился.

- Эцио, - нерешительно прервала его чтение София. - Я собиралась на пару недель съездить в Адрианополи, посмотреть новый печатный станок.

Эцио заметил в ее голосе робость и подумал, не передались ли ей нежные чувства, которые охватывали его самого, когда он заговаривал с ней. Неужели она поняла, насколько сильно он... привязался к ней? Но когда он заговорил, в голосе у него звучала нарочитая небрежность:

- Наверное, это будет интересно.

- Это, - продолжила София столь же неуверенно, - в пяти-шести днях пути отсюда, и ехать одной...

- Прости, что?

Она смутилась.

- Извини. У тебя, наверное, дела.

Теперь смутился Эцио.

- София, я бы с радостью поехал с тобой, но у меня нет времени...

- Как и у меня.

Он не знал, как реагировать на ее слова, учитывая их многозначительность, поэтому промолчал. А еще он подумал о двадцатилетней разнице в возрасте между ними.

София мгновение смотрела на карту, а потом снова подняла взгляд на Эцио.

- Я бы попыталась закончить сегодня последний кусочек перевода, но до заката мне нужно кое-что... достать. Ты потерпишь еще денек?

- Что тебе нужно?

Она на мгновение отвела взгляд.

- Это глупо, но... мне нужен букет свежих цветов. Белые тюльпаны.

Эцио встал.

- Я принесу их. Без проблем.

- Уверен?

- Прекрасная возможность прогуляться.

женщина тепло улыбнулась.

- Хорошо! Встретимся в парке к востоку от Айа-София. Совершим сделку: цветы за... информацию!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Цветочный рынок поражал разноцветьем и обилием ароматов, и здесь совсем не было янычаров. Эцио с тревогой шел по рынку и совсем не был уверен, что сможет отыскать в этом изобилии нужные цветы.

- Вы выглядите, как человек, желающий потратить деньги, - обратился к нему торговец цветами, когда Эцио подошел к его прилавку. - Что вы ищите, друг мой?

- Тюльпаны. Белые, если они у вас есть.

Торговец цветами посмотрел на него в нерешительности.

- Тюльпаны. Простите, закончились. Может, выберете что-то другое?

Эцио покачал головой.

- Это не моя прихоть, к сожалению.

Торговец на мгновение задумался, а потом чуть наклонился к Эцио и тихонько прошептал:

- Хорошо, только для вас, я открою тайну. Белые тюльпаны, которые я продаю, я срезаю возле ипподрома. Это правда. Можете пойти и проверить сами.

Эцио улыбнулся, достал кошелек и щедро отблагодарил продавца.

- Спасибо.

Не теряя ни минуты, он прошел по нагретым солнцем улицам к ипподрому, где и нашел растущие прямо в траве белые тюльпаны. Счастливый, он присел и скрытым клинком срезал столько цветов, сколько, как он надеялся, нужно было Софии.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Имперский парк, лежащий к востоку от Айа-София, представлял собой сады, перемежающиеся зелеными газонами, на которых стояли белые мраморные скамейки и беседки, идеально подходившие для встреч. Эцио довольно быстро отыскал в одной из беседок Софию.

Женщина устроила небольшой пикник, и Эцио сразу заметил, что еда и напитки - не местные. София неведомым образом сумела собрать обед, содержащий самые вкусные блюда их родных городов. Здесь были и молочные, и ризотто с рыбой из Венеции, и панцанелла и салаты из Флоренции. А еще инжир из Тусколы и оливки из Пичено, и даже макароны и палтус. И вино - Фрескобальди. Плетеная корзина стояла возле белоснежной скатерти.

- Что это? - удивленно просил Эцио.

- Подарок. Присаживайся.

Эцио кивнул, протянул женщине цветы и сел.

- Они прекрасны, спасибо, - сказала София, принимая букет, который он срезал для нее.

- Да, - согласился он. - Не думай, что я не ценю то, что ты для меня делаешь.

- Я хотела поблагодарить тебя за то, что ты дал мне поучаствовать в своем небольшом приключении.

- Ну, я не назвал бы его небольшим, но поверь, твоя помощь была бесценна.

Она тихонько рассмеялась.

- Ты загадочен, Эцио Аудиторе.

Эцио тревожно посмотрел на нее.

- Прости... Я не специально.

София снова засмеялась.

- Все хорошо! - она помолчала и добавила. - Это привлекает.

Эцио не знал, что ответить, поэтому перевел тему на еду.

- Выглядит вкусно.

- Спасибо.

Эцио улыбнулся. Он не хотел портить настроение, но его мысли омрачила тень. Не стоило раньше времени праздновать и надеяться на что-то. Эцио серьезно посмотрел на Софию, которая тут же уловила перемену в его настроении.

- Как там последний шифр? - спросил он так небрежно, как только мог.

- Ох, шифр, - воскликнула женщина, все еще немного игриво, и Эцио успокоился. - Да, он закончен. Еще несколько часов назад. Но прояви терпение, скоро ты его получишь.

И она так посмотрела на Эцио, что он сдался и не посмел больше возражать.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Последняя книга находилась в труднодоступном месте. Никколо Поло спрятал ее на самой вершине мечети Айа-София, прямо над большой аркой, размещавшейся под куполом старой базилики.

Эцио решил отправиться на поиски ключа перед рассветом, когда на улицах было меньше всего людей. Никем не замеченный, он добрался до здания и, проскользнув в притвор, осмотрел каменную стену, по которой ему предстояло подняться. Он заметил несколько щелей, за которые можно было зацепиться крюком-ножом и подтянуться, и после пары неудачных попыток все-таки взобрался на мечеть. Там, под куполом, он отыскал обветренную деревянную панель, затянутую паутиной.

Зацепившись за водосток, который был достаточно прочен, чтобы выдержать вес ассасина, Эцио с помощью крюка-ножа открыл панель. Деревянная доска упала вниз и разбилась о землю. Звук показался Эцио оглушительным, и он замер в предрассветных сумерках, молясь, чтобы никто не услышал шум. Выждав три минуты и не дождавшись никакой реакции, Эцио изучил тайник и вытащил книгу.

Спустившись вниз, он поспешил прочь от мечети. Эцио нашел тихое место в парке, где днем раньше обедал с Софией, и изучил находку. Книга оказалась копией Лиутпранда Кременского «Миссия в Константинополе». Прежде чем открыть форзац, Эцио представил себе, как обрадуется София, получив такую редкую книгу.

Пустая страница засветилась так же ярко, как узкая полоса солнечного света далеко на востоке за проливом Босфор. Потом появилась карта города, которая постепенно, как Эцио и надеялся, обрела четкость. Потом на ней зажглась яркая точка, отмечавшая Бычий Форум.

Следуя указанием книги, Эцио прошел мимо Второго и Третьего холмов, между акведуком Валента и портом Феодосии, и добрался до форума, располагавшегося в западной части города. Он не особо спешил, потому что время было еще раннее, и людей на улицах не было. Эцио осмотрел огромную пустынную площадь в поисках подсказки, а потом вспомнил о системе цистерн под городом. Он взялся за поиски и вскоре обнаружил люк, открыв который, спустился по каменным ступенькам под землю.

Там Эцио закрыл книгу и убрал в сумку. Сменив крюк-нож на пистолет, ассасин проверил скрытый клинок и осторожно двинулся дальше.

Вскоре он оказался в сводчатой пещере, в центре которой бежала подземная река. Чадящие факелы висели на стенах, а над рекой звучали голоса, эхом отражавшиеся от свода. Эцио пошел в сторону, откуда они доносились, и наткнулся на пару византийских тамплиеров, стоявших на дамбе.

- Что ты нашел? - спросил один из них. - Второй ключ?

- Какую-то дверь, - ответил ему товарищ. - Она замурована камнями.

Эцио подошел ближе, заглянул за угол и увидел солдат, стоявших на старом пирсе. Один из солдат катил бочку от плотов, привязанных к пирсу.

- Звучит многообещающе, - воодушевился первый. - Предыдущий ключ мы нашли как раз за похожей дверью.

- И что? Как ее открыли?

- Никак. Нам помогло землетрясение.

По сигналу офицера, стоявшего поближе к Эцио, солдаты подняли бочку и установили ее в нишу возле двери. Теперь Эцио разглядел, что дверь была заложена тесно подогнанными каменными блоками, вырезанными искусным каменщиком.

- Землетрясение! Было бы неплохо, - вздохнул второй тамплиер. - А у нас только пара бочек с порохом!

- Думаю, нам хватит даже одной, - отозвался первый.

Эцио прищурил глаза и бесшумно достал пистолет.

- А если не хватит, используем вторую, - продолжил первый тамплиер.

Эцио поднял оружие и прицелился, но свет факела отразился от ствола пистолета. Вспышку света заметил один из солдат.

- Что за?.. - выдохнул он и, увидев оружие, отскочил к бочке как раз в тот момент, когда Эцио нажал на курок. Пуля попала точно в тамплиера.

Эцио молча выругался.

Но солдаты его уже заметили.

- Это ассасин! Уходим отсюда!

Эцио пытался успеть перезарядить пистолет, но солдаты уже отступили к плотам. Он бросился следом, пытаясь остановить их прежде, чем они поднимут тревогу. Но когда он выскочил на пирс, они уже отплыли. Эцио прыгнул на второй плот и стал его отвязывать. Солдаты были уже на середине реки.

Веревка, наконец, поддалась, Эцио поплыл в погоню, и в этот момент его осенило: что если солдаты не настолько уж и напуганы и просто желают заманить его в ловушку? Но было уже слишком поздно. Нужно играть до конца.

Плот Эцио был легче, и расстояние между ними стало уменьшаться. Конечно, солдаты казались перепуганными, но страх не мешает им зарядить мушкеты и вставить запалы в бомбы.

- У нас есть бочка с порохом, воспользуемся ей! - закричал один из них.

- Взорвем ассасина, - согласился другой и бросил бомбу, которая взорвалась в воде, в считанных сантиметрах от плота Эцио.

- Дай мне еще корпус, - крикнул третий, пытавшийся удержаться на плоту и прицелиться из мушкета.

- Стреляй!

- А ты думаешь, чем я занимаюсь?

- Да убей же ублюдка!

Поток воды унес их дальше. Эцио взялся за руль, пытаясь увернуться от пуль противника, который умудрялся прицелиться и стрелять даже на неустойчивом плоту. Одна из бочек на плоту тамплиеров отвязалась и покатилась, сбив двух солдат в стремительный поток. Плот сильно накренился, сбросил еще одного тамплиера, а потом ударился бортом о дамбу. Оставшиеся в живых выбрались на насыпь. Эцио поднял голову и осмотрел высокий свод, раскинувшийся в двадцати футах над рекой. Во мраке он разглядел протянутые сверху веревки, за которые, без сомнения, цепляли баржи и плоты, когда вниз по течению спускали груз. Для этого требовался лишь один-единственный человек с шестом, которым он цеплялся за небольшие петли, расположенные на веревке через равные интервалы.

Эцио увидел, что веревка точно следует течению реки, со всеми ее поворотами и спусками. И она прекрасно подходила для того, что он задумал.

Эцио напрягся и развернул свой плот к дамбе, а потом перепрыгнул на берег.

Тем временем выжившие солдаты уже бросились бежать, не-то спасая свои жизни, не-то пытаясь позвать на помощь. Времени оставалось мало.

Эцио быстро сменил пистолет на крюк-нож, вскарабкался по стене пещеры и прыгнул к веревке над рекой. Ему удалось зацепиться, и вскоре он стремительно мчался над рекой. Он передвигался намного быстрее, чем солдаты. У Эцио уходили доли секунды на то, чтобы отцепиться от одной петли и уцепиться за следующую так, чтобы не свалиться в ревущий поток.

Догнав солдат, он снова отцепил крюк, но на этот раз прыгнул не вперед, а в сторону, приземлившись на дамбу прямо перед тамплиерами. Тяжело дыша, солдаты остановились как вкопанные.

- Он безумец, - выдохнул один из них.

- Это не человек, а демон, - взвыл второй.

- Сейчас посмотрим, можно ли его убить, - взревел более храбрый тамплиер и шагнул к Эцио, вращая в руке меч. Эцио применил прием, которому его научил Юсуф, и перекинул

храбреца в реку. Осталось трое солдат. Бой еще не начался, а Эцио уже решил, что не может позволить себе проявить милосердие. Бой оказался коротким и кровавым, после чего на земле остались лежать три тела, а Эцио обзавелся раной на левой руке.

Тяжело дыша, он вернулся к замурованной двери. Погоня увела его далеко вниз по реке, и теперь ассасину потребовалось десять минут, чтобы вернуться к пирсу, где совсем недавно были привязаны плоты. Эцио знал, что в ближайшее время ему не стоит опасаться погони, и помнил, куда тамплиеры поместили бочку с порохом.

Снова сменив крюк-нож на пистолет, Эцио перезарядил оружие. Потом, заняв позицию чуть вверх по течению, где мог укрыться за выступающей опорой, прицелился и выстрелил.

Пистолет гроыхнул, пуля с шипением вылетела из ствола и с глухим стуком ударила в цель, и... ничего не произошло.

Тишина.

А потом...

Взрыв был подобен грохоту грома. Оглушенный Эцио, на которого сыпались мелкие камешки, запоздало подумал, что взрыв мог обрушить потолок в помещении за дверью. Но когда пыль осела, он увидел, что каменная кладка, закрывавшая дверь, оказалась практически не повреждена.

Впрочем, даже этого оказалось достаточно, чтобы Эцио смог заглянуть внутрь и увидеть знакомый постамент, на котором, к его облегчению, лежал круглый обсидиановый ключ. Но времени расслабляться не было. Эцио дотянулся до ключа и заметил исходящее от него знакомое свечение. Когда оно усилилось, Эцио попытался сопротивляться ему. Он осознавал, что странные видения, следовавшие за ослепительным светом, выбивают его из колеи, заставляют чувствовать неуверенность.

Но сопротивление было бесполезно, Эцио подхватила и унесла с собой некая неведомая сила.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Эцио осознал, что с момента прошлого видения прошло двадцать лет. Местность была ему уже знакома - словно гигантский коготь возвышался над ним Масиаф. Недалеко от ворот в замок сидели у костра трое ассасинов...

У них были лица людей, чьи надежды пошли прахом, а голоса звучали тихо, почти устало.

- Говорят, во сне он кричит, и все время зовет отца, Ахмада Софиана, - сказал один.

Другой горько усмехнулся.

- Зовет своего папочку, да, Джемаль? Аббас. Как же он жалок.

Они смотрели на костер, поэтому не сразу заметили старика, появившегося из темноты.

Он был одет в белые одежды, а лицо скрывал капюшон.

- Не нам его судить, Терагани, - холодно возразил третий.

- От чего же, Тазим, - спросил Джемаль. - Если наш Наставник сошел с ума, я хочу знать.

Старик подошел ближе, и ассасины наконец-то заметили его.

- Шшш, Джемаль, - сказал Тазим и, повернувшись к незнакомцу, произнес: - *Masa il-kher**.

- Воды, - прохрипел старик.

Терагани встал и, налив в сосуд из тыквы воду из стоявшего рядом кувшина, протянул старику.

- Присаживайся, вот, - пригласил Джемаль.

- Благодарю, - кивнул старик.

- Что привело тебя сюда, старик? - спросил Тазим, когда гость напился.

Незнакомец на мгновение задумался, а потом проговорил:

- Не стоит насмехаться над бедным Аббасом. Он прожил жизнь сиротой и стыдился собственной семьи.

Тазима ошеломило это заявление, но Терагани едва заметно улыбнулся. Он внимательно посмотрел на руки старика и увидел, что на левой руке не хватает безымянного пальца. Если исключить невероятное совпадение, перед ними был ассасин. Терагани украдкой посмотрел на испещренное морщинами усталое лицо. В нем было что-то знакомое...

- Аббас отчаянно жаждет силы и власти, ибо не имеет их, - продолжил старик.

- Но он наш Наставник! - возразил Тазим. - Он не предал нас, подобно Аль Муалиму или Альтаиру ибн Ла'Ахаду!

- Вовсе нет, - покачал головой Терагани. - Альтаир не был предателем, - он внимательно посмотрел на старика. - Альтаир был несправедливо изгнан.

- Ты не знаешь, о чем говоришь! - взорвался Тазим и, вскочив, исчез в темноте.

Старик из-под капюшона посмотрел на Терагани и Джемаль, но ничего не сказал. Терагани снова изучил его лицо. Большую часть скрывал капюшон, но глаза было хорошо видно. А еще Терагани заметил, что на правом запястье под одеждой прячется скрытый клинок.

Ассасин неуверенно спросил:

- Это... Это вы? - он осекся. - Я слышал сплетни, но не верил им.

Старик едва заметно улыбнулся.

- Я бы хотел поговорить с Аббасом. Прошло уже столько лет.

Джемаль и Терагани переглянулись, а потом Джемаль глубоко вздохнул. Он принял из рук старика сосуд из тыквы, снова наполнил водой и с почтением передал обратно, после чего неловко сказал:

- Это невозможно. Аббас окружил себя изгоями-федаинами, которые не пустят нас в замок.

- Настоящих ассасинов тут меньше половины, - рассказал Терагани, и, помолчав, добавил:

- Альтаир.

Старик улыбнулся и едва заметно кивнул.

- Но как я вижу, настоящие ассасины все же есть, - проговорил он.

- Ты так долго отсутствовал, Наставник. Где ты был?

- Путешествовал. Учился. Много учился. Отдыхал. Пытался научиться принимать потери, жить с ними. Одним словом, я делал то, что на моем месте сделал бы любой другой, - он помолчал, а когда снова заговорил, голос у него немного изменился: - А еще я был у наших братьев в Аламуте.

- Аламут? И как они?

Альтаир покачал головой.

- Для них все кончено. Монголы Хулагу-хана разбили их и захватили крепость. Библиотека была уничтожена. Монголы, словно саранча, не колеблясь, двигаются на запад. Единственная наша надежда в том, если сейчас Орден вернется и заявит, что запад принадлежит ему. Мы должны стать сильнее. Но, возможно, пришло время жить среди обычных людей, а не в крепости, вроде Масиафа.

- Это правда ты? - спросил Джемаль.

- Ш-ш-ш, - зашипел Терагани. - Мы же не хотим, чтобы его убили.

Джемаль напрягся.

- Тазим! - обеспокоено воскликнул он.

Терагани усмехнулся.

- От Тазима больше шума, чем дела. Он больше всего на свете любит доказывать свою правоту. Но ему так же неприятно нынешнее положение дел, как и нам... Тем более, он ушел раньше. - Он повернулся к Альтаиру с лицом, на котором не было и следа бывшего уныния. - У нас много работы.

- Да, - согласился старик, - с чего же мне начать?

Джемаль снова переглянулся с Терагани. Они встали и опустили на лица капюшоны.

- С нас, Альтаир.

Альтаир улыбнулся и встал. Может, он и выглядел, как старик, но на ногах стоял крепко.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Они вместе пошли к замку.

- Вы говорите, они жестоки? - спросил Альтаир. – Кто-нибудь из них поднимал клинок на невинного?

- Увы, да, - ответил Джемаль. - Кажется, жестокость единственное, что доставляет им радость.

- Тогда они должны умереть за то, что предали Орден, - произнес Альтаир. - Но тех, кто не забыл Кредо, надо пощадить.

- Можете положиться на нас, - кивнул Джемаль.

- Уверен, что могу. А теперь ступайте. Я хочу все разведать сам, тем более, что я хорошо знаю Масиаф.

- Мы будем ждать вашего приказа.

Альтаир кивнул и пошел к воротам. Держась в тени, он без труда миновал охрану, с сожалением подумав, что мимо настоящих ассасинов он бы не смог проскользнуть с такой легкостью. Прижавшись к стенам, окружавшим замок, он добрался до освещенного светом факелов поста стражи недалеко от ворот, где увидел двух офицеров. Альтаир прислушался к их беседе и почти сразу понял, что перед ним люди, верные Аббасу. Аббас! Почему, подумал Альтаир, он помиловал его? Скольких страданий можно было бы избежать, если бы Аббаса не было! Но, возможно, Аббаса суждено было пожалеть, какую бы цену не пришлось заплатить за это.

- Ты слышал, что говорят в деревне? - спросил один из офицеров.

- Про Аббаса и его кошмары?

- Нет, нет, - первый заговорил тише. - Про Альтаира.

- Альтаира? И что говорят?

- Говорят, что старый ассасин спас торговца в долине. А еще, что сражался он скрытым клинком.

Второй покачал головой и пренебрежительно выплюнул:

- Сплетни. Я не верю ни единому слову.

- Правда это или нет - ничего не говори Аббасу. Он же параноик.

- Если Альтаир здесь, мы должны действовать - отыскать его и убить, как мерзкого старого пса, каким он и является. Он, как и раньше, попытается взбудоражить людей, а потом заставит других отвечать за свои ошибки. Подорвет авторитет великого Аббаса.

- Аббас держит все в железном кулаке. Это все понимают.

- Ты прав. Без контроля нет порядка.

Альтаиру нужно было время, чтобы оценить ситуацию. Он знал, что Джемаль и Терагани тенью следуют позади него. Казалось, только двое офицеров стоят сейчас между ним и крепостной стеной. А их разговор доказывал, что они разделяют взгляды Аббаса, - взгляды, которые больше напоминали мировоззрение тамплиеров, чем ассасинов.

Он тихо кашлянул и вышел на свет.

Офицеры повернулись к нему.

- Кто ты такой?

- Убейся под добру-поздорову старик.

Первый хрипло рассмеялся.

- Может, прирежем его? Свиньи будут рады сожрать его труп.

Альтаир молча показал им левую руку, демонстрируя отсутствие пальца на левой руке.

Офицеры отступили на шаг, обнажая ятаганы.

- Узурпатор вернулся! - прорычал второй офицер.

- Кто бы мог подумать! Спусти столько лет!

- Что привело тебя сюда?

- Собака вернулась к своей блевотине.

- Вы слишком много болтаете, - сказал Альтаир.

С быстротой, не ожидаемой от старика, Альтаир выхватил скрытый клинок, прыгнул вперед и со смертельной точностью нанес два быстрых удара.

Осторожно он шагнул к воротам, и как оказалось, не зря. Он увидел еще одного офицера, стоявшего по ту сторону ворот, и вовремя отступил в тень, прежде чем тот его заметил. За спиной Альтаира раздался слабый крик, и из темноты к офицеру подбежал молодой ассасин. Он что-то прошептал офицеру, и глаза у того расширились от смеси удивления и страха. Очевидно, что тела офицеров, убитых Альтаиром, уже обнаружили, и его присутствие в замке больше не является тайной. Альтаир быстро сменил скрытый клинок на пистолет, который сам собрал по чертежам во время своего путешествия по Востоку.

- Доложите Аббасу, немедленно! - приказал офицер и громко закричал: - Ассасины Братства! Ко мне!

Альтаир стоял, обдумывая варианты, когда рядом раздался знакомый голос:

- Наставник!

Обернувшись, он увидел Джемаль и Терагани. С ними были с полдюжины ассасинов.

- Мы не успели спрятать офицеров, убитых тобой. Они были самыми жестокими в банде Аббаса, - быстро пояснил Джемаль. - Но мы привели подкрепление. И это только начало.

- Я рад, - улыбнулся Альтаир.

Джемаль улыбнулся в ответ, за его спиной небольшой отряд ассасинов почти синхронно накинул на себя капюшоны.

- Надо заткнуть его, - Терагани кивнул на бушующего за воротами офицера.

- Разреши, я сам, - сказал Альтаир. - Мне нужно тренироваться.

Он смело шагнул навстречу офицеру-отступнику, но к тому на помощь уже бросились ренегаты.

- Вот он! - вскричал капитан. - Убить его! Убить всех предателей!

- Думай, прежде чем делать, - посоветовал Альтаир. - Каждое действие имеет свои последствия.

- Ты жалкий ублюдок! Сдавайся или умри!

- Ты мог остаться в живых, друг, - вздохнул Альтаир, и его товарищи вышли из темноты.

- Я тебе не друг, старик, - огрызнулся капитан, бросился на Альтаира и ударил его мечом раньше, чем тот, казалось, был готов к нападению.

Но Альтаир был готов. Бой был коротким и кровавым. Когда он закончился, капитан и большинство его людей были мертвы.

- Идемте за мной в замок, - позвал Альтаир. - Не проливайте крови без необходимости! Помните о Кредо!

Пройдя через ворота, они столкнулись с еще одним офицером в черно-серых одеждах. На поясе у него в свете факелов блестела эмблема Ордена. Он был стар - на вид ему было около пятидесяти.

- Альтаир ибн Ла'Ахад, - сказал он бесстрашно. - Двадцать лет прошло с тех пор, как мы в последний раз встречались в этих стенах. Двадцать лет, которые были более благосклонны к тебе, чем к нашему Ордену. - Он помолчал. - Аббас многое нам рассказывал... Про высокомерного Альтаира. Альтаира-обманщика. Альтаира-предателя. Но я никогда не верил его словам. И сейчас перед собой я вижу Мастера Альтаира. И я покоряюсь тебе.

Он шагнул вперед, протянув руку, и Альтаир крепко пожал ее, обхватив за запястье по римскому обычаю. Другие ассасины, очевидно подчиненные офицера, выстроились позади него.

- Нам нужна ваша мудрость, Мастер. Сейчас даже больше, чем когда-либо.

Он обернулся к своему отряду.

- Наш Наставник вернулся!

Солдаты убрали мечи в ножны и накинули капюшоны. А потом, объединившись с отрядом преданных Альтаиру ассасинов, направились в сторону темных сторожевых башен Масиафа.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Но едва они вошли во двор замка, как появился сам Аббас с отрядом верных ему ассасинов. Альтаир сразу узнал бывшего друга, но теперь это был старик с запавшими глазами и впалыми щеками - испуганный и зависимый.

- Убейте его! - проревел Аббас. - Убейте его немедленно!

Но ассасины заколебались.

- Чего вы ждете? - закричал Аббас, и голос у него дрогнул от напряжения.

Ассасины замерли, в нерешительности смотря на своих товарищей позади Альтаира.

- Глупцы! Он околдовал вас!

Ни шага. Аббас посмотрел на них, сплюнул и убежал в башню.

Ассасины безмолвно стояли напротив своих братьев. В напряженной тишине Альтаир поднял левую руку, изувеченную во время посвящения в члены Братства.

- Нет никакого колдовства, - просто сказал он. - И нет волшебства. Поступайте так, как велит вам совесть. Смерть и так слишком долго жила здесь. У нас есть другие, настоящие враги - мы не можем позволить себе сражаться друг против друга.

Одна из защитниц Аббаса, которую силой заставили подчиняться, скинула капюшон и, шагнув вперед, опустилась перед Альтаиром на колени.

- Наставник, - поприветствовала она.

К ней присоединилась другая.

- С возвращением, - добавила девушка.

- Я буду сражаться за вас, - проговорила третья. - И за Орден.

Другие быстро последовали их примеру, поприветствовав Альтаира, как давно потерянного брата, и обняв недавних противников. Лишь немногие, выплюнув оскорбления, ушли вслед за Аббасом.

Альтаир вошел в башню во главе своего отряда. Они остановились в огромном зале. Аббас в окружении верных ему изгоев стоял на широкой лестнице. Копейщики и лучники расположились на галерее.

Альтаир спокойно посмотрел на них. Под его взглядом ассасины-изгои затрепетали, но не отступили.

- Отзови своих людей, Аббас, - приказал он.

- Никогда! Я защищаю Масиаф! Ты на моем месте поступил бы иначе?

- Аббас, ты уже осквернил все наши идеалы и растерял все, что у нас было. Ты все принес в жертву на алтарь своей злобы.

- Как и ты, - огрызнулся Аббас. - Ты потратил жизнь, пылая в проклятое Яблоко и мечтая только о своей славе.

Альтаир шагнул вперед, ему навстречу с копьями наперевес ринулись два копейщика.

- Аббас, я, правда, многое узнал от Яблока. О жизни и смерти, о прошлом и будущем, - он помолчал. - Я сожалею, мой старый друг, но, похоже, у меня нет выбора, кроме как показать тебе кое-что. Я вижу, что иначе тебя ничто не остановит. Ты никогда не изменишься и не увидишь свет, даже если он будет перед твоим носом.

- Убейте предателя! - закричал в ответ Аббас. - Убейте их всех и бросьте тела в навозную яму!

Люди Аббаса напряглись, но не напали. Альтаир знал, что пути назад нет. Он поднял руку с пистолетом, прицелился и выстрелил в человека, который десятилетия назад очень недолго был его лучшим другом.

Когда пуля попала в цель, Аббас пошатнулся. Во взгляде его читалось недоверие и удивление. Он судорожно вдохнул и качнулся, тщетно ища поддержку, но никто не помог ему.

Потом он упал, покатился по ступеням вниз и замер у ног Альтаира. Ноги у Аббаса были переломаны и торчали под немыслимыми углами.

Но он был жив. Пока что. Аббас с трудом сумел приподняться и посмотреть в глаза Альтаиру.

- Я никогда не прощу тебя, Альтаир, - прохрипел он. - За ложь, которую ты говорил о моей семье, о моем отце. За унижения, что я вынес.

Альтаир посмотрел на него, и Аббас увидел сожаление в его глазах.

- Я не лгал, Аббас. Когда мне было десять лет, твой отец пришел ко мне. Он рыдал, умолял простить за то, что он предал мою семью. - Альтаир помолчал. - А потом он перерезал себе горло.

Аббас смотрел ему в глаза, не говоря ни слова. Но на лице у него отразилась боль человека, столкнувшегося с истиной, которую он не мог ни вынести, ни принять.

- Я смотрел, как он умирает у моих ног, - продолжил Альтаир. - И я никогда этого не забуду.

Аббас в агонии простонал:

- Нет!

- Он не был трусом, Аббас. Он вернул себе доброе имя.

Аббас знал, что не выживет. Свет в его глазах уже гас, когда он сказал:

- Я надеюсь, за этой жизнью будет другая. Я увижу отца и узнаю о его последнем дне...

Он закашлялся, тело болезненно задергалось. Когда он снова смог говорить, голос у него хрипел, но в нем не слышалось ни капли раскаяния.

- И когда придет твой час, Альтаир, я отыщу тебя. И тогда не будет никаких сомнений.

Руки Аббаса ослабли, тело упало на пол.

Альтаир, опустив голову, стоял над ним в окружавшей их тишине. Никто не шевелился, кроме теней, пляшущих в мерцающем свете факелов.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Когда Эцио пришел в себя, он боялся, что солнце давно встало, но увидел, что небо на востоке окрашено бледными оттенками красного, а солнце еще не успело осветить низкие холмы Азии, которая лежала по ту сторону от города.

Усталый, опустошенный полученной информацией, Эцио отправился сперва в убежище ассасинов, где передал ключ Азизе. Когда он, почти инстинктивно, пошел в магазин Софии, ноги у него нещадно болели. Было еще слишком рано, но он звонил в колокольчик, пока не разбудил Софию, спящую на втором этаже. Эцио надеялся, что она обрадуется его появлению или хотя бы новой книге. Но, откровенно говоря, он слишком устал, чтобы всерьез заботиться о том, как отреагирует женщина. Ему хотелось лечь и поспать. Тем более, Эцио помнил, что днем должен встретиться с Юсуфом на рынке специй, и перед этим нужно было отдохнуть.

Эцио так же с нетерпением ждал новостей о корабле, который должен был доставить его в Месину, откуда он отправится на север в Каппадокию. Эцио знал, что в этом путешествии ему понадобятся все его силы.

Когда Эцио, отдохнувший пару часов, добрался до рынка, где шла торговля специями, там уже было множество людей. Он протолкался через толпу, собравшуюся у прилавков, и тут в нескольких ярдах впереди увидел вора, схватившего большой, увесистый мешочек специй. Когда торговец попытался его остановить, вор сильно ударил его и побежал прочь.

К счастью, бросился он в сторону Эцио, с невероятной скоростью и ловкостью пробираясь через толпу. Когда вор поравнялся с Эцио, ассасин подцепил его крюком-ножом и сбил с ног. Вор выронил мешочек и поднял глаза на Эцио. Едва увидев взгляд ассасина, вор отказался от мысли вступать в драку, подскочил и скрылся в толпе, словно крыса в норе.

- Благодарю, *efendim*, - сказал торговец, когда Эцио отдал ему мешок со специями. - Шафран. Вы спасли меня от огромных убытков. Может, вы согласитесь принять...

Но Эцио уже заметил в толпе Юсуфа. Покачав головой и улыбнувшись торговцу, ассасин направился к своему помощнику.

- Какие новости?

- Нам сообщили - по большому секрету, - что твой корабль готов к отплытию, - ответил Юсуф. - Я и не знал, что ты собираешься нас покинуть.

- Обо мне все всё знают? - спросил Эцио, рассмеявшись. Он был рад, что Сулейман сдержал слово.

- Шпионы молодого принца почти так же хороши, как наши, - отозвался Юсуф. - Думаю, он послал людей ко мне, потому что знал, что ты... занят.

Эцио вспомнил о двух часах проведенных в компании Софии и порадовался, что отправился именно к ней. Он не знал, когда снова сможет ее увидеть - и сможет ли. И все же он не осмелился рассказать ей о своих чувствах, которые уже было трудно скрывать. Неужели его долгие поиски любви наконец подошли к концу? Если так, то они того стоили.

Но сейчас у него на уме были более неотложные вещи.

- Мы надеялись, что сможем починить твой сломанный клинок, - продолжил Юсуф. - Но лучший оружейник сейчас в Салонике и вернется не раньше следующего месяца.

- Оставьте клинок себе, а когда его починят, добавьте в свой арсенал, - сказал Эцио. - В обмен на крюк-нож. Это более чем справедливый обмен.

- Рад, что ты его оценил. Я видел, как ты обошелся с вором и подумал, что ты мастерски научился с ним обращаться.

- Без него я бы не справился.

Мужчины одновременно улыбнулись, а потом Эцио снова стал серьезным.

- Надеюсь, пункт назначения моего корабля неизвестен?

Юсуф коротко рассмеялся.

- Не волнуйся, брат. Капитан твоего корабля наш друг, ты сам его знаешь.

- И кто же он?

- Пири Рейс. Гордись, - Юсуф помолчал, а потом продолжил обеспокоенно. - Но вы никуда не поплывете. Пока что.

- О чем ты?

- Янычары протянули цепь через устье Золотого Рога и объявили полную блокаду, пока не поймают тебя, - Юсуф помолчал. - Пока цепь поднята, ни один корабль не покинет бухту. Эцио ощутил гордость.

- Хочешь сказать, они подняли цепь только из-за меня?

Юсуф улыбнулся.

- Отпразднуем это позже. У меня для тебя подарок.

Он завел Эцио в неприметный альков, достал бомбу и осторожно отдал другу.

- Осторожно. Она в пятьдесят раз мощнее наших обычных бомб.

- Спасибо. Тебе лучше собрать своих людей. Это позволит отвлечь внимание.

- Держи еще две дымовые бомбы. Они тоже будут полезны для тебя.

- Хорошо. Я знаю, что делать.

- Уверен в этом. Напряжение так и висит в воздухе, - пошутил Юсуф.

- Я займусь башней на южном берегу. Это ближе.

- Я отыщу тебя на причале и покажу корабль. *Sinav için iyi sanslar!**

Эцио усмехнулся.

- И тебе удачи, друг мой.

Юсуф собирался уходить, когда Эцио остановил его.

- Юсуф, подожди. Одна просьба.

- Да?

- Одна дама держит книжный магазин в старой лавке Поло... Ее зовут София. Присмотри за ней. Она приятная женщина.

Юсуф понимающе посмотрел на него и кивнул.

- Даю слово.

- Спасибо. А теперь... за работу.

- Раньше начнем, раньше закончим!

Осторожно убрав бомбу в сумку и сунув дымовые шашки за пояс, Эцио сменил скрытый клинок на пистолет и поспешил на север, к башне Галата на другой стороне Рога. Огромная цепь была переброшена между берегами.

Там он нашел Юсуфа.

- Лучники на местах. Они прикроют твой побег, - сообщил он. - Смотри туда, на ту сторону гавани. Видишь красный доу со свернутыми белыми парусами и серебряными флагами? Это корабль Пири. Он готов к отплытию. Ждут только тебя.

Вокруг башни было открытое пространство, окруженное валами с двумя сторожевыми башнями, с вершин которых вниз к пристани были натянуты веревки. Эцио заметил, что на одной из башен установлено орудие. Массивный огнемет был уже нагрет и готов к бою. Рядом крутился орудийный расчет из трех человек.

Вокруг самой башни стояли на постах османские стражники. Эцио было необходимо расправиться со всеми, прежде чем он сумеет заложить бомбу, которую дал ему Юсуф, поэтому ассасин мысленно поблагодарил друга за дымовые шашки. Укрыться было негде, и Эцио стремительно и без колебаний бросился в атаку.

Когда стража его заметила, то подняла крик, и османы навалились на ассасина. Эцио замер, позволяя противникам подойти ближе, натянул шарф на нос и рот, низко опустил капюшон. Когда османы оказались совсем рядом, Эцио вытащил из-за пояса дымовые бомбы и кинул в обе стороны. Шашки взорвались, повалил густой серый дым, мигом скрывший стражников. Пользуясь их замешательством, Эцио, прищурившись, чтобы уберечь глаза от дыма, выхватил саблю и прирезал беззащитных солдат, которые шатались, дезориентированные ниоткуда взявшимся туманом. Эцио приходилось

действовать быстро, потому что с Босфора дул легкий ветер, грозивший разогнать дым, и вскоре ассасин справился со своей работой. Эцио поместил бомбу у подножия башни, прямо под первым звеном массивной цепи, которая тянулась дальше, к лебедке. Отступив к воде, Эцио достал пистолет и выстрелил в бомбу, поджигая ее, а сам спрятался за большую железную швартовую тумбу.

Взрыв был невероятно силен. Грязь и камни разлетелись в разные стороны, цепь лопнула и со свистом пролетела над головой Эцио в воду, ломая мачты кораблей. Эцио увидел, как покачнулась сама башня. Мгновение она стояла неподвижно, а потом обрушилась вниз градом из битого кирпича и пыли.

Чуть позже на площадь, где находился Эцио, который рискнул выбраться из укрытия, кинулся взвод янычаров. Он увернулся от них и с помощью крюка-ножа влез на сторожевую башню с восточной стороны. Наверху оказался стражник, которого ассасин столкнул вниз. После этого Эцио зацепился крюком за веревку, тянувшуюся вниз к огнемету на пристани, но спуститься не успел - увидел, как янычары накладывают стрелы на луки. Прицелиться и выстрелить они не смогли, попадая под градом стрел, выпущенных ассасинами. Другие ассасины ворвались на площадь перед разрушенной башней, добивая янычаров, которые выжили при обстреле.

Был среди них и Юсуф, который, подняв голову, крикнул Эцио:

- Запомни - красный доу! Корабли между ним и тобой вооружены. Они попытаются остановить вас, если смогут!

- Я разберусь с ними, - мрачно отозвался Эцио.

- Мы зачистим доки!

Эцио спрыгнул с башни, заскользил по веревке на крюке и спрыгнул рядом с огнеметом. Солдаты из орудийного расчета направили огнемет на ассасинов, сражавшихся у башни. Одного из солдат Эцио столкнул в воду, упав туда, солдат попал между двух барж и был раздавлен. С другими Эцио справился с помощью крюка-ножа.

Эцио осмотрел огнемет, изучая механизм. Основание орудия вращалось поворотом ручки на левой стороне огнемета. Пушка была изготовлена из латуни: дуло - в форме львиной головы; из пасти слегка выступала бронзовая трубка. На краю находился кремль, из которого с помощью спускового механизма выбивались искры. С помощью этого же механизма наружу из нагретого бака в основании пушки выпускались находящиеся под давлением эфирные пары.

От разрушенной башни из самой гущи боя донесся голос Юсуфа:

- Отлично! Сжечь корабли греческим огнем! Мне нравится ход твоих мыслей, Эцио!

По другую сторону Рога османская стража притащила две пушки, которые навели на ассасинов. Одновременно с этим Эцио развернул и навел огнемет на ближайшие корабли. Он увидел, как из дул пушек повалили клубы дыма, вслед за этим орудия громыхнули. Первое ядро упало в воду, окатив Эцио водой, но второе с грохотом обрушилось на пристань.

Пристань выдержала.

Эцио встал поудобнее и нажал на спуск. Из дула с ревом вырвался длинный язык пламени, Эцио направил его на палубы трех кораблей, стоявших между ним и доу Пири. Пламя мгновенно охватило суда. Эцио жал на гашетку, пока не закончились пары в баке, а потом, оставив орудие, перепрыгнул с причала на одну из барж. Пробежав по ней, он перескочил на первый из горящих кораблей, влез на палубу с помощью крюка-ножа и ловко увернулся от пары моряков, бросившихся к нему с оружием. С горящей палубы Эцио перебрался на фок-мачту и успел перескочить вниз, на следующий корабль за мгновение до того, как первый корабль затрещал и, охваченный пламенем, начал тонуть.

Второй корабль тоже полыхал и с минуты на минуту должен был погрузиться в воду. Эцио кинулся к носу, растолкав по пути паникующих моряков, пробежал по бушприту и перескочил на третий корабль. Пламя на нем уже потушили, и теперь моряки наводили пушки на красный доу, находящийся в двадцати ярдах от них. Ассасин увидел, как Пири

отдает приказ отплывать, и как матросы лихорадочно ставят паруса, надеясь поймать попутный ветер и уплыть с линии обстрела.

Эцио подозвал к себе ассасинов Братства, и, оглянувшись через плечо, увидел, что они уже собрались сзади, готовые к атаке.

Ассасины бесстрашно напали на моряков, и после кровавого и ожесточенного боя, в котором пало несколько их братьев, одержали верх над экипажем корабля. На красном доу Пири поднял вверх руку, приказывая остановить отплытие, и что-то крикнул Эцио, но голос его потонул в шуме.

Эцио, встав у борта, выстрелил из арбалета в сторону доу. Болт с привязанной к нему веревкой вонзился в мачту. Эцио с помощью крюка-ножа заскользил по веревке над бушующими водами залива.

Ассасины, оставшиеся на корабле противника, прокричали ему вслед пожелания удачи, после чего спустили на воду шлюпки и отплыли к берегу.

Эцио, пытавшийся отдышаться, отсалютовал им. Суставы у него малость ныли. Тут его окружили люди Пири, которые, осмотрев раны ассасина, проводили его в рубку, где уже ждал Пири.

- Ты вовремя, - проговорил Пири Рейс, ухмыляясь в бороду, впрочем, улыбка не скрывала его беспокойства.

- Да. Извини за задержку.

Матросы на носу уже поднимали якоря, и спустя мгновение доу, поймав ветер, медленно и беспрепятственно поплыл мимо горящих кораблей. Ветер, подгоняющий доу, перекидывал пламя на соседние корабли, которые стояли слишком близко друг к другу.

- К счастью, я стоял с наветренной стороны, - сказал Пири. - Я полагаю, ты все рассчитал заранее.

- Естественно, - подтвердил Эцио.

- Хорошо, - кивнул Пири, когда на горизонте исчезли Рог и Босфор, и развернул доу на юг. - Это будет интересная поездка.

* Удачи тебе в твоём деле (тур.)

ЧАСТЬ 2

*Я поднял взор, когда она взгремела,
И услышал, как сквозь отрадный гул
Далекое «Те Деум» долетело
И точно то же получалось тут,
Что слышали мы все неоднократно,
Когда стоят и под орган поют,
И пение то внятно, то невнятно.*

Данте, Божественная Комедия, Чистилище, Песнь девятая

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

В Мерсине Эцио пришлось покинуть турецкого адмирала. Море сверкало под лучами солнца.

- Пусть Аллах защитит тебя, друг мой, - произнес моряк.
- Спасибо, Пири Рейс.
- Я буду ждать твоего возвращения, но помни, что вечно я ждать не смогу.
- Я знаю.
- Не хочешь взять моих людей с собой?
- Нет... Даже лучше, что я поеду один.
- Тогда, по крайней мере, я подберу тебе коня. Так твой путь будет быстрее и безопаснее.
- Буду благодарен.
- Ты храбрец, Эцио Аудиторе, и достойный последователь великого Наставника, Альтаира.
- Для меня это большая честь, - Эцио оглядел пейзаж, и лицо его застыло. - Если я не вернусь через две луны...

Пири Рейс мрачно кивнул.

- Пусть Аллах направляет тебя, - сказал он, и мужчины на прощание пожали друг другу руки.

Две недели плавания сменились двумя неделями скачки. Сперва Эцио ехал параллельно Таврским горам, потом, передохнув в Нигде между Таврскими горами и горной цепью Мелендиз, он поскакал на север по низким бурым холмам к Деринкую. Именно там, как знал Эцио, расположилась армия Мануила Палеолога.

Эцио остановился в мрачной деревушке Надарим, недалеко от Деринкую. Грязная деревня резко контрастировала с живописными сельскими пейзажами. Когда незадолго до рассвета Эцио въехал туда, на улице было мало людей. Он проехал на центральную площадь, на которой стояла церковь.

В городе не было никаких признаков того, что там размещается армия. Оставив коня в конюшне, Эцио решил влезть на колокольню, чтобы лучше рассмотреть Деринкую.

Зорким взглядом осмотрев приземистые здания, Эцио заметил несколько шпилей, но признаков присутствия гарнизона по-прежнему не было.

Но он знал, что гарнизон был.

Эцио спустился на пустынную площадь и насторожился. Сперва он хотел поехать верхом, но теперь засомневался, будет ли это безопасно. Его подозрения оправдались, когда он заметил в тени церкви фигуру. Эцио подошел к ней.

Едва он приблизился, как на него кинулась с кинжалом девушка. Крепкая, гибкая, загорелая. И весьма злая.

- Не подходи, *adi herif!* - прорычала она.

Эцио поднял руки.

- Кого это ты назвала свиньей? - спокойно спросил он. В глазах девушки сверкнуло сомнение.

- Кто ты? Один из псов Мануила?

- Полегче. Меня прислал Тарик.

Поколебавшись, девушка опустила клинок.

- Кто ты?

- Эцио Аудиторе.

Она немного расслабилась.

- Принц известил нас, - кивнула она. - Мы слышали о смерти Тарика. Плохая новость, особенно когда он был так близко. Я Диляра, - добавила она. - Агент Тарика. Почему они прислали только тебя? Где остальные? Разве в *Konstantiniyye* не получали моих донесений?

- Меня хватит, - Эцио оглянулся. - А где твои люди?

Диляра сплюнул.

- Их схватили византийцы неделю назад. Я была одета рабыней и смогла сбежать, но остальные... - она замолчала, качая головой, а потом посмотрела на Эцио. - Ты умеешь сражаться?

- Думаю да.

- Когда будешь уверен, найди меня. Я буду в городе. Встретимся у западных ворот.

Она улыбнулась, оскалив зубы, и быстро, словно ящерица, убежала.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Эцио закрепил на левом запястье пистолет, а на правом - скрытый клинок, повесил пару дымовых шашек на пояс и убрал в сумку крюк-нож.

Через два часа он отыскал Диляру в назначенном месте. Запертые ворота, о которых она говорила, были огромными и окованными железом.

Девушка коротко поприветствовала его и без предисловий перешла к делу:

- Несколько дней назад в системе пещер под городом византийцы схватили моих людей. Я выяснила, что эти ворота охраняются хуже всего. Отсюда иногда выходят солдаты, но большую часть времени они пустуют.

- Значит, мы проникнем внутрь, освободим твоих людей и выведем их оттуда?

- Верно...

Эцио на проверку толкнул дверь. Она не сдвинулась с места. Он повернулся к Диляре и разочарованно улыбнулся, чувствуя себя растерянным.

- Я не закончила: когда ты откроешь их изнутри, - сухо добавила Диляра.

- Ну, разумеется.

- Пойдем.

Она провела его к другим воротам, представлявшим собой камень, который перегораживал дорогу, уходящую в пещеры. Вскоре камень повернулся, и из прохода вышли солдаты, заступающие в патруль.

- Это главный вход, у подножия холма. Но он хорошо охраняется.

- Жди здесь, - сказал Эцио.

- А ты куда?

- Мне нужно осмотреться.

- Тогда тебе понадобится помощь.

- Зачем?

- Это лабиринт. Видишь те башни?

- Да.

- Это специальные мельницы, подающие воздух в подземелье. И акведуки. В городе одиннадцать уровней, он тянется на триста футов вниз.

- Я справлюсь.

- А ты самоуверен.

- Нет. Я осторожен. И я готов. Я знаю, что этот город полторы тысячи лет назад построили фригийцы, и немного знаком с географией этого места.

- Тогда ты знаешь, что находится там: на самом дне - подземная река, над которой размещаются десять уровней города. Церкви, школы, лавки, склады, конюшни, и жилье для пятидесяти тысяч человек.

- Он достаточно велик, чтобы спрятать в нем гарнизон.

Диляра посмотрел на него.

- Тебе понадобится проводник.

- Найду кого-нибудь там.

- Тогда иди, - согласилась она. - Но поспеши. Когда патруль вернется, они снова закроют врата. Если повезет, ты проникнешь туда с повозками. Я буду ждать у западных врат.

Эцио кивнул и бесшумно ушел.

Смешавшись с византийцами, которых совсем не радовало присутствие военных в городе, Эцио легко прошел через ворота, шагая рядом с повозкой, запряженной волами.

Желтовато-бежевые стены из мягкого вулканического камня освещали факелы. Воздух в тоннеле был свежим. Улицы подземного города (если можно было назвать улицами широкие грязные коридоры), переполняли солдаты и горожане, спешившие, расталкивая друг друга, по своим делам. Эцио, следуя за людским потоком, спускался все глубже в недра подземного города.

На втором уровне коридор вывел Эцио в просторный зал со сводчатым потолком. Стены зала покрывали выцветшие фрески. Пройдя по галерее, Эцио посмотрел вниз на людей,

стоявших двадцатью футами ниже. Акустика здесь была хорошая, и Эцио с легкостью услышал, о чем говорят двое мужчин.

Ассасин сразу узнал и дородную фигуру Мануила Палеолога, и худощавого Шах-Кулу. Рядом с ними навтыжку замерли солдаты. Сверху Эцио увидел и широкий тоннель, уходящий на запад, возможно, к западным воротам, которые показала ему Диляра.

- Когда мои солдаты смогут стрелять из этих ружей? - спросил Мануил.

- В лучшем случае через пару недель, - отозвался суровый туркмен.

Мануил задумался.

- Янычарам наверняка уже известно, что я их предал. Они смогут отомстить?

- Сомневаюсь. Война султана с Селимом занимает все их внимание.

Мануил рассмеялся, но смех скоро перешел в надрывный кашель.

- Хах! - выдохнул он. - Что это за вонь? Мельницы не работают?

- Извини, Мануил. Наверное, ветер изменился. Османы, которых мы поймали несколько недель назад, оказались такими... хрупкими. Нужно было куда-то их убрать после несчастного... случая.

Мануил выглядел удивленным и взволнованным.

- Шах-Кулу, постарайся умерить свою ярость. Я знаю, что султан обижал твой народ, но это не повод унижать тех, кто ниже нас.

- Он унижал мой народ! - крикнул Шах-Кулу. - Он пытался раздавить нас, как тараканов! Именно поэтому я перешел к персидскому Исмаилу и взял имя Шах-Кулу - слуга шаха. И под этим именем я одержу победу над сельджуками, которые напали на Туркмению, и над теми из нас, кто переметнулся к сефевидам и принял закон шиитов.

- Конечно, конечно, но хотя бы избавься от доказательств, - посоветовал Мануил и ушел, прижав к носу надушенный платок.

Шах-Кулу угрюмо посмотрел ему вслед, потом щелкнул пальцами, подзывая телохранителей.

- Вы трое - соберите трупы и бросьте в навозную яму у западных ворот.

Сержант нервно сглотнул.

- Шах-Кулу, у меня нет ключа от западных ворот, - пробормотал он.

Шах-Кулу взорвался от ярости.

- Тогда найди его, идиот! - проревел он и удалился.

Оставшись одни, стражники переглянулись.

- И где нам найти ключ? - раздраженно спросил офицер. Он ненавидел, когда его позорят перед подчиненными, и терпеть не мог, когда над ним насмехались.

- Думаю, он у Николоса, - ответил солдат. - Он сегодня в увольнительной.

- Значит он на базаре, на третьем уровне, - вспомнил другой.

- Набивает брюхо! - проворчал первый. - *Hriste mou!* Как бы я хотел проткнуть Шах-Кулу копьем!

- Эй, эй! - перебил их офицер. - Держи это при себе, *edaxi?*

Эцио едва расслышал последние слова. Он уже был на пути к рынку, располагавшемуся на уровень ниже.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Если не считать того, что городской рынок находился глубоко под землей, он ничем не отличался от тех, что располагались наверху. Здесь торговали мясом, овощами и специями - тяжелый густой запах висел над рынком, - одеждой и обувью - всем, что могло понадобиться людям. Так же здесь были таверны и винные магазины. Возле одного из них на открытой площадке дрались пьяницы. Рядом на стуле элегантно сидела светлокожая шлюха - костлявая женщина, которая явно наслаждалась зрелищем.

Вокруг дерущихся сформировался круг из зевак, подбадривающих бойцов криками. Эцио подошел ближе.

- Врежь ему!

- Бей!

- Убей ублюдка!

- Это все на что ты способен?

- Крови! Крови!

- Переломай ему руки!

Среди зевак, большая часть которых была так же пьяна, как дерущиеся, был толстый, краснолицый солдат с растрепанной бородой и скошенным подбородком. Держа в руках бурдюк с вином, он одобрительно кричал бойцам. Эцио заметил у него на поясе развязанный кошелек, из которого торчал кончик большого железного ключа. Ассасин оглянулся и увидел, что через рынок с противоположной стороны к площади приближаются трое знакомых ему солдат.

Не теряя времени, Эцио подкрался к толстому солдату и выхватил ключ за мгновение до того, как солдата окликнули по имени.

«Николосу придется многое объяснить», - подумал Эцио, поднимаясь обратно на второй уровень, а оттуда по тоннелю, из которого исходило зловоние. Тоннелю, который вел к западным воротам.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

- Ты не спешил, - сердито прошипела Диляра, когда Эцио открыл ворота и впустил ее внутрь.

- Пожалуйста, - мрачно огрызнулся Эцио.

Как он и ожидал, Диляру чуть не вырвало.

- *Aman Allahim!* - воскликнула она, закрывая лицо рукой. - Что это?

Эцио отступил в сторону и молча указал на кучу мертвых тел, брошенных в нише у ворот.

- В плен взяли не всех.

Диляра бросилась к куче, но остановилась.

- Бедняги! Храни их Аллах!

Плечи ее опустились, девушка явно упала духом. Маска ожесточенности спала с нее, и теперь девушка казалась более человеческой.

- Это сделал туркменский отступник Шах-Кулу, - вздохнула она.

Эцио кивнул.

- Я убью его! - крикнула девушка и сорвалась с места.

- Подожди! - попытался остановить ее Эцио, но было поздно. Девушка убежала.

Эцио последовал за ней и вскоре отыскал в безлюдном уголке города, откуда открывался вид на небольшую городскую площадь. Эцио осторожно приблизился. Диляра стояла спиной к нему, смотря на что-то происходящее на площади. Эцио пока что не видел, на что именно.

- Помощи от тебя немного, - проговорил он, подходя ближе.

- Я здесь, чтобы спасти своих людей, - холодно ответила она, повернувшись. - А не для того, чтобы заводить друзей.

- Не обязательно быть друзьями, чтобы помогать друг другу, - приблизившись, вздохнул Эцио. - Но это бы помогло мне узнать, где твои люди, и я бы смог помочь тебе.

Снизу донесся чудовищный крик, и Эцио встал рядом с агентом Тарика. Лицо у девушки было мрачным.

- Они здесь, - указывая вниз, проговорила она.

Эцио посмотрел, туда, куда она указывала, и увидел, что на площади, прямо на земле, сидят пойманные османы со связанными руками. На глазах Дилары и Эцио византийцы толкнули одного из заключенных на землю. Рядом стояла импровизированная виселица, на которой уже висел турок, руки которого были связаны за спиной. Рядом с виселицей стоял Шах-Кулу, легко узнаваемый даже в маске палача. Когда туркмен стал избивать пленника, тот закричал.

- Это Янос, - сообщила Диляра. - Мы должны ему помочь!

Эцио внимательно осмотрел на происходящее.

- У меня есть пистолет, но я не смогу им воспользоваться, - сказал он. - Эту броню пули не пробьют. - Он помолчал. - Мне нужно подойти ближе.

- Времени мало. Это не вопрос. Шах-Кулу замучает Яноса до смерти. А потом следующего. И следующего...

Диляра вздрагивала при каждом крике, каждом звуке удара, доносившемся снизу.

Эцио услышал смех и издевки людей Шах-Кулу.

- Думаю, я знаю, что нам делать, - выдохнул Эцио, срывая с пояса дымовую бомбу. - Когда я ее брошу, забеги с правой стороны и попытайся освободить своих людей под прикрытием дыма.

Она кивнула.

- А Шах-Кулу?

- Предоставь его мне.

- Убедись, что прикончил его.

Эцио сорвал чеку с бомбы, дождался, пока от нее повалит дым и, тщательно прицелившись, кинул в сторону виселицы. Византийцы полагали, что поймали всех повстанцев и не ожидали нападения. Бомба застала их врасплох.

В поднявшейся суматохе Эцио и Диляра спустились по склону на площадь и разбежались в разные стороны. Эцио сбил с ног ближайшего византийца и разбил тому челюсть защитной пластиной на левом запястье. Потом, выхватив скрытый клинок, ассасин бросился на Шах-Кулу, который, обнажив тяжелую саблю, стоял на месте. Он вращал оружие в руке, не зная, откуда последует атака. Когда Шах-Кулу отвлекся, Эцио прыгнул вперед и вонзил клинок в щель между броней и металлической маской. Лезвие вошло в челюсть туркмена, темная кровь хлынула по руке Эцио.

Шах-Кулу упал. Эцио, вцепившийся в него, тоже повалился на землю, но потом встал рядом с противником на колени. Туркмен закрыл глаза.

- Те, кто наслаждается убийством, не заслуживают жалости, - прошептал Эцио, склонившись к уху Шах-Кулу.

Глаза туркмена широко распахнулись, в них вспыхнул огонек безумия. Рука в тяжелой перчатке схватила Эцио за горло и крепко сжала. Шах-Кулу безумно рассмеялся. Кровь еще сильнее хлынула у него из раны, Эцио глубже вонзил клинок и без жалости провернул. В последнем спазме Шах-Кулу отшвырнул от себя Эцио, ассасин упал на пыльную мостовую. Спина Шах-Кулу изогнулась в агонии, из горла вырвались хрипы, и он упал без движения.

Эцио поднялся, вытер клинок о плащ Шах-Кулу. Диляра уже успела освободить часть своих людей. Эцио увидел, как она перекатилась в сторону, уходя от удара последнего оставшегося в живых византийца, свалила противника с ног и резким движением перерезала ему горло. Словно кошка, отскочив в сторону, она повернулась к спасенным повстанцам.

Эцио пнул тело Шах-Кулу, чтобы убедиться, что на этот раз он действительно мертв. Диляра помогала своим людям подняться.

- Спасибо, Диляра, - сказал Янос, когда Диляра перерезала веревку, на которой его повесили.

- Ты сможешь идти?

- Думаю, что да.

Эцио подошел к ним.

- Это твои люди привезли Мануилу оружие?

Девушка кивнула.

- Тогда его нужно уничтожить.

Она снова кивнула.

- Большая часть сломана. Но порох настоящий, тут мы не могли обмануть.

- Хорошо, - отозвался Эцио и посмотрел на собравшихся вокруг турков. – Спрячьтесь, пока не услышите взрывы, а потом бегите!

- Взрывы? - переспросила Диляра. – Тогда здесь будет сущий ад. Весь город охватит паника.

- На это я и рассчитываю, - согласился Эцио. - Взрывы уничтожат все оружие, что есть у Мануила, а поднявшаяся паника сыграет нам на руку.

Диляра признала его правоту.

- Хорошо. Я отведу своих людей в безопасное место. А куда пойдешь ты?

- Когда взрывы стихнут, я отправлюсь за Мануилом Палеологом.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

В подземном городе были огромные хранилища - рукотворные пещеры, где армия Мануила хранила порох и оружие. Поэтому над городом протянулась система блоков, шкивов и веревок, используемая для транспортировки пороховых бочек из одного места в другое. Эцио увидел ее с галереи на пятом уровне. Группа простых византийцев под присмотром солдат Мануила как раз собиралась поднять бочку наверх. Это был превосходный шанс, и Эцио поблагодарил Бога за то, что солдаты были расслаблены. Очевидно, они были уверены в своей безопасности. Эцио же скрылся с площади раньше, чем кто-то нашел тела Шах-Кулу и его людей.

Сменив скрытый клинок на крюк-нож и перезарядив пистолет, ассасин затерялся в толпе рабочих. Он понаблюдал, как бочка с порохом спускается по канату натянутому между двумя столбами с закрепленными на них шкивами и блоками. Вокруг стояли друг на друге сотни бочек, а вдоль стен были расставлены деревянные ящики с ружьями.

- Спокойней! Спокойней! - кричал надзиратель. - Это порох, а не мука!

- Да понял! - отозвался мужчина, крутивший лебедку.

Эцио осмотрел людей, продумывая план. Если бы ему удалось взорвать порох так, чтобы цепная реакция разнесла еще и три хранилища ...

Это бы сработало.

Смешавшись с рабочими, он прошел из зала в зал, прислушиваясь к чужим разговорам. Вскоре он выяснил, что не все византийцы законченные негодяи. Ими были те, чье самомнение было слишком велико, кто был жаден до власти, те, кто был виноват во всех бедах.

- Могло быть и хуже, - сказала какая-то женщина своему собеседнику, молодому парню.

- Хуже? Куда еще хуже?

- Лучше тюрбан турка, чем тиара Папы. По крайней мере, турки уважают православную Церковь.

- Ш-ш-ш! Если кто-то тебя услышит!.. - предупредила другая женщина.

- Она сошла с ума! - в первую женщину ткнул пальцем мужчина. - Только послушай себя!

- Да, я сумасшедшая. И если вам нравится жить как рабы, как крысы - под землей, отлично!

Мужчина задумался.

- Да, но я не хочу воевать. Я хочу просто прокормить свою семью.

К ним подошел солдат в униформе византийского тамплиера и, не став выдавать заговорщиков, согласился:

- Никто не хочет войны, друг, но что мы можем сделать? Посмотри на нас! Как мы живем! Турки захватили нашу землю. Думаете, мы должны сдаться без борьбы?

- Нет-нет, - отозвался первый. - Просто... Не знаю. Я устал от всего этого. Мы все уже устали бороться.

Аминь, подумал Эцио, проскользнув между двумя бочками двадцати футов в высоту.

Оставшись один, ассасин саблей пробил бочку на уровне земли и наполнил посыпавшимся порошком кожаный мешок. Потом он сделал дорожку из пороха между бочками во втором зале, а после и в третьем, и так, пока не добрался до дверей. Спрятавшись там, Эцио дождался, пока рабочие разойдутся.

Вскоре остались только стражники.

Эцио убедился, что его убежище в нескольких ярдах от ворот надежно, достал пистолет и выстрелил в ближайшую бочку. А потом вскочил и побежал.

Колоссальная серия взрывов до основания потрясла подземный город, словно землетрясение. За спиной Эцио сыпался и обваливался потолок. Куда ни глянь, в городе были дым, пыль, камни и хаос.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Эцио добрался до огромного зала на втором уровне одновременно с Мануилом, который шел в сопровождении отряда. Эцио спрятался за колонной и замер, наблюдая. Ассасин собирался уже вечером покончить со всеми делами здесь. И тут Эцио заметил, что Мануил держит в руках последний ключ из Масиафа - тот самый, который тамплиеры нашли под дворцом Топкапи. Если ключ у него, подумал Эцио, значит, будущий император Византии собирается бежать.

- Что происходит? - взревел Мануил яростно и испуганно.

- Саботаж, Мануил! - пояснил тамплиер, стоявший по правую руку от Палеолога. - Идите в укрытие.

Толпа кричала, испуганные люди сломя голову бежали по коридору. Эцио увидел, как Мануил прячет ключ в сумку, перекинутую через плечо, и отталкивает в сторону тамплиера.

- Прочь с дороги! - отрезал он.

Взобравшись на подиум, он обратился к толпе. Эцио смешался с людьми и медленно двинулся через толпу к Мануилу.

- Граждане! - громко провозгласил Мануил. - Солдаты! Соберитесь! Не поддавайтесь страху! Мы - истинные хозяева Константинополя. Мы хозяева этой земли. Мы византийцы! - Он замолчал для пущего эффекта, но, вопреки его ожиданиям, никто не захлопал. Мануил продолжил: - *Kourayo!* Держитесь! Не отступайте! Пусть никто не сломит вашего...

Он осекся, заметив Эцио. Должно быть, некое шестое чувство подсказало ему посмотреть в ту сторону. Мануил выругался, ловко соскочил с подиума и поспешил к выходу из зала, подзывая телохранителей:

- Остановите его! Высокого человека в капюшоне! Убейте его!

Эцио, протолкавшись через растерянную толпу, бросился в погоню за Мануилом, уворачиваясь от ударов и сбивая с ног тамплиеров. Наконец солдаты остались далеко позади, и Эцио рискнул обернуться. Солдаты были так же растеряны, как и горожане, и смотрели куда угодно, только не в ту сторону, куда ускользнул ассасин. Кто-то кричал, слышались приказы, а кто-то бросился бежать, пока не схватили их самих. Мануил бежал слишком быстро, чтобы кто-то из его людей сумел бы его догнать. Только Эцио видел, куда он помчался.

Для толстяка Мануил бежал просто невероятно быстро. Эцио бросился по длинному, тускло-освещенному коридору, остановившись только чтобы убедиться, что цель никуда не свернула. И тут ассасин увидел мелькнувшие впереди шелковые одежды Мануила, который карабкался по узкой каменной лестнице, вырубленной в скале. Человек мечтавший стать правителем, бежал, оружие было уничтожено, а армию охватил хаос.

Эцио кинулся следом.

Наконец ассасин загнал противника в угол - в пустой дом, вырезанный прямо в скале, на первом уровне. Мануил повернулся к нему, и на его пухлых губах заиграла улыбка.

- Ты пришел за ключом? - спросил он. - Так? Явился, чтобы отнять у нас два года усилий, которые у нас ушли на восстановление того, что бросили ассасины?

Эцио не ответил, только прищурил глаза. Никто не знает, что еще припасено в рукаве этого человека.

- Ты ведешь бесполезную борьбу, ассасин! - продолжал Мануил с отчаянием в голосе. - Наши ряды растут, влияние расширяется! Мы находимся на виду, и в то же время невидимы!

Эцио сделал шаг вперед.

- Остановись и задумайся на минутку, - Мануил поднял украшенные перстнями руки. - Подумай о жизнях, которые ты забрал сегодня, о хаосе, который посеял! Ты! Ты использовал несчастных людей, преследуя собственные интересы! Но мы сражаемся за правду, ассасин! Мы хотим вернуть мир этой многострадальной земле.

- Тамплиеры любят говорить о мире, - наконец ответил Эцио, - но неохотно отказываются от власти.

Мануил пренебрежительно отмахнулся.

- Власть несет мир. Глупец! Иначе быть не может! Эти люди погибнут без твердой руки, что направит их и укажет им на их место!

Эцио улыбнулся.

- Я думаю, что ты чудовище. Готовься к смерти.

Мануил посмотрел ему в глаза, и Эцио с тревогой увидел, что тот смирился со своей судьбой. В толстой, щегольско одетой фигуре, обвешанной драгоценностями, было достоинство. Эцио обнажил меч и вонзил его глубоко в грудь Мануала, готовясь подхватить тело и опустить на землю. Но Мануил не упал. Он ухватился за спинку каменной скамьи и спокойно посмотрел на Эцио. Когда он заговорил, голос у него звучал устало.

- Я должен был стать приемником Константина. У меня было много планов. Знаешь, сколько я ждал?

- Твоя мечта умрет вместе с тобой, Мануил. Твоя империя пала.

Даже кривясь от боли, Мануил умудрился выдать смешок.

- Да, но не только я мечтаю об этом, ассасин. Весь наш орден живет одной мечтой. Османы, византийцы... Это только ярлыки, костюмы, маски. Под этой шелухой тамплиеры - одна семья.

Эцио начал терять терпение, времени оставалось мало.

- Хватит болтать. Я пришел за ключом Масиафа.

Он наклонился и взял сумку Мануила, все еще висевшую у того через плечо. Мануил сейчас выглядел гораздо старше своих пятидесяти восьми лет.

- Забирай, - болезненно прохрипел он. - Забирай и отправляйся навстречу судьбе. И не удивляйся, если в сотни лиг от Масиафа кто-то из нас прикончит тебя.

Тело Мануила напряглось, он вытянул руки, словно бродил во сне, а потом беззвучно упал в темноту.

Эцио мгновение смотрел на его тело, думая о чем-то своем, потом обыскал сумку Мануила. Он ничего не взял кроме ключа, который переложил к себе в карман, после чего бросил сумку Мануила на его тело.

И ушел.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Верхние уровни подземного города были оцеплены тамплиерами и византийскими солдатами, преданными своему командованию. Люди не знали, что произойдет дальше. Эцио не знал, как скоро обнаружат тело Мануила, и решил, что лучший - и единственный - способ спасения: уйти рекой, которая текла по нижнему, одиннадцатому уровню.

На нижних уровнях Деринкую царил ад. Подземные улицы заполнял дым, огонь перекинулся как вверх, так и вниз от складов, которые взорвал Эцио. Обвалившийся потолок заблокировал многие тоннели, и Эцио пришлось идти в обход. Несколько раз он видел торчавшие из-под обломков конечности погребенных под завалами людей. Он безуспешно пытался абстрагироваться от последствий своих действий. Солдаты и горожане, словно в оцепенении, шли куда-то, замотав лица шарфами и платками так, что были видны только глаза. Эцио и сам с трудом дышал. Он упорно шел вниз по коридорам и лестницам, вырезанным в скале, пока не добрался до нижних уровней.

Здесь было значительно чище. Уже на девятом уровне Эцио ощутил в воздухе затхлый запах воды.

Из-за смятения и беспорядков, поднявшихся в городе из-за взрывов, Эцио беспрепятственно прошел через город, и теперь в одиночестве стоял на пристани возле искусственного подземного озера. Далеко на южной стороне Эцио разглядел отблеск света. Именно там река, берущая свое начало из озера, выходила на поверхность далеко от Деринкую. Но у Эцио не было времени как следует обдумать этот факт, потому что он заметил у соседнего причала плот, на котором стояли около полудюжины византийцев. Но привлек внимание ассасина вовсе не взвод солдат, а их пассажир. Элегантно одетый мужчина с бородатым лицом, стоявший на палубе.

Принц Ахмет Осман.

Ахмет тоже заметил Эцио и приказал гребцам подплыть к нему. Когда плот поравнялся с ассасином, Ахмет насмешливо произнес:

- Бедный Мануил. Последний из Палеологов.

Эцио был слишком удивлен, чтобы произнести хоть слово, только спустя мгновение он ответил:

- Новости разносятся быстро.

- Не только у ассасинов есть шпионы, - пожал плечами Ахмет. - Не стоило ставить его во главе экспедиции в Масиаф. Он был слишком надменным и своевольным.

- Ты разочаровал меня, Ахмет. Почему тамплиеры?

- Эцио... - или я должен и дальше продолжать называть тебя Марчелло? - я устал от бессмысленного кровопролития, когда отец идет против сына, а брат против брата. Чтобы обрести истинный мир, человечество должно думать и двигаться, как единое целое под властью высшего разума. - Он помолчал. - Тайны Великого Храма приведут нас к цели. Альтаир укажет нам путь.

- Ты обманываешь себя! Секреты Альтаира не для вас! Вы никогда не найдете Великий Храм!

- Увидим.

Эцио заметил, что Ахмет смотрит ему за спину, и, повернувшись, увидел отряд византийцев, окруживших его.

- В любом случае я не собираюсь спорить, ассасин. Я пришел за ключами Масиафа.

Эцио усмехнулся и, достав ключ, который совсем недавно забрал у Мануила, поднял его вверх.

- Хочешь сказать, он не единственный?

- Вроде бы нет, - учтиво отозвался Ахмет. - Возможно, мне следует расспросить о них кого-то более информированного? Например, Софию Сартор. Я правильно произношу ее имя?

Эцио встревожился, хоть и постарался не подавать виду.

- Она ничего не знает! Не тронь ее!

Ахмет улыбнулся.

- Посмотрим.

Он жестом приказал гребцам плыть дальше.

- Если прикоснешься к ней, я убью тебя.

- Попробуй, мой дорогой Эцио. Но сомневаюсь, что у тебя получится. - Ахмет повысил голос, обращаясь к своим людям: - Убейте его и заберите ключ. И немедленно доставьте его мне.

- Не останешься, чтобы посмотреть на представление? - холодно поинтересовался Эцио.

- Я очень люблю свою жизнь. Мне известна твоя репутация, и я видел, что ты натворил сегодня. Загнанный в угол ты наверняка опаснее в два раза. Тем более, что я ненавижу насилие.

Плот уплыл, оставив Эцио один на один с отрядом византийцев. Он прикинул свои возможности.

Никаких вариантов.

Он стоял на краю причала, отступить было некуда, а вплавь он бы не осилил путь. Противников было около тридцати, некоторые были вооружены мушкетами, избежавшими уничтожения при взрыве. К Эцио подошел капитан отряда.

- Отдай нам ключ, *kyrie*, - издевательски проговорил он. - У тебя нет выбора.

Мушкетеры вскинули оружие.

Эцио посмотрел на них. На этот раз он проиграл. У него был пистолет, в котором было две пули, скрытый клинок и сабля. Но если он сделает хоть одно резкое движение, мушкетеры его расстреляют. А возможно, они выстрелят в любом случае. Это был бы самый простой способ заполучить ключ. Или, возможно, ему удастся бросить ключ в реку. Эцио мог только молиться, чтобы Юсуф уберег остальные четыре ключа от тамплиеров, и что Софию минует беда, потому что он, в целях безопасности, скрывал ото всех, где она живет.

Но он явно был недостаточно осторожен.

Что ж, все дороги где-то заканчиваются.

Капитан поднял руку, пальцы мушкетеров легли на курки.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Мушкетеры выстрелили. Эцио плашмя бросился на причал.

Стрелы обрушились на византийцев словно дождь. В считанные секунды все солдаты принца Ахмета лежали мертвыми.

Одна из пуль опалила капюшон Эцио, но в целом он не пострадал. Ассасин поблагодарил Бога за то, что с возрастом не утратил реакции. Поднявшись, он увидел на другом конце причала Диляру. По лестнице за ее спиной спускались ее люди. Они подошли к византийцам, добывая раненых и убеждаясь, что все мертвы.

- Тебя ни на минуту нельзя оставить одного, - улыбнулась Диляра.

- Похоже на то, - не стал спорить Эцио. - Спасибо.

- Нашел то, за чем пришел?

- Да.

- Тогда нам лучше вывести тебя отсюда. Ты наделал много шума.

- Верно.

Девушка покачала головой.

- У них уйдут годы на то, чтоб все восстановить. Если получится. Но византийцев осталось еще предостаточно, чтобы они убили тебя, если найдут. Пошли!

Она пошла к лестнице.

- Подожди! Не лучше будет взять лодку?

- Ты сошел с ума? Они будут ждать тебя на поверхности. Это узкое ущелье. Тебя бы убили мгновенно, а я не хочу, чтобы мои усилия пошли прахом.

Эцио послушно пошел следом за ней.

Они поднялись на несколько уровней вверх и извилистыми улицами пошли на юг. Хотя дым несколько рассеялся, люди были слишком заняты тушением пожаров, чтобы обращать внимание на Эцио и Диляру. Девушка шла быстро, и довольно скоро они добрались до врат, похожих на западные. Диляра достала ключ и открыла деревянные двери.

- Я впечатлен, - покачал головой Эцио.

- Должен быть. Скажи нашим в *Konstantiniyye*, что они могут расслабиться, их люди здесь хорошо справляются со своей работой.

Эцио прищурился от яркого солнечного света, хлынувшего через открытые двери. Ему показалось, что после полумрака подземелий он ослеп. Но потом он разглядел извилистую дорогу, уводившую на юг, к неприветливой деревушке Надарим.

- Твой конь уже оседлан. Его накормили и напоили. Еда и вода в седельных сумках. Можешь без опаски забирать коня из конюшен. Деревню освободили, и жители уже начали белить здания - видит Аллах, это просто необходимо для того, чтоб их подбодрить. Теперь деревня свободна от захватчиков, - сообщила Диляра, триумфально улыбаясь. - А теперь проваливай отсюда. Скоро Ахмет узнает о случившемся. Конечно, сам он не посмеет вернуться, но можешь быть уверен, он пошлет кого-нибудь за тобой.

- У него еще остались люди?

Диляра едва заметно, но все же улыбнулась.

- Иди же, иди. Ты должен добраться до Нигде через неделю. Вернешься в Мерсину к полнолунию, если тебя не прибудут по дороге.

- Точно по плану.

- Поздравляю.

- А ты?

- Работа здесь еще не закончена. В любом случае, до приказа из *Konstantiniyye* мы не уйдем. Передай привет Тарику.

Эцио молча посмотрел на нее и кивнул.

- Я скажу всем в Блистательной Порте, скольким они тебе обязаны.

- Обязательно скажи. Ну, я пошла к своим людям. Между прочим, твой маленький фейерверк разрушил наше убежище.

Эцио хотел сказать еще кое-что, но девушка уже ушла.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Обратный путь до побережья Эцио проделал быстро и без осложнений.

- Ты рано, - сказал Пири Рейс, когда Эцио взбежал по трапу доу.
- И это хорошо. Мы как можно скорее должны вернуться в Konstantiniyye.
- Ты достал пятый ключ?

Эцио улыбнулся и похлопал по сумке.

- Хорошо, - с улыбкой отозвался Пири. - А что Мануил?
 - Он нас больше не беспокоит.
 - Еще лучше. С такой скоростью люди будут считать тебя кем-то вроде рыцаря.
 - Битва еще не закончена. Нам нужно спешить.
 - Нам нужно дождаться попутного ветра и запастись провизией. Займемся этим, пока будем ждать, когда вернется команда, - Пири обернулся и подозвал к себе шкипера. - Мы не ожидали, что ты так быстро вернешься из Деринкую.
 - Мне повезло, что у меня там были необычайно хорошие помощники.
 - Я слышал о главе агентов, присланных сюда из Блистательной Порты. Ее репутация бежит впереди нее, - согласился Пири.
 - Тогда мне стоит поблагодарить Османского султана.
 - Баязид создал в Блистательной Порте идеальный аппарат управления. И, к счастью, он продолжает работать даже во время склок в семье султана.
 - Кстати о них, думаю, нам следует следить за Ахметом, - тихо прошептал Эцио. - Я выяснил, что у него в друзьях очень... неприятные люди.
 - Ассасинам не следует вмешиваться в дела Османской империи.
 - Благодаря друзьям Ахмета, эти дела стали и нашими.
- Пири приподнял бровь, но больше не сказал ни слова.
- Твоя каюта готова, - сообщил он. - Думаю, ты не откажешься отдохнуть, пока мы не отправились в путь.

Оставшись в одиночестве, Эцио снял с себя экипировку, почистил и наточил оружие. Потом запер дверь каюты, достал пятый ключ и, положив его на складной стол, сел. Ему было любопытно, явятся ли ему на этот раз видения. Он хотел узнать, что еще Альтаир передал через века, тем более он не был уверен, получили ли мистическое откровение тамплиеры, отыскавшие ключ первыми. Какие знания он мог им открыть? Или же ключ обладал способностью самостоятельно решать, когда открывать тайны, а когда хранить молчание?

Не мог перестать думать Эцио и о Софии. Он с нетерпением ждал возвращения в Константинополь, чтобы защитить Софию и убедиться в том, что остальные ключи в безопасности. Но здесь и сейчас он посоветовал себе запастись терпением, потому что корабль (и сам Эцио) полностью зависели от милости ветра и моря.

Ключ выглядел так же, как остальные. Он совпадал и по диаметру, и по пропорциям, и так же был украшен странными, непонятными символами и аккуратными загадочными выемками. Взяв себя в руки, Эцио коснулся ключа, который оправдал его ожидания. Эцио показалось, что каюта погрузилась в непроглядный мрак, и единственным источником света в нем служил обсидиановый диск, сияние которого становилось все ярче и ярче...

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Будучи простым наблюдателем, Эцио не участвовал в происходящем, поэтому неведомым образом ощутил, что с момента предыдущего видения прошло десять лет. Постепенно он полностью растворился в разворачивающихся перед ним событиях.

На залитом солнцем дворе крепости Масиафа стояли под раскидистым коричневым деревом люди.

Альтаир был так закутан в одежды, что были видны только худое лицо и длинные бледные руки. Кожа у него была тонкой, словно лист бумаги. Рядом с ним стояли два коренастых венецианца около тридцати лет. У старшего из них на рукаве был вышит герб - синий щит, внутри которого на желтом фоне размещался кувшин. Над кувшином в ряд были вышиты три пятиконечные звезды. Венчал щит на гербе серебряный шлем. Позади венецианцев собрались ассасины, готовые к битве.

Наставник дружески коснулся руки старшего из венецианцев. Движения Альтаира были по-старчески осторожны и точны, но в них не было и намека на слабость, которую можно было ожидать от человека в возрасте девяноста одного года. Особенно от того, кто столь много пережил в жизни.

- Никколо, - сказал Альтаир. - Мы мало времени провели вместе. Но я уверен, что Кодекс, который я передаю вам, ответит на многие твои вопросы, которые ты так и не задал.

Альтаир сделал знак своему помощнику, который вышел вперед и протянул Никколо Поло книгу в кожаном переплете.

- Альтаир, - произнес итальянец. - Этот дар... бесценен. *Grazie*.

Альтаир кивнул в знак благодарности. Помощник вручил Наставнику небольшую сумку.

- Что ж, - сказал Альтаир, повернувшись к старшему из братьев Поло, - куда вы отправитесь дальше?

- Сперва Маффео и я вернемся в Константинополь. Перед возвращением в Венецию мы собираемся создать там гильдию.

Альтаир улыбнулся.

- Твой сын Марко будет в восторге от папиных историй.

- Ему три года, он пока маловат для таких историй. Но со временем, *si*.

Во внутренний двор вбежал Дарим и незамедлительно направился к Альтаиру.

- Отец! Передовой отряд монголов Хулагу прорвался! Они в деревне!

Уже? Альтаир напрягся. Когда он снова заговорил, голос у него дрожал от нетерпения.

- Никколо, ваш груз и провиант уже ждут у деревенских ворот. Мы проводим вас. Нужно спешить.

- Благодарю, Наставник.

Ассасины уже были готовы к бою. К Альтаиру подошли двое его людей.

- Подготовьте катапульты, - приказал он, - и ждите моего сигнала.

Они кивнули и побежали выполнять приказ.

- Стойте тут, - посоветовал Альтаир братьям Поло.

- Мы должны немедленно отправиться в деревню, отец, - сказал Дарим. - Думаю, тебе лучше остаться с Никколо и Маффео. Я расчищу вам путь.

- Будь осторожен, Дарим. И следи за требушетами, - Альтаир посмотрел вверх, где ассасины уже разместили массивные катапульты.

Дарим улыбнулся.

- Если они попадут в меня, монголы сметут их.

- Хулагу-хан не тот враг, с которым стоит шутить.

- Мы справимся.

Альтаир повернулся к гостям.

- Пойдем, - сказал он.

Оседлав лошадей, они спокойно выехали из крепости, стороной объезжая сражение, развернувшееся на ближайших склонах.

- Вы сдержите их? - спросил Никколо, не в силах скрыть волнение в голосе.

- Мы будем сдерживать их столько, сколько понадобится, - успокоил его Альтаир. - Я завидую вам, - продолжил он. - Византинум прекрасный город.

Никколо неуверенно улыбнулся, в полной мере осознавая опасность, которой они подверглись. Он и раньше попадал в безвыходные ситуации и знал, что Альтаир пытается показать, что все не так уж и плохо. Никколо поддержал игру:

- Вижу, вы предпочитаете древнее название. Вы были там?

- Давным-давно. Когда венецианцы отвлекли внимание крестоносцев-франков, напав не на Иерусалим, а на Византинум.

- В те годы Константинополь был главным торговым конкурентом Венеции. Это был великий переворот.

- Он открыл для Европы сотни путей на Восток.

- Монголы никогда не добирались так далеко, - вспомнил Никколо, голос у него дрогнул.

Альтаир пропустил его слова, вместо этого продолжив:

- Тот небольшой конфликт в 1204 году помешал мне принести Кредо в Европу.

- Если нам хватит удачи - и терпения, - мы закончим начатое вами.

- Если выдастся возможность, постарайтесь попасть наверх Айа-Софии, оттуда открывается лучший вид на город.

- И как же взобраться наверх?

Альтаир улыбнулся.

- Терпение и тренировки помогут тебе, - он помолчал. - Полагаю, что, покинув Масиаф, вы отправитесь по морю?

- Да, как и договаривались. Мы верхом доедем до Латакии и там возьмем корабль. Дороги в Анатолии до сих пор помнят Крестовые походы.

- Да, - согласился Альтаир, - самые глубокие страсти оказываются самыми смертельными.

- Навестите нас, если сможете, Альтаир. У нас хватит места и для вас, и для ваших людей.

- Нет, - покачал головой Альтаир. - Благодарю за предложение, но ваша страна не для стариков, Никколо. Я должен остаться здесь.

- Но если вы измените мнение, знайте, наши двери всегда открыты.

Альтаир посмотрел на битву. Камни, выпущенные требушетами, нашли свои цели, сея хаос в рядах монголов.

От конного отряда отделился ассасин и галопом подскочил к Альтаиру. Это оказался Дарим.

- Мы недолго передохнем в деревне, - вздохнул Альтаир. - Кажется, все под контролем.

- Но как надолго, отец?

- Я верю в тебя. Ты уже давно не мальчик.

- Мне шестьдесят два года.

- По сравнению с тобой я чувствую себя древним стариком, - пошутил Альтаир. Но Дарим увидел, как бледен его отец, и понял, что тот действительно устал.

- Мы отдохнем и должным образом проводим наших друзей.

Они подъехали к конюшням, и братья Поло поспешили переложить свои вещи на вьючных лошадей. Ассасины выделили им пару коней на смену, во время далекого пути на запад, на побережье. Альтаир наконец-то расслабился, покачнулся и оперся о Дарима.

- Отец... как ты? - обеспокоено спросил Дарим.

Он осторожно довел его до скамьи под деревом.

- Дай мне минутку, - попросил Альтаир, задышавшись и пытаясь успокоить боль. Он тяжело сел и вздохнул, посмотрев на крепость. Альтаир подумал, что, как от старика, от него никакой пользы. Он ничто. Но душа его радовалась и пела.

- Конец эпохи, - прошептал он, а потом посмотрел на сына и улыбнулся.

Забрав у помощника сумку, которую отдал тому чуть раньше, Альтаир вытащил из нее пять обсидиановых дисков, украшенных замысловатой резьбой. Он осторожно сложил их вместе.

- Когда я был молод, - произнес он, - я наивно полагал, что наше Кредо способно положить конец всем конфликтам. - Он помолчал. - Если бы мне хватило смирения, я бы сказал себе: я слишком много повидал для одной жизни. Я сделал все, что мог.

Он с трудом встал.

- И все же нет большей славы, чем бороться за истину.

Он посмотрел на деревню и битву, продолжающуюся на холмах. К нему подошел Никколо.

- Мы готовы, - сообщил он.

- Последняя просьба, Никколо, - сказал Альтаир, передавая ему каменные диски. - Возьми их с собой и сохрани. Спрячь, если будет нужно.

Никколо недоуменно посмотрел на него.

- Артефакты?

- В некотором роде. Это ключи, каждый из которых содержит сообщение.

Никколо поднес один из дисков к глазам и осмотрел.

- Сообщение для кого? - озадаченно поинтересовался он.

Альтаир взял другой ключ.

- Хотел бы я знать...

Он высоко поднял ключ, и тот засветился. Альтаир закрыл глаза, сосредотачиваясь.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Эцио вспомнил, где он находится. Свет в каюте снова ослаб до приятного взгляду полумрака. От стен и предметов обстановки пахло кедром, в солнечном свете, льющемся через окошко, поднимались пылинки. Эцио услышал доносившиеся с палубы топот, крики матросов и скрип рей, на которые поднимали паруса.

Корабль отплывал.

В море им встретился пиратский парус, при виде которого Эцио и Пири одновременно вспомнили о своем общем друге, Аль-Скарабе. Но пиратский корабль не пытался их атаковать, и они прошли мимо. Пятнадцать дней пути прошли без приключений. Эцио пытался расшифровать символы на ключе, мечтая, чтобы здесь была София, которая смогла бы помочь ему. Чем ближе они подплывали к Константинополю, тем больше он думал о Софии и тем сильнее хотел поскорее добраться до города.

Наконец, на рассвете, далеко на горизонте показались купола, башни, стены, колокольни и минареты Константинополя.

- Мы прибудем к полудню, - сообщил Пири Рейс.

- Чем раньше, тем лучше.

Порт был, как всегда, переполнен, даже не смотря на то, что стоял душный день, и было время сиесты. На подиуме в конце причала стоял глашатай, вокруг которого собралась особо огромная толпа. Неподалеку стоял отряд янычаров в белых ниспадающих одеждах. Пока доу Пири разгружали, Эцио подошел поближе к глашатаю.

- Жители Империи и странники из далеких земель, внимайте! По приказу янычаров новые ограничения наложены на въезд и выезд из города. Знайте так же, что тому, кто сообщит любую информацию, которая поможет поймать ассасина Эцио Аудиторе, будет пожалована награда в десять тысяч акче.

Эцио тайком переглянулся с Пири Рейсом. Пири незаметно приблизился.

- Тебе лучше уйти отсюда, - посоветовал он. - Ключ с тобой?

- Да.

- Тогда забирай оружие и уходи. Об остальных твоих вещах я позабочусь сам.

Благодарно кивнув, Эцио незаметно выскользнул из толпы и ушел в город.

Окольными путями он добрался до лавки Софии, часто оборачиваясь, чтобы убедиться, что его не преследуют, и что он остался не узнан. Его одновременно охватывали облегчение и приятное предвкушение. Но, завернув за угол к магазину, Эцио остановился. Двери лавки были открыты настежь, рядом собралась небольшая толпа. Эцио увидел стоявших на страже у дверей ассасинов Юсуфа, в числе которых были Доган и Касим.

Эцио почти бегом подошел к ним, в горле у него пересохло.

- Что произошло? - спросил он Касима.

- Внутри, - немногословно отозвался Касим. Эцио заметил в глазах ассасина слезы.

Он вошел в магазин. Внутри все выглядело так же, как он помнил, но когда Эцио прошел во внутренний двор, то ошеломлен от представшей его глазам картины.

На скамье лицом вниз лежал Юсуф. Между лопатками у него торчала рукоять кинжала.

- Кинжалом они прибили записку, - вздохнул Доган, вошедший следом. - Для вас. Вот.

Он протянул Эцио окровавленный пергамент.

- Ты читал?

Доган кивнул.

- Когда это произошло?

- Сегодня. Не очень давно, потому что мухи еще не слетелись.

Эцио, которого раздирали гнев и слезы, вытащил из спины Юсуфа кинжал. Крови уже не было.

- Ты заслужил покой, брат мой, - тихо проговорил он. - Покойся с миром.

Потом Эцио развернул пергамент. Письмо Ахмета было коротким, но Эцио охватила ярость, когда он прочитал его.

- Где София? - процедил он сквозь зубы.

- Мы не знаем, куда они ее увели.
- Кто-нибудь еще пропал?
- Мы не смогли найти Азизу.
- Братья! Сестры! Похоже, Ахмет желает, чтобы весь город ополчился на нас, в то время как убийцы Юсуфа, засев в арсенале, смеются над нами. Идите со мной, и мы покажем им, что бывает с теми, кто бросает вызов ассасинам!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Они прошли по улицам до Арсенала и, не тратя попусту времени, быстро и без жалости уничтожили преданных Ахмету янычаров. Ахмет либо не ожидал такого внезапного нападения, либо недооценил ярость и силу ассасинов, чьи силы сильно выросли под командованием Юсуфа.

Или так, или у Ахмета еще оставался козырь в рукаве, потому что когда Эцио загнал его в угол, выглядел принц совершенно спокойно.

Эцио охватила злость. Лишь в самый последний момент он опомнился, швырнул противника на пол, сжимая горло. Потом яростно вогнал в пол скрытый клинок в дюймах от головы Ахмета. Мертвый принц не поможет ему спасти Софию. Так было сказано и в записке. Но на мгновение ярость едва не затуманила разум Эцио.

Он низко наклонился к принцу и ощутил фиалковый аромат. Ахмет спокойно выдержал его яростный взгляд.

- Где она? - сурово потребовал ответа Эцио.

Ахмет издал смешок.

- Сколько гнева!

- Где. Она.

- Дорогой Эцио, если ты полагаешь, что находишься в том положении, чтобы диктовать свои условия, убей меня, и дело с концом.

Эцио не ослабил хватку на шее принца и не убрал скрытого клинка. Но секунду спустя, приняв лучшее для себя решение, встал, прикосновением к левому запястью заставляя клинок спрятаться.

Ахмет сел, потирая шею и не пытаясь подняться. В горле у него все еще звучал смех. Похоже, принц ведет какую-то интересную игру, подумал Эцио со смесью разочарования и презрения.

- Сожалею, что мне пришлось пойти на это, - проговорил Ахмет. - О чем спорить тем, кто мог бы стать друзьями? О ключах от старой пыльной библиотеки?

Он встал, отряхиваясь, и продолжил.

- Мы сражаемся за одну идею, мессер Аудиторе. Только разными методами. Разве ты сам не понял? - он помолчал, и Эцио понял, что знает, что принц скажет дальше. Он уже много раз слышал, как тамплиеры обосновывают свои амбиции. - Мир. Стабильность. Жизнь без страха. Люди ищут истину, но при этом не хотят видеть ее в упор. Как ты предлагаешь бороться с подобным невежеством?

Голос принца задрожал от ярости. Эцио подумал, что принц считает, будто открывает ему некую тайну. Вслух он возразил:

- Свобода не лишена проблем, Principe, но она бесценна.

А про себя ассасин подумал: «Тирания всегда организована лучше, чем свобода».

- Конечно, - сухо ответил Ахмет. - И когда все развалится, и цивилизация погибнет, Эцио Аудиторе, возвышаясь над ее обломками, с гордостью скажет: «Я остался верен Кредо!». - Ахмет отвернулся, пытаясь взять себя в руки. - Я открою архив Альтаира, проникну в библиотеку и отыщу Великий Храм. И с силой, сокрытой там, я уничтожу все, что мешает объединению человечества.

- Не в этой жизни, Ахмет, - спокойно отозвался Эцио.

Ахмет фыркнул и повернулся, чтобы уйти. Эцио не стал его останавливать. В дверях принц обернулся.

- Принеси ключи к Галатской башне, и я отпущу Софию, - он помолчал. - И поторопись, Эцио. Армия моего брата скоро будет здесь. А когда он вернется, все изменится. Мне нужно подготовиться, - и Ахмет ушел.

Эцио смотрел ему вслед, приказав своим людям не мешать принцу.

За спиной раздался вежливый кашель, Эцио обернулся и увидел принца Сулеймана.

- Вы здесь давно?

- Достаточно. Стоял за гобеленом. Я слышал ваш разговор. С тех пор как мой дядя вернулся, я старался держаться к нему поближе. И я не спускал с него глаз с тех пор, как он попытался убить меня - когда вы так удачно сорвали попытку покушения обломком лютни, - принц помедлил. - И все же я не ожидал услышать... такое.

- И что вы думаете?

Сулейман задумался, прежде чем ответить.

- Он честный человек, - вздохнул принц. - Но его тамплиерские фантазии опасны. Это против здравого смысла. Эцио, я знаю, что еще молод, но я уже достаточно взрослый, чтобы знать, что мир - это узорный многоцветный гобелен. Мудрый правитель не станет расплетать его.

- Он боится, что различия породят хаос.

- Для этого мы и создали законы - *kanun*, которые едины для всех.

В комнату вошел отряд янычаров. Ассасины пропустили их, так как они были преданы Сулейману. Но когда командир отряда увидел Эцио, то обнажил меч.

- Отойдите, мой принц! - попросил капитан.

- Стой, солдат, - вмешался Сулейман. - Этот человек наш друг.

Мгновение офицер колебался, а потом жестом остановил своих людей, пробормотав извинения.

Сулейман и Эцио с улыбкой переглянулись.

- Мы проделали долгий путь с момента первой встречи, - заметил Сулейман.

- Я был бы рад, если бы у меня был такой сын, как ты.

- Ты еще жив, друг мой. Возможно, твой сын будет еще лучше.

Сулейман уже собирался уходить, когда его осенила мысль.

- Эцио, знаю, что не должен давить на тебя, но... пощади моего дядю, ели сможешь.

- Твой отец бы пощадил?

Сулейман ни секунды не колебался с ответом.

- Я никогда не задумывался об этом, но нет, не пощадил бы.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ

Эцио как можно быстрее вернулся к убежище стамбульских ассасинов. Забрав ключи, он положил их в сумку к последнему, который забрал у Мануила в Деринкую. Прицепив на правое запястье крюк-нож, а на левое пистолет, он уложил в заплечную сумку парашют Леонардо, который пригодится, если ему придется прыгать с вершины Башни.

Но, прежде чем отправиться к Башне, необходимо было сделать еще кое-что. Эцио поспешил на кладбище Галаты, где уже все было подготовлено для похорон Юсуфа. Обязанности командира ассасинов Стамбула принял на себя Доган. Он поприветствовал Эцио.

- Наставник.

- Наставник, - вторила ему Ирини, подошедшая к командиру.

Эцио встал у гроба и сказал:

- Знаю, что сейчас следовало бы почтить память павших, но наши враги не позволят нам такую роскошь, - он посмотрел на Догана. - Юсуф хорошо отзывался о тебе, и я не сомневаюсь в его словах. У тебя достанет силы и смелости вести этих людей за собой и хранить традиции нашего Братства так, как это делал Юсуф?

- Это будет честью, - отозвался Доган.

- Мы продолжим с честью выполнять свою работу и клянемся хранить верность Кредо, - поддержал Евраники, стоявший позади командира.

- Хорошо, - кивнул Эцио. - Я рад. - Он окинул взглядом здания, окружавшие кладбище, и увидел башню Галаты. - Наш враг совсем близко, - продолжил он. - Когда похороны закончатся, займите позиции вокруг башни и ждите моей команды.

Он поспешил прочь. Чем раньше София будет в безопасности, тем лучше.

Эцио нашел Ахмета у подножия башни, рядом с ним стоял телохранитель.

- Где она? - процедил он.

Ахмет раздражающе улыбнулся.

- Я восхищаюсь тобой, Эцио, но твоя кровожадность не дает мне назвать тебя своим другом.

- Кровожадность? Странно слышать такое от того, кто приказал убить своего племянника. Хладнокровие Ахмета дало слабину.

- Его должны были похитить, ассасин, а не убить.

- Ах да. Его похищают византийцы. А дядя потом спасает его и выглядит героем? Таков был план?

Ахмет пожал плечами.

- Примерно.

Он незаметно кивнул, и словно из ниоткуда появилось с полдюжины тамплиеров, которые окружили ассасина.

- А теперь, мессер Аудиторе, ключи, если позволите.

Ахмет протянул руку.

Эцио дал сигнал своим людям. Ассасины с ятаганами в руках окружили тамплиеров.

- Сперва женщину, - холодно отозвался Эцио.

Ахмет усмехнулся.

- Забирай.

Он указал вверх, Эцио проследил за его взглядом и увидел наверху башни два силуэта. Голову Софии закрывал мешок, руки и ноги были связаны. Рядом с ней стоял солдат, явно собиравшийся столкнуть ее вниз.

- София! - невольно крикнул Эцио.

- Прикажи своим людям отступить, - угрожающе процедил Ахмет.

Кипя от ненависти, Эцио подчинился и бросил Ахмету сумку с ключами. Принц ловко поймал ее и заглянул внутрь, потом улыбнулся.

- Как я и сказал: забирай.

С этими словами он скрылся за бастионом, его люди последовали за ним. Принц сел в ожидающий его экипаж, и помчался к северным воротам.

Эцио не стал провожать его взглядом. Времени не было. Он с разбега прыгнул к Башне, полез вверх.

Тревога и гнев только подгоняли его, и через мгновение он был наверху. Солдат отступил к лестнице, ведущей вниз.

Эцио прыгнул вперед, оттаскивая женщину от края, и стащил с головы мешок.

Это была Азиза!

Во рту у нее торчал кляп, и девушка мычала, отчаянно пытаясь сказать что-то. Эцио освободил ее.

- *Tesekkur, Mentor. Cok tesekkur ederim!** - выдохнула она.

Солдат усмехнулся и бросился вниз по лестнице, но там его не ждало ничего хорошего.

Эцио развязывал веревки на руках Азизы, когда девушка вскрикнула. Обернувшись, Эцио увидел на зубчатой стене неподалеку временную виселицу. На эшафоте с веревкой на шее стояла София, балансируя на стуле. На глазах у Эцио византийский солдат грубо затянул веревку на шее женщины.

Эцио прикинул расстояние между галатской башней и крепостной стеной. Предоставив Азизе самой освободиться от пут, Эцио стащил заплечную сумку и быстро достал парашют. Мгновение спустя он уже летел, направляя парашют к эшафоту, где византиец выбил из-под ног Софии стул. Снизившись, Эцио в полете крюком-ножом перерезал туго натянутую веревку, через секунду приземлился и подхватил падающее тело. Выругавшись, византиец бросился бежать. Эцио увидел, что его ассасины бегут от башни Галаты к крепостной стене, но им наперерез бросились византийцы. Ему придется действовать в одиночку.

Эцио повернулся к Софии и сорвал с нее веревку, чувствуя, как она жадно вдыхает воздух.

- Ты не ранена? - спросил он.

Она кашляла, задыхаясь, и пыталась восстановить дыхание.

- Нет, не ранена. Но весьма... удивлена.

- Я не хотел втягивать тебя в это. Прости.

- Ты не можешь отвечать за действия других людей, - хрипло ответила она.

Он дал ей время отдышаться. То, что даже в такой момент она не утратила способности мыслить разумно, впечатляло!

- Скоро все... окажется позади. Но сперва я должен вернуть то, что они забрали. Кое-что крайне важное!

- Я не понимаю, что происходит, Эцио. Кто эти люди?

Раздался грохот пушки. Мгновением позже стена, на которой они стояли, вздрогнула, когда в нее угодило двадцати фунтовое ядро. София и Эцио упали на землю, на них посыпались камни.

Ассасин помог женщине подняться и быстро осмотрелся. Внизу он увидел пустой экипаж, охраняемый двумя османскими солдатами, спрятавшимися в укрытие, едва пушка начала стрелять.

Эцио прикинул расстояние. Выдержит ли парашют их совместный вес? Он решил рискнуть.

- Пойдем! - сказал он, подхватил женщину на руки и прыгнул с крепостной стены.

Сперва он с ужасом подумал, что сейчас парашют зацепится за зубцы, но они пролетели мимо. Парашют опускался очень быстро, но все же не достаточно, чтобы спуск оказался опасным для жизни. Приземлившись возле повозки, Эцио сложил парашют и сунул в сумку, не тратя времени на то, чтобы отцепить его. Солдаты бросились к ассасину. Эцио посадил Софию на место кучера, ударил по крупу одну из лошадей и вскочил на повозку рядом с женщиной. Схватив поводья, он помчал прочь, так что турки лишь тщетно кричали, пытаясь остановить его.

Эцио быстро помчался по району Галата на север, а потом и за город.

* Спасибо, Наставник. Большое спасибо (тур.)

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Экипаж Ахмета не успел уехать далеко. Эцио увидел, как они скачут чуть впереди.

- И что дальше? - задыхаясь, поинтересовалась София.

Эцио хлестнул поводьями, подгоняя лошадей.

- Это он. Мы догоняем! Держись!

Ахмет увидел их и, высунувшись из окна, закричал:

- Ну и ну! Ты решил меня проводить?

Двое солдат на задке экипажа развернулись и направили на Эцио и Софию арбалеты.

- Сбейте их! - приказал Ахмет. - Сейчас же!

Эцио хлестнул лошадей и вскоре нагнал повозку Ахмета. Кучер противника заставил лошадей резко свернуть, так что повозка Ахмета ударила повозку Эцио. Повозки удержались на колесах, но Эцио и София слетели вниз. Софии удалось ухватиться за край сиденья, а ассасин упал на землю, едва успев ухватиться за веревку, свисавшую с крыши повозки. Эцио потащил по земле вслед за экипажем. Неуправляемые лошади мчали вперед, хотя София уже схватила поводья и пыталась остановить животных.

«Это входит в привычку», - мрачно подумал Эцио, пытаясь подтянуться. Но в этот момент дорога повернула, и ассасина снесло с дороги так, что он едва избежал столкновения с корявым деревом. Эцио сумел удержаться, однако осознал, что на такой скорости просто не сможет подтянуться.

Стиснув зубы, Эцио схватил веревку одной рукой, а второй вытащил из сумки парашют.

Купол раскрылся, но зажимы, удерживающие его, выдержали.

Эцио ощутил, как поднимается в воздух, паря вслед за экипажем. Повозка Ахмета мчалась впереди. Эцио понял, что теперь ему, не смотря на встречный ветер, значительно легче подтягиваться на веревке. Наконец, опустившись достаточно низко, он перерезал стропы, и с грохотом упал на сиденье рядом с Софией.

- Бог явно благоволит тебе, - улыбнулась она.

- Ты сумела удержать лошадей, мало кто смог бы такое, - переводя дыхание, похвалил Эцио. - Может, он тебе благоволит. - Ты ранена? - встревожился он, заметив у нее на одежде кровь.

- Просто царапина. Когда слетела с сиденья.

- Держись!

- Стараюсь!

- Не хочешь передать мне поводья?

- Я боюсь отпустить их!

Они снова нагоняли Ахмета.

- Твоя настойчивость восхищает меня и раздражает одновременно! - закричал принц, который даже в пылу погони не утратил вежливости.

Они стремительно приближались к деревне. Дорогу преграждал взвод османских солдат.

Они установили посреди дороги заставу.

- Остановить их! - закричал Ахмет, когда его экипаж пронесся мимо растерянных солдат. -

Они пытаются убить вашего принца!

Солдаты поспешили выставить заставу, но София, подхлестнув лошадей, сломала ее, и разметала солдат во все стороны.

- Извините! - восклицала она, сбивая целый ряд прилавков на главной улице. - Ой! Простите!

- София, будь осторожней, - попросил Эцио.

- Я даже слышать не хочу, что ты думаешь о женщинах, которые управляют повозками! -

Она откинулась на сиденье и улыбнулась. Их повозка сшибла один из двух шестов, на которых удерживался перетяг над дорогой. Шест повалился прямо на головы разъяренных жителей.

- Что ты делаешь? - поинтересовался Эцио. Лицо у него было белым.

- А ты как думаешь? Стараюсь удержаться на дороге!

Тем временем повозка Ахмета стремительно выехала из деревушки. Ахмет отчаянно звал на помощь. Оглянувшись назад, Эцио увидел, как за ними скачет патруль. Арбалетчики на задке повозки Ахмета перезарядили оружие и снова выстрелили.

Один из болтов задел плечо Софии.

- Ах! - воскликнула она. - Эцио!

- Держись! - он пальцами ощупал рану, осторожно касаясь нежной кожи, и ощутил покалывание в кончиках пальцев. Подобное он чувствовал лишь однажды, когда его друг Леонардо демонстрировал ему эксперимент с чем-то, что он называл «электричеством».

- Царапина, ничего серьезного.

- Этих царапин уже слишком много! Меня же могли убить! Во что ты меня втянул?

- Я не могу объяснить прямо сейчас!

- Как знакомо! Мужчины только и умеют, что оправдываться!

Эцио оглянулся на всадников.

- Избавься от них, - взмолилась София.

Эцио достал пистолет, проверил его, прицелился в ближайшего всадника, стараясь удержаться на сидении. Сейчас или никогда! Он сделал глубокий вдох и выстрелил.

Всадник вскинул руки, его лошадь свернула прямо под копыта следующих позади коней. Животные врезались друг в друга, спотыкнулись и повалились на дорогу вместе со всадниками. Те, кто скакал следом, не успели свернуть, влетев на полном ходу в общее столпотворение. Эцио услышал ржание лошадей и крики людей, погоня отстала.

- Рада, что ты наконец-то сделал хоть что-то полезное, - проговорила София, когда они отъехали достаточно далеко.

Эцио увидел, что дорога сворачивает в узкое ущелье между двумя высокими скалами.

Повозка Ахмета легко прошла там, но экипаж Эцио был шире.

- Слишком узко! - выдохнул Эцио.

- Приготовься! - скомандовала София, щелкая вожжами.

Они на огромной скорости влетели в ущелье, голые скалы мелькали в паре сантиметров от плеча Эцио.

А потом они выехали на открытое пространство.

- Ох! - только и выдавил Эцио.

София триумфально улыбнулась.

Ахмет кричал на арбалетчиков, которым удалось снова зарядить оружие и выстрелить, но болты прошли мимо.

- Жалкие сопляки! - вопил принц. - Что с вами такое? Кто учил вас сражаться?

Дорога, выходя из ущелья, сворачивала на запад, вскоре на севере справа от дороги показались сверкающие воды Черного моря.

- Стреляйте или топите! - прорывал Ахмет.

- О нет, - выдохнул Эцио, глядя вперед.

- Что? - переспросила София, и, увидев, куда он смотрит, вторила: - О нет.

На их пути снова была деревня и пост османов. И даже перетяг, подвешенный на шестах.

- Должен сказать, ты довольно хорошо правишь, - сказал Эцио, с трудом перезаряжая пистолет в подсакивающей повозке. - Многие бы утратили контроль, и лошади понесли. Неплохо для венецианки.

- Ты еще не видел, как я управляю гондолой, - отозвалась София.

- Сейчас самое время прибавить ходу, - попросил Эцио.

- Сейчас.

В деревне был рыночный день, но когда два экипажа пронесли по площади, толпа расступилась, словно воды Красного моря перед Моисеем.

- Простите! - извинилась София, сметая с пути рыбный прилавок, а после и изделия гончара. В разные стороны полетели осколки, и в высь поднялись крики и проклятия торговцев.

А на колени Эцио приземлилась кудахчущая курица.

- Мы это покупали? - спросил он.

- Издержки вождения.

- Что?

- Не обращай внимания.

Курица вырвалась из рук Эцио, пытаясь хорошенько его клюнуть, а потом наполовину слетела, наполовину свалилась на землю.

- Берегись! Впереди! - воскликнул Эцио.

Стража пропустила Ахмета и успела выставить заставу, направив пики на приближающихся лошадей. На смуглых лицах появилось неприятное выражение триумфа.

- Это забавно, - заметила София.

- Что?

- Ну, смотри... Они поставили заставу посередине дороги, а по бокам ничего нет. Они держат нас за идиотов?

- Возможно идиоты они, - смеясь, отозвался Эцио.

А потом ему пришлось схватиться за сиденье, потому что София заставила лошадей резко свернуть с дороги и обскákat пост справа. Когда экипаж выехал на дорогу, в тридцати ярдах от солдат, некоторые из них в бессильной злобе побросали на землю пики.

- Видишь всадников? - спросила София.

- Нет.

- Хорошо, - она щелкнула поводьями. Расстояние между ними и повозкой Ахмета стало уменьшаться.

Но впереди вновь показалась деревушка.

- Только не снова! - воскликнула София.

- Вижу. Попробуй догнать его!

София подстегнула лошадей. Но, когда они приблизились к деревушке, повозка Ахмета замедлилась. Солдаты на заднем сиденье сменили арбалеты на короткие острые алебарды, блестящие на солнце. София отчаянно пыталась замедлить повозку, но не смогла. Кучер Ахмета яростно ударил их экипаж бортом своего, и на этот раз опрокинул противников. Но и сам не сумел удержать свою повозку.

В момент столкновения Эцио перепрыгнул на крышу экипажа Ахмета. Крюком-ножом яростно ударил двух солдат, не дав им возможности воспользоваться алебардами. Кучер пытался выровнять повозку, а экипаж Софии уже перевернулся и замер на дороге в облаке пыли. Повозка Ахмета ехала по краю обрыва, и в какой-то момент колеса соскользнули, и повозка полетела вниз.

Эцио, прыгнул на землю и, шатаясь, поднялся на ноги. Он пытался разглядеть хоть что-то в облаке удушливой пыли. Откуда-то доносились крики людей, вероятно деревенских жителей. Когда пыль немного осела, Эцио увидел на камнях тело кучера.

Но Ахмета видно не было.

Как и Софии.

И Эцио тщетно звал её по имени.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Когда пыль полностью осела, Эцио достаточно пришел в себя, чтобы оценить ситуацию. Деревенские жители стояли поодаль, неуверенно оглядывая место столкновения. Угрожающего взгляда Эцио хватило, чтобы никто не рискнул подойти. Ассасин знал, что действовать надо быстро. Османам потребуется немного времени, чтобы перегруппироваться и отправиться в погоню.

Эцио осмотрелся. Ахмет лежал на спине в десятке метров от места крушения. Он стонал от боли. Сумка с ключами лежала рядом. К великому облегчению Эцио из кустов появилась София. Она была вся в синяках и явно в шоке, но в остальном была невредима. Они обнадеживающе переглянулись, а Ахмет перевернулся на живот и приподнялся.

Эцио подхватил сумку и заглянул внутрь. Ключи не пострадали.

Эцио посмотрел на лежащего принца.

- И... что теперь, Эцио? Каков итог? - спросил Ахмет, задыхаясь от боли.

К ассасину подошла София и положила на плечо руку.

- Мне и самому интересно, - ответил Эцио.

Ахмет засмеялся, не в силах остановиться, хотя смех явно причинял ему боль. Ему удалось встать на колени.

- Что ж, когда поймешь...

Из ниоткуда появились полдюжины византийцев и окружили принца. Они были хорошо вооружены.

- ...дай нам знать!

Эцио скривился, обнажил меч и сделал знак Софии отступить за его спину.

- Ты глупец, Эцио. Неужели ты думал, что я путешествую без подмоги?

Ахмет собирался снова засмеяться, но на них обрушился град стрел. Византийцы попадали замертво. Одна из стрел попала Ахмету в бедро, и он упал, взыв от боли.

Эцио был ошеломлен. Он знал, что ассасинов поблизости не было, а Диляра бы не смогла прийти ему на помощь из Деринкую.

Он оглянулся и увидел недалеко десяток янычаров, накладывающих стрелы на тетивы. Во главе отряда стоял мужчина царственного вида, в меховой накидке и одежде черных и красных цветов. Лицо его украшали пышные усы. Он поднял руку.

- Стойте! - скомандовал он, и янычары опустили луки.

Командир и двое капитанов спешили и подошли к Ахмету. Они не обратили внимания на настороженного Эцио, который не знал, чего ждать дальше. Ассасин переглянулся с Софией.

Приложив нечеловеческие усилия, Ахмет встал, опершись о сломанную ветку, чтобы не упасть. Он расправил плечи, мрачно посмотрев на подошедших.

Заметив семейное сходство между мужчинами, Эцио сразу все понял.

- Солдаты! - скомандовал Ахмет твердым уверенным голосом. - Селим не ваш командир! Вы служите султану! Вы посмели бросить его? Где он? Где наш султан?

Ахмет отступил к забору у обрыва и там, не в силах идти, упал на землю. Его брат подошел ближе.

- Твой султан стоит перед тобой, брат, - произнес он. Он положил руку на плечо Ахмета и наклонился, тихо добавив. - Отец сделал выбор, прежде чем отрекся от престола. Это было лучшее, что он мог предпринять.

- Что ты собираешься делать, Селим? - пролепетал Ахмет, заметив выражение в глазах брата.

- Думаю, лучше задавить государственный переворот до того, как он свершится.

Пальцы Селима сомкнулись на горле Ахмета, заставляя его прижаться к забору.

- Селим! Остановись! Прошу! - закричал Ахмет, а потом начал задыхаться.

Султан Селим был глух к мольбам. Эцио видел, как он стискивает горло брата. Ахмет вцепился в лицо Селиму в тщетной попытке вырваться, забор затрещал под его весом и,

наконец, треснул и обвалился. Селим разжал руку как раз вовремя.. Ахмет с воплем ужаса упал со скалы прямо на черные камни, располагавшимися двустами футами ниже.

Селим бесстрастно посмотрел вниз, а потом развернулся и пошел к Эцио.

- Ты должно быть ассасин Эцио Аудиторе?

Эцио кивнул.

- Я Селим, отец Сулеймана. Он хорошо отзывался о тебе.

- Он славный юноша, *Ekselanslari**, мудрый не по годам.

Но равнодушию Селима пришел конец. Приветливость слетела с него, глаза сузились, а лицо потемнело. Эцио ощутил жестокость, исходящую от этого человека, который наконец-то добился желаемого.

- Давай внесем ясность, - приблизившись к Эцио почти вплотную, сказал Селим. - Если бы он не просил за тебя, я бы убил тебя на месте. Нам не нужны здесь чужеземцы. Уезжайте отсюда и не возвращайтесь.

Эцио не удалось сдержать ярость, поднявшуюся в нем при этом оскорблении. От Селима не скрылось, как ассасин сжал кулаки. Но жизнь Эцио спасла София, положившая ему на плечо руку.

- Эцио, - прошептала она. - Пойдем. Это не твой бой.

Селим снова посмотрел на него с вызовом, а потом повернулся и пошел к своим людям.

Спустя несколько минут они уже были в седлах и вскоре отправились в сторону Константинополя. Эцио и София остались рядом с погибшими и толпой перепуганных жителей.

- Да, это не мой бой, - согласился Эцио. - Но где заканчивается один и начинается другой?

* Блистательный (тур.)

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Год и месяц спустя Эцио снова стоял у подножия крепости Масиафа.

С тех пор как он в последний раз был здесь, произошло многое. Турки захватили регион, поэтому замок опустел. Одиноким орел парил в небе, но людей не было видно. Замок стоял одинокий и молчаливый, храня свои секреты.

Ассасин двинулся по длинной крутой тропинке, что вела по склону к воротам. Пройдя немного, он остановился и обернулся к спутнице, которая немного отстала, переводя дыхание. Эцио подождал ее в тени старого, искривленного тамаринда.

- Такой крутой подъем! - выдохнула София, догоняя его.

Эцио улыбнулся.

- Представь, если бы ты была солдатом в полном снаряжении и с тяжелым оружием...

- Это утомительно. Но веселее, чем сидеть в книжной лавке. Надеюсь, Азиза хорошо там справляется.

- Не волнуйся. Держи, - он протянул ей флягу с водой.

Она с благодарностью попила, а потом спросила:

- Как долго крепость пустует?

- Сюда приходили тамплиеры и пытались открыть ее секреты, но им это не удалось. И им не удалось собрать ключи, которые помогли бы им найти искомое. А теперь...

Они немного помолчали, София обозревала окрестности.

- Здесь так красиво, - наконец сказала она. - И здесь появилось твое Братство?

Эцио вздохнул.

- Орден возник сотни лет назад, а тут он возродился.

- И возродил его тот, кого ты как-то упоминал - Альтаир?

Эцио кивнул.

- Альтаир ибн Ла'Ахад. Он сделал нас сильными и отпустил нас, - он помолчал. - Он считал безумием оборонять такой замок. Масиаф стал символом высокомерия, и маяком для всех наших врагов. В конце концов, он понял, что лучший способ служить справедливости - жить простой жизнью. Защищать людей, не ставя себя выше их, а живя бок о бок с ними.

София кивнула и тихо сказала:

- А эти ваши зловещие капюшоны тоже придумал Альтаир?

Эцио рассмеялся.

- Ты упомянул Кредо, - продолжила София. - Что это?

Эцио задумался.

- Альтаир провел великое... исследование в последние годы своей жизни, оставив определенный кодекс, систему правил, которые составил сам. Я наизусть помню отрывок из его работ. Прочитать тебе?

- Прошу.

- Альтаир писал: любое изречение, произносимое достаточно долго и громко, со временем становится истиной. При условии, конечно, что тебе удастся пережить оппонентов и заткнуть рот несогласным. Но если это удастся, и все возражающие устранены, то навязанное становится по определению единственно верным. Будет ли это истиной в объективном значении? Нет. Но как же достичь объективной точки зрения вообще? Ответ – никак. Это, в буквальном смысле, физически невозможно. Слишком много переменных, слишком много неизвестных факторов и взаимных связей нужно учесть. Сократ понимал это. Он говорил о асимптотическом подходе к истине. Линия никогда не пересечется с кривой, они будут лишь бесконечно приближаться друг к другу на бесконечно малое расстояние. Но бесконечная борьба следует из самого определения асимптоты. Мы можем, конечно, попытаться приблизиться к откровению еще чуть-чуть, затем еще. Но мы никогда не достигнем цели. Никогда... Так я понял, что, пока Тамплиеры существуют, они будут пытаться изменить и подчинить себе окружающий мир. Они осознают, что абсолютной истины не существуют, или, если она все же есть, то мы совершенно не

способны ее увидеть. Поэтому вместо нее они предлагают свою собственную версию. Это и есть основной принцип их так называемого «Нового мирового порядка»: изменить мир в соответствии со своими представлениями. Дело не в людях и не в артефактах – это всего лишь инструменты. Все дело в идеях. Это очень умно с их стороны – ведь как можно воевать против идей? Идея – это идеальное оружие. У нее нет физического воплощения, однако она может изменять мир разными путями, в том числе и с помощью насилия. При этом веру невозможно уничтожить: даже если убить всех ее приверженцев и сжечь все религиозные тексты, в лучшем случае это даст только передышку. Когда-нибудь кто-нибудь откроет веру заново. Возродит ее. И я полагаю, что даже мы, Ассасины, всего лишь в очередной раз открыли Порядок, который старше самого Старца. Все знания – химера. Все со временем повторяется. Бесконечно. Безостановочно. И возникает вопрос: а есть ли надежда? Я отвечу так: мы должны достичь такого состояния, чтобы этот вопрос был неактуален. Борьба сама асимптотична. Чем ближе она к завершению, тем меньше вероятность, что она закончится. Лучшее, на что мы можем рассчитывать, немного сгладить последствия этой борьбы. Временно обеспечить стабильность и мир. Пойми, Читатель, мир всегда будет лишь временным явлением. Пока мы продолжаем восстанавливать утраченное, мы будем сомневаться и изменяться. Те, кто восстают против статуса кво, иногда делают это лишь потому, что не способны на большее – доказывать свою правоту в самой природе человека. Война лишь один из способов достижения этой цели. Думаю, многие до сих пор не понимают смысла Кредо. Но таков процесс. Задаваться вопросами. Разочаровываться. Учиться. И, наконец, понять. И обрести мир.

Эцио замолчал на мгновение, а потом вздохнул:

- Есть ли в этом смысл?

- Спасибо. Да, он есть, - София глядела на него, а Эцио задумавшись, смотрел на крепость.

- Ты жалеешь о своем решении? О том, что всю жизнь прожил ассасином?

Он вздохнул.

- Я не помню, чтобы делал выбор. Это жизнь решила за меня.

- Ясно, - отозвалась женщина, опустив взгляд.

- Тридцать лет я жил ради памяти моего отца и братьев, защищал тех, кто страдал от несправедливости. Я не жалею о тех годах, но теперь... - он глубоко вздохнул, будто с его души свалился огромный камень, и перевел взгляд с замка на парящего орла. - Теперь пришло время жить для себя, и отпустить их. Отпустить все.

София взяла его за руку.

- Тогда отпусти, Эцио. Отпусти. И живи дальше.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

День близился к концу, когда они добрались до ворот крепости. Они были открыты. Вьющиеся растения опутывали арку и подъемник. Они прошли во внутренний двор, где повсюду виднелись следы поспешного отъезда. Возле огромного засохшего дерева стоял брошенный полупустой фургон с провиантом, а под деревом располагалась сломанная каменная скамья.

Эцио с факелом осторожно пошел вниз по лестнице, в недра замка. Свет от факела освещал мрачные коридоры, по которым они шли. Наконец, они добрались до огромной двери из гладкого зеленого камня, на которой полукругом на уровне плеч располагались пять отверстий.

Эцио скинул с плеча сумку и достал ключи.

- Вот и конец пути, - взвесив в руке ключ, сказал он больше себе, чем Софии.

- Не совсем, - отозвалась женщина. - Сперва надо понять, как открыть дверь.

Эцио осмотрел ключи и отверстия, в которые нужно было их вставить. Символы, окружающие пазы, дали ему первую подсказку.

- Они каким-то образом должны соответствовать символам на ключах, - задумчиво проговорил он. - Думаю, Альтаир принял все меры предосторожности, для того чтобы защитить библиотеку. Если я ошибусь, боюсь, дверь закроется навсегда.

- Что ты надеешься найти там? - голос Софии звучал тихо, почти благоговейно.

Хотя рядом не было никого, кто мог бы их подслушать, Эцио прошептал:

- В первую очередь знания. Альтаир был мудрым человеком и написал множество трудов.

Он построил эту библиотеку, чтобы сохранить свою мудрость, - Эцио посмотрел на Софию. - Я знаю, что он многое видел в своей жизни и узнал множество опасных и глубоких тайн. Он постиг такие знания, которые ввергли бы иных в пучину отчаяния.

- Разумно ли тогда входить туда?

- Боюсь, что нет. Но, - он криво усмехнулся, - ты уже знаешь, что я не трус.

- Эцио, вечно ты шутишь, - София улыбнулась, радуясь, что напряжение между ними исчезло.

Ассасин установил факел в скобу на стене, чтобы им обоим было видно символы. И тут заметил, что символы на двери светятся едва заметным необъяснимым светом, а ключи, будто бы в ответ, тоже начали мерцать.

- Внимательно осмотри символы на ключах. Попробуй описать их вслух, а я сравню их с тем, что на двери.

София надела очки и взяла первый ключ. Пока она рассказывала о символах, Эцио изучал дверь.

Потом он вздохнул.

- Ну, конечно же. Альтаир много времени провел на Востоке и набрался там мудрости халдеев!

- Ты имеешь в виду, что эти символы могут быть связаны со звездами?

- Да, с созвездиями. Альтаир путешествовал по Месопотамии, где долгие годы жили халдеи...

- Да, но они жили там две тысячи лет назад. В книгах Геродота и Диодора Сицилийского рассказывается об их великих астрономах, но нет детального описания их работы.

- У Альтаира оно было, и он описал его здесь, в зашифрованном виде. Нужно подумать, что мы знаем о звездах.

- Это невозможно! Все что мы знаем о халдеях, так это то, что они рассчитали продолжительность светового года, равную четырем минутам, и это довольно точно, но как они это сделали?

- Они изучали созвездия и движение небесных тел по небу. Они считали, что могут предсказывать будущее. Строили большие обсерватории...

- Это просто слухи!

- Это все, что у нас есть. Смотри. Не узнаешь?

София посмотрела на символ на ключе.

- Его сложно разглядеть, но разве это, - Эцио указал пальцем, - не созвездие Льва?

Женщина посмотрела снова.

- Да, похоже на то! - воскликнула она, смотря на ассасина.

- А здесь, - Эцио развернулся к двери и изучил символы у отверстия, которое недавно рассматривал, - если я не ошибаюсь, схематичное изображение созвездия Рака.

- Эти два созвездия находятся рядом, да? А в Зодиаке Рак предшествует Льву.

- И мы знаем, что Зодиак был изобретен...

- Халдеями!

- Посмотрим, пройдет ли теория испытание на практике, - проговорил Эцио, осматривая следующее отверстие. - Здесь Водолей.

- Как удачно, - улыбнулась София и уже более серьезно посмотрела на ключи. - С одной стороны него располагается созвездие Рыб, а с другой Козерог. Но в Зодиаке Рыбы идут вслед за Водолеем. И я думаю, что здесь, изображены как раз Рыбы!

- Посмотрим, сработает ли с остальными.

Они десять минут усердно изучали символы и поняли, что их предположение верно. Каждый ключ содержал символ определенного созвездия, а символы у отверстий - созвездие, которое предшествовало ему в зодиакальном круге.

- Замечательный человек этот твой Альтаир, - покачала головой София.

- Мы еще не закончили, - отозвался Эцио. Он осторожно вставил первый ключ в отверстие, которое они сочли правильным.

Потом остальные.

И после минутного разочарования они увидели, как дверь из зеленого камня медленно и бесшумно скользнула вниз, исчезнув в отверстии в полу.

Эцио стоял у входа. Перед ним уводил в темноту длинный коридор, в дальнем конце которого неожиданно вспыхнули два факела.

Эцио вытащил свой факел из скобы и шагнул вперед, потом остановился и посмотрел на Софию.

- Вернись живым, - попросила она.

Эцио лукаво улыбнулся и сжал ее руку.

- Так я и собирался сделать.

И пошел вперед.

Едва он вошел в коридор, дверь в хранилище скользнула вверх, слишком быстро, чтобы София успела среагировать.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Эцио медленно шел по коридору, который постепенно расширялся и спускался вниз. В факеле почти не было необходимости - стены шли абсолютно прямо, и, пока он шел по коридору, неведомым образом начинали светиться. Эцио не боялся и не тревожился. Странно, но он чувствовал, словно возвращается домой. Словно что-то близилось к завершению.

Наконец коридор вывел в круглую комнату примерно ста пятидесяти футов в диаметре. Столько же было от пола до вершины круглого купола. Эцио словно оказался в чудесной базилике. Должно быть, некогда в комнате находились артефакты, но сейчас ничего не было. Вокруг вдоль стен были тесно расставлены книжные полки.

Но к своему изумлению, Эцио заметил, что все они пусты.

Но у Эцио не было времени обдумывать странности, потому что в дальнем конце комнаты, прямо напротив входа, на высоком подиуме он заметил огромный дубовый стол. Он был ярко освещен, хотя источника света не было видно, и Эцио отчетливо увидел высокую фигуру сидящего за столом человека.

Эцио ощутил что-то вроде благоговения, в душе сразу осознав, кто это. С трепетом в сердце он подошел к фигуре на расстояние вытянутой руки и опустился на колени.

Человек был мертв, и мертв уже довольно давно. Плащ и белые одежды истлели местами за прошедшие века. Но, даже оставаясь неподвижным, покойник излучал некую силу, которая никак не могла быть земной. Поклонившись ему, Эцио встал.

Он не посмел сдернуть капюшон, чтобы заглянуть покойнику в лицо, поэтому посмотрел на руки скелета, лежавшие на столе. Под правой ладонью лежал круглый камень. Он не был похож на ключи от дверей Архива - более тонкая работа - и был сделан, как показалось Эцио, из лучшего алебастра, который он когда-либо видел.

- Ни книг, - нарушил Эцио тишину, - Ни артефактов... Только ты, брат мой.

Он осторожно положил руку на тело мертвеца. Они не были связаны кровным родством, но узы Братства связывали их сильнее, чем семейные.

- Покойся с миром, Альтаир.

Эцио посмотрел вниз - ему показалось, что он уловил какое-то движение краем глаза. Но ничего не было. Только камень на столе лежал уже рядом с рукой, и Эцио подумал, что ему, должно быть, просто показалось, что раньше рука лежала на нем. Игра света и тени. Только и всего.

Эцио инстинктивно знал, что делать. Он высек искру и зажег свечу стоявшую на столе, чтобы внимательно изучить камень. А потом взял его в руки.

Камень немедленно засветился.

Эцио поднес его ближе к лицу, и знакомое светящееся облако закружилось вокруг него и унесло с собой...

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

- Говоришь, Багдад разграбили?
 - Да, отец. Монголы Хулагу-хана словно пожар пронеслись по городу. Никто не выжил. Он установил колесо повозки и заставил людей выстроиться вдоль него. Те, чья голова была выше ступицы колеса, он убил.
 - Остались только дети и трусы?
 - Да.
 - Хулагу не глуп.
 - Он разрушил город. Сжег все библиотеки. Разрушил учебные заведения. Убил всех ученых. Город никогда не видел такой резни.
 - И я молюсь, чтобы никогда больше не увидел.
 - Да будет так, отец.
 - Я благодарю тебя, Дарим. Хорошо, что ты решил плыть в Александрию. Ты взял мои книги?
 - Да, отец. Те, что не забрали братья Поло, я уже отправил на повозках в Латаку, где их погрузят на корабль.
- Альтаир, сгорбившись, сидел напротив двери в огромную библиотеку. Теперь она была пуста, полностью вычищена. В руках Альтаир держал небольшую деревянную шкатулку. Дарим не спросил отца, что это, потому что и сам догадывался.
- Хорошо. Очень хорошо, - произнес Альтаир.
 - Но есть кое-что очень важное, что я не понимаю, - сказал Дарим. - Зачем ты построил такую огромную библиотеку - на ее строительство ушли десятилетия - если ты не собирался хранить здесь книги?
- Альтаир перебил сына взмахом руки.
- Дарим, тебе хорошо известно, что я пережил в свое время. Скоро я отправлюсь в путь, в котором мне уже ничего не понадобится. Но ты сам ответил на свой вопрос. Хулагу повторит здесь сделанное в Багдаде. Однажды мы вынудили их отступить, но они вернутся. И к этому времени Масиаф должен быть пуст.
- Дарим заметил, что отец сильнее прижал к груди небольшую шкатулку, словно пытаясь ее защитить. Он посмотрел на Альтаира, такого хрупкого, словно он был сделан из пергамента, но твердого и сильного в душе.
- Я понял, - кивнул он. - Это не библиотека, а тайник.
- Отец мрачно кивнул.
- Это должно оставаться тайной, Дарим. Для всех, кто будет жаждать сюда добраться. По крайней мере, до той поры, пока не придет время открыть его тайну.
 - Какую тайну?
- Альтаир улыбнулся и встал.
- Не обращай внимания. Иди, сын. Иди, заботься о семье и живи в мире.
- Дарим обнял его.
- Всем хорошим во мне я обязан тебе, - сказал он.
- Они отстранились друг от друга. Альтаир подошел к двери. Он напряг все свои силы, чтобы опустить рычаг. Тяжелая дверь из зеленого камня медленно начала подниматься. Отец и сын безмолвно смотрели друг на друга. Дарим пытался сохранить самообладание, но, в конце концов, когда дверь окончательно закрылась, заживо похоронив его отца, не смог сдержать слез. Когда он снова обрел способность мыслить здраво, то обнаружил, что дверь практически не отличается по цвету от стен. Разве что дверь покрывали небольшие отверстия.
- Глубокое горе охватило Дарима, когда он пошел к выходу.
- Кем были те, кто пришел раньше, - думал Альтаир, медленно ступая по длинному коридору, ведущему в круглую комнату. Факелы на стенах загорались по мере его продвижения. Горючий газ шел по трубам, спрятанным в стенах, и загорался от кремня,*

автоматически высекавшего искру, когда Альтаир наступал на плитки пола. Мгновение они горели за его спиной, а потом гасли.

Что привело их сюда? Что заставило уйти? А эти артефакты? Это послания нам, инструменты, которые должны помочь? Или же мы сражаемся за мусор, объявляя священными реликвиями их сломанные игрушки?

Он шаркающей походкой пересек коридор, прижимая к себе коробку. Руки и ноги у него болели от усталости.

Наконец, он добрался до круглой комнаты и до своего стола. Он ощущал облегчение, какое ощущает тонущий в море, когда хватается за доску.

Альтаир сел, положив коробку на стол, в пределах досягаемости - ему не очень хотелось выпускать ее из рук. Потом ассасин вытащил бумагу, перо и чернила, обмакнул перо, но писать не стал. Вместо этого он подумал о том, что собирался написать - о тексте из его дневника.

Яблоко – это не просто хроника того, что было. Иногда в нем я вижу проблески того, что нас ждет. Такого не может быть!.. Может, это и не будущее, возможно, это просто подсказка? Как знать? Эти видения не выходят у меня из головы. Произойдут ли подобные события в будущем, или они – лишь то, что может случиться? Можем ли мы повлиять на исход? Смеем ли мы даже пытаться? А если это удастся, то не воплотим ли мы этим то, что видели? Я, как всегда, разрываюсь между действием и бездействием, не зная, что из двух может что-либо изменить. Да и могу ли я что-то изменить? Тем временем, я продолжаю вести этот дневник. И разве это – не попытка изменить или, наоборот, способствовать тому, что я увидел?..

Как это наивно – верить, что на каждый вопрос есть только один ответ, у каждой загадки только одна разгадка, что всем управляет только один божественный свет. Нам говорят, что этот свет несет любовь и истину, но я утверждаю, что он ослепляет нас, обрекая на прозябание в невежестве. Я мечтаю о том дне, когда люди отвернутся от невидимых чудовищ и снова примут более рациональную картину мира. Но, к сожалению, эти новые религии такие удобные и обещают такую страшную кару тем, кто их не принимает... Боюсь, что страх помешает нам раскрыть величайший обман в истории человечества...

Старик некоторое время сидел в молчании, не зная, какое из чувств, охвативших его, сильнее - надежда или отчаяние. Возможно, не то и не другое. А возможно, он перерос, или пережил, оба из них. Тишина огромного зала и мрак в нем окутали его бережно, словно материнские руки. Но все же Альтаир не мог отогнать воспоминания о прошлом.

Он отпихнул прочь письменные принадлежности и притянул к себе шкатулку, закрыв ее обоими руками, словно защищая... от чего?

Ему показалось, что перед ним стоит Аль Муалим. Его бывший Наставник. Предатель. Которого он уничтожил собственными руками. Но когда Аль Муалим заговорил, в голосе его звучали угроза и властность:

- Во многих мудрости многие печали. И кто умножает знания, тот умножает скорбь, - призрак наклонился вперед, к уху Альтаира, и шептал: - Уничтожь его! Уничтожь, как ты и обещал!

- Я... Я не могу!

Другой голос. Достигший самой его души. Альтаир обернулся. Аль Муалим исчез. Где же **она**? Он ее не видел!

- Ты ступаешь по лезвию клинка, Альтаир, - говорила Мария Торпе. Голос был молодой и уверенный. Как тогда, когда он впервые встретил ее семьдесят лет назад.

- Мной управляет любопытство, Мария. Как бы ужасен не был этот артефакт, он содержит удивительные вещи. Я должен понять их.

- Что оно сказала тебе? Что ты видел?

- Странные видения и послания. О тех, кто пришел раньше, об их величии и падении...

- А мы? Мы же остались!

- Все мы звенья одной цепи, Мария.
- *Но что же будет с нами, Альтаир? С нашей семьей? Что сказала Яблоко?*
- Кем были те, кто пришел раньше? - ответил Альтаир. - Что привело их сюда? И как давно? - Но говорил он больше для себя, чем для Марии, которая снова прервала его размышления.
- *Избавься от него!*
- Это мой долг, Мария, - печально сказал Альтаир жене.
Мария громко, страшно закричала. А потом раздался хрип, как тогда, когда она умерла.
- *Будь сильным, Альтаир,* - шепот.
- Мария! Где... Где ты? - его крик эхом отразился от стен зала. - Где она? - лишь эхо звучало в ответ.
Разделся третий голос. Он звучал огорченно, но изо всех сил пытался успокоить ассасина.
- *Отец... она ушла. Ты не помнишь? Она ушла,* - сказал Дарим.
Но ответом ему был отчаянный крик:
- Где моя жена?
- *Прошло уже двадцать пять лет, старый дурак! Она мертва!* - сердито крикнул сын.
- Оставь меня. Дай сделать мое дело!
И следом более мягкое:
- *Отец... что это за место? Для чего оно?*
- Это библиотека. И архив. Чтобы сохранить то, что я узнал. И все, что Они показали мне.
- *Но что они тебе показали, отец?* - пауза. - *Что произошло в Аламуте? Что ты нашел?*
Тишина. И тишина эта окутала Альтаира, словно теплое облако. Он сказал:
- Теперь я знаю их цели. Их секреты. Их мотивы ясны. Но это сообщение предназначено не мне. Оно для другого.
Он посмотрел на шкатулку на столе. *Я больше не коснусь этого артефакта. Скоро я покину этот мир. Мое время пришло. Теперь все мои дни наполнены мыслями и страхами, происходящими от осознания этого факта. Я знаю, что материя, из которой состоит тело, вернется в землю. Но что станет с моим сознанием, с моей личностью – то есть со МНОЙ? Подозреваю, что всему этому настанет конец. Я не отправлюсь в следующий мир и не вернусь в этот. Я просто исчезну. Навсегда.*
Он открыл коробку. Там на коричневой бархатной подушке покоилось Яблоко. Частица Эдема.
- Если кто спросит, скажи, что я отослал Яблоко. Отправил его на Крит, утопил в море – неважно. Скажи что угодно... Яблоко не должно быть найдено пока не придет время.
Он минуту смотрел на него, потом встал и повернулся к темной нише в стене за его спиной. Альтаир нажал на рычаг, открывая тяжелую дверь, скрывающую нишу, в которой стоял пьедестал. Альтаир взял Яблоко - оно было величиной не больше мяча - и положил на пьедестал. Он действовал быстро; прежде чем искушение вновь охватило его, ассасин снова нажал на рычаг. Дверь закрылась, запечатав нишу. Альтаир знал, что рычаг не будет работать еще два с половиной века. Возможно, пришло время миру двигаться дальше. А для него - положить конец искушению.
Он снова сел за стол и достал из шкатулки белый алебастровый диск. Зажег свечу и сжал диск в ладонях, поднеся его к глазам. Потом опустил веки, сконцентрировавшись, и начал заполнять диск своими мыслями - своим завещанием.
Каменный диск долго светился, освещая его лицо. Потом свет померк, и стало темно. Все исчезло.

Эцио снова и снова в свете свечи вертел диск в руках. Он не знал, как увидел то, что увидел. Но его переполняли братские, даже родственные чувства, к тому, кто сидел рядом. Эцио недоверчиво посмотрел на Альтаира.
- Еще один артефакт? - спросил он. - Еще одно Яблоко?

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Он знал, что нужно сделать, но действовал как во сне. Эцио осторожно положил диск обратно на стол и подошел к стене. Он знал, где искать рычаг, и аккуратно нажал на его, и когда дверь скользнула вниз, ахнул. «Я думал, что было только одно. То, что мы с Макиавелли оставили в убежище под церковью Сан-Николо-ин-Карчере. И теперь... его близнец!»

Мгновение он смотрел на Яблоко. Оно было темным и холодным - безжизненным. Но Эцио ощутил, как рука, против его воли, тянется к артефакту.

Ему пришлось приложить усилия, чтобы остановиться.

- Нет! Ты должно остаться здесь!

Он отступил.

- Я достаточно видел для одной жизни!

Эцио положил ладонь на рычаг.

Но Яблоко вспыхнуло, и свет ослепил Эцио. Он попятился и, повернувшись, увидел в центре комнаты, освещенной ослепительно ярким светом, мир - весь мир! - который вращался в воздухе, в двадцати футах от пола. Гигантский шар синего, коричневого, белого и зеленого цветов.

- НЕТ! - закричал он, закрывая глаза руками. - Я сделал достаточно! Я прожил жизнь, как смог, не зная своей цели, но стремясь к ней, словно мотылек, летящий на огонь. Хватит!

Слушай. Ты лишь сосуд для сообщения, которое не сможешь понять.

Эцио не знал, откуда идет этот голос, и кому он принадлежал. Он открыл глаза и попытался зажать руками уши, отвернуться к стене, но тело ему не подчинялось, словно кто-то дергал за ниточки.

Его развернуло к центру комнаты. В воздухе висели триллионы ярких цифр и знаков, расчетов и формул, слов и фраз. Некоторые из них перемещались: объединялись в одну систему, в которой виделся определенный смысл, а потом снова расходились, тонули в хаосе. Из его центра доносился голос старика - старика, потому что время от времени он начинал дрожать. В нем звучала властность. Это был самый величественный голос, который только слышал Эцио.

- Ты слышишь меня, низший? Видишь меня?

А потом Эцио увидел на расстоянии что-то похожее на человека. Он шел к ассасину через сияющее море символов, которыми когда-либо пользовался человек и которые когда-либо пытался понять. Шел по воздуху, не касаясь земли. Но Эцио знал, что фигура никогда до него не доберется. Они находились по разные стороны непреодолимой бездны.

А. Вот и ты.

Цифры вокруг фигуры сдвинулись и засветились. А потом разлетелись в разные стороны, но так и не смогли вырваться за пределы некоего ограниченного пространства. Фигура обрела ясность. Это оказался мужчина, который был крупнее и выше всех известных Эцио. Ассасин вспомнил статую греческого бога, которую показал ему Микеланджело, когда Папа Юлий конфисковал все ценности, накопленные Борджиа. Древний бог. Зевс или Посейдон. На лице у него была борода. В глазах сияла неземная мудрость. Цифры и формулы вокруг него наконец-то перестали метаться и стали отдаляться все быстрее и быстрее, пока не исчезли. Исчез и мир. Остался только мужчина. Кто же он?

Юпитер. Мое имя Юпитер. Думаю, ты встречал моих сестер.

Эцио смотрел на это существо, но само оно лишь наблюдало, как в воздухе исчезают последние формулы.

Когда голос раздался вновь, в нем слышалась неуверенность.

Нексус Времени странное место. Я не привык... к расчетам. Этим всегда занималась Минерва.

Он вопросительно посмотрел на Эцио. Но во взгляде читалось что-то еще. Глубокая печаль и своего рода отцовская гордость.

Я вижу, у тебя есть вопросы. Слушай и я все расскажу.

Свет в центре комнаты немного потускнел, и там снова появилась призрачная синяя вращающаяся сфера. Она висела позади Юпитера, и медленно увеличивалась, пока не заняла почти всю комнату.

И до конца и после него мы пытались спасти мир.

На огромном вращающемся шаре стали появляться одна за другой небольшие точки.

Точки отмечают места, в которых мы соорудили хранилища и в которых работали. В каждом искали свой путь к спасению.

Эцио увидел одну из точек, располагающуюся недалеко от восточного побережья огромного континента. Он не мог даже представить себе, что эта земля существует, знал только, что его друг, Америго Веспуччи, десять лет назад открыл ее. А еще Эцио видел карту Вальдземюллера, изображавшую все обнаруженные земли. Но сфера перед ним показывала еще континент, располагающийся южнее земель, открытых Веспуччи. Могла ли там располагаться земля? Это казалось маловероятным.

Они находились под землей, чтобы их не коснулась война, и на тот случай, если мы потерпим неудачу.

Эцио увидел, как вращающуюся сферу начинают покрывать вытягивающиеся лучи света. Они пересекали точки, в том числе и ту, что находилась на странном новом континенте, и так пока вся сфера не покрылась узором из светящихся линий.

Из каждого хранилища знания поступали в единый центр.

Эцио неожиданно увидел огромную сферу очень близко. Ему показалось, что он падает на нее через пространство, и когда он уже подумал, что сейчас врежется в землю, его подняло выше. Он заскользил над поверхностью земли, влетел в какую-то шахту и вскоре оказался в огромном подземном здании, похожем на храм или дворец.

Это было нашей работой... моей и моих сестер, Минервы и Юноны - разбирать и анализировать данные. Мы выбирали наиболее перспективные решения и взвешивали их преимущества.

Эцио стоял в огромном зале, в загадочном хранилище на загадочной земле - или ему это только казалось - а рядом с ним стояли Юпитер, Юнона и Минерва...

Мы испробовали шесть способов, один лучше другого. Но ничего не сработало. А потом... мир погиб.

Последнее заявление прозвучало так легко и таким равнодушным тоном, что Эцио растерялся. Он увидел, как грустно и сердито Минерва и Юнона смотрят, как Юпитер приводит в действие сложный механизм, который поднял огромные двери и запечатал хранилище. А потом...

Волна немыслимой силы обрушилась на хранилище с небес и осветила небо, словно десятки тысяч северных сияний. Эцио показалось, что он стоит среди сотен тысяч людей в прекрасном городе и наблюдает сверхъестественное видение, раскинувшееся над ними. Но потом легкий ветерок менее чем за минуту превратился в шторм, а потом в ураган. Люди с недоверием смотрели друг на друга, потом началась паника, и все бросились в укрытие.

Небо, на котором полыхали волны зеленого огня, затрещало и заискрилось молниями. Раздался гром, хотя не было видно ни облака, удары молний били в деревья, здания и людей. В воздух поднимались мусор и обломки, уничтожая все на своем пути.

Потом землю сотрясла дрожь колоссальной силы. Те, кто еще оставался на поверхности, потеряли равновесие, и, прежде чем смогли встать, были раздавлены камнями, обрушившимися на них. Ветер поднимал в воздух обломки, словно это были комки бумаги. Земля снова содрогнулась, на этот раз сильнее, крики и вопли раненых потонули в треске молний и грохоте грома. Выжившие пытались найти укрытие, другие пытались подняться, хватаясь за остатки зданий.

Но среди общей разрухи храмы остались стоять невредимыми, катастрофа была не в силах соперничать с технической изобретательностью строителей храмов. Потрескавшаяся

земля содрогнулась еще раз, потом другой. Небо полыхало, искривленные молнии сверкали до самого горизонта, а земля грозила развалиться на части.

Эцио, который наблюдал за происходящим издалека, показалось, что весь мир ослепила мощная солнечная вспышка, попавшая в паутину огненных гигантских шаров. Потом, ось сферы немислимым образом сместилась, и мир перевернулся.

Земная кора треснула, и прекрасный город, со всеми его высокими зданиями и ухоженными парками, обрушился вниз. Уцелевшие здания разлетелись на куски. Оставшиеся на поверхности люди кричали от ужаса и боли, потому что смена полюсов лишила планету защиты от смертельного излучения солнца. Остатки зданий смело, словно карточные домики.

А потом все утихло так же внезапно, как и началось. Северное сияние исчезло, словно погасло пламя свечи, и ветер почти сразу стих. Но катастрофа сделала свое дело. Она не пощадила ничего. Пожары и дым, темнота и разруха отныне царили повсюду.

Сквозь ядовитые испарения до Эцио донесся голос Юпитера. Или кого-то вроде него. Эцио не был уже ни в чем уверен.

Слушай. Ты должен отправиться туда, где мы работали... Работали и потерпели неудачу. Мои слова... переложи их из своей головы в руки. И ты увидишь, как открывается Путь. Но будь осторожен. Много еще пребывает в движении. И я не знаю, чем все закончится - в моем времени и в твоём.

Песчаная буря стихла, расплавленная лава остыла. Время ускорилося, и Эцио увидел, как над пораженной землей поднимаются первые крошечные ростки, и как земля возрождается. Открылся вход в подземелье, на поверхность вышли люди первой цивилизации и стали восстанавливать утраченное. Но их было очень мало.

На протяжении веков их становилось все меньше и меньше. Сперва было несколько сотен, потом десятков, а после... никого не осталось.

То, что они построили, кануло в летах. Здания рассыпались в прах. Время было неумолимо. Низкие холмы, обильно заросшие лесами, сменились просторной голой равниной. А потом появились люди, не похожие на первых. Люди нынешние, те, кого *Первые* создали как рабов, и кто освободился, став их наследниками на земле. Некоторые из них смешивались с *Первыми*, и от них пошли люди, чьи силы превосходили силы обычных людей.

Но все же истинными наследниками *Первых* были люди. Сперва на эту неизвестную землю пришли мужчины и женщины с кожей бронзового цвета и длинными прямыми черными волосами. Гордый народ, который пас странных бурых быков, ездил без седел на приземистых крепких пони и охотился с помощью лука и стрел. Они жили отдельными племенами и воевали друг с другом, хотя и не очень жестоко.

А потом пришли другие люди. Кожа их была бледнее, а одежда отличалась. Они пришли на кораблях из Европы и Средиземноморья. Они стали убивать аборигенов и изгонять с их земель, где строили свои фермы и деревни, а после поселки и города. Они будто бы соперничали с первой цивилизацией, тысячелетия назад стертой с лица земли.

Запомни это. Никогда не прекращайте борьбу за справедливость. Даже когда вам покажется, что эту битву вам не выиграть, что все надежды потеряны. Борьба. От нее зависит, выживет ли истина, выживет ли мир. Вы живете, балансируя на краю обрыва, и ничего не сможете с этим поделать. Ваша задача – сохранять баланс, сделать так, чтобы остальные никогда не выбрали неправильный путь. И вы способны на кое-что еще: вы способны любить.

Эцио вцепился в стол. Рядом с ним в кресле сидел Альтаир. На столе ничего не шелохнулось, лист пергамента спокойно лежал, а рядом ровно горела свеча.

Он не знал, как оказался у стола, и теперь сделал несколько шагов. Яблоко все еще покоилось на пьедестале в алькове, холодное и мертвое. Эцио едва мог разглядеть в темноте его контуры. Пыльная шкатулка, в которой оно некогда лежало, стояла на столе.

Эцио взял себя в руки и направился обратно в коридор, который снова приведет его к солнечному свету и Софии.

Но у входа он обернулся и в последний раз посмотрел на Альтаира, навеки оставшегося сидеть в призраке библиотеки.

- Прощай, Наставник, - прошептал Эцио.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

У двери Эцио нашел рычаг и нажал его. Дверь из зеленого камня послушно скользнула вниз. София сидела и читала книгу.

Когда Эцио появился, она улыбнулась, встала и, подойдя к нему, взяла за руку.

- Ты вернулся, - сказала она. В голосе ее слышалось неприкрытое облегчение.

- Я же обещал.

- Ты нашел то, что искал?

- Я нашел... достаточно.

Она задумалась.

- Я думала...

- Что?

- Я думала, что больше тебя не увижу.

- Иногда наши худшие предчувствия не оправдываются.

Она посмотрела ему в глаза.

- Должно быть, я сошла с ума. Думаю, ты нравишься мне, даже когда ведешь себя столь напыщенно, - она помолчала. - Куда мы теперь?

Эцио улыбнулся.

- Домой, - сказал он.

ЧАСТЬ 3

*О Вечный Свет, который лишь собой
Излит и постижим и, постигая,
Постигнутый, лелеет образ свой!*

Данте, Божественная Комедия, Рай, Песнь тридцать третья

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Всю обратную дорогу до Константинополя Эцио молчал. София, помня об угрозе Селима, спросила: «Стоит ли вообще возвращаться?» Но Эцио коротко бросил: «Еще многое предстоит сделать».

София, молча, удивлялась - Эцио замкнулся в себе, словно ему было очень плохо. Но когда на севере появились золотые купола и белые минареты, настроение у него поднялось. И София снова увидела в его темно-серых глазах знакомый блеск.

Они вернулись в лавку. Магазин сложно было узнать - Азиза навела там порядок и аккуратно разложила по полкам книги. Девушка-ассасин, отдавая ключи от лавки, очень извинялась за своеволие, но София заметила, что в магазине полно покупателей.

- Доган хотел увидеть вас, Наставник, - сказала Азиза, поприветствовав Эцио. - И еще: принц Сулейман уже знает о вашем возвращении, и просил заверить, что никто вас не тронет. Но его отец считает, что вам лучше надолго не задерживаться.

Эцио и София переглянулись. Они недолго были знакомы. Но когда София предложила Эцио сопровождать его в Масиаф, он, к ее удивлению, без возражений согласился. Ей даже показалось, что это его обрадовало.

Переговорив с Доганом, Эцио выяснил, что у турецких ассасинов в городе появилась новая база - с молчаливого согласия Сулеймана и под его неофициальной защитой. В городе, как и по всей Империи, разыскивали и уничтожали последних турков-ренегатов и византийцев, которые после смерти Ахмета и Мануила, остались без предводителя. Под железной рукой Селима даже в рядах янычаров больше не осталось разногласий, потому что случилось то, на что они так надеялись. Их принц стал султаном.

Что касается тамплиеров, то когда их базы по всей Италии, а теперь и по всему Востоку, были разрушены, они исчезли. Но Эцио знал, что это лишь временное затишье. Его терзали тяжелые мысли о дальнем Востоке и знаниях, которые ему передал Юпитер. И о неоткрытых континентах, если они, конечно, существуют, далеко за Западным морем.

Доган, хоть и ему не доставало настойчивости Юсуфа, хорошо справлялся со своими обязанностями благодаря организаторским способностям и безоговорочной верности Кредо. «Однажды он сможет стать Наставником», - подумал Эцио. Но его собственные эмоции и чувства не были столь же безмятежными. С одной стороны, он больше не знал, во что верить (если он вообще верил хоть во что-нибудь), а с другой был озабочен предстоящим возвращением домой.

Домой! Что он мог бы назвать домом? Рим? Флоренцию? Свою работу? У него не было настоящего дома. В глубине души, после случившегося в библиотеке Альтаира в Масиафе, он знал, что перевернул последнюю страницу своей жизни. Он сделал все, что мог, добился мира и стабильности - по крайней мере на какое-то время - в Италии и на Востоке. Неужели он не может теперь пожить для себя? Дни его были сочтены, он знал это, но их еще оставалось достаточно, чтобы насладиться плодами своей жизни. Если, конечно, он осмелится рискнуть.

День летнего солнцестояния 1512 года Эцио встретил, празднуя свой пятьдесят третий день рождения вместе с Софией. Дни, отпущенные ему на пребывание в городе Селимом, подходили к концу. Настроение у Эцио было мрачным. И ассасин и София испытывали неясную тревогу, словно над ними висел незримый меч. В честь дня рождения женщина приготовила ужин по-флорентийски: небольшие салими и феттунта, маринованные

огурцы, пасту с лангустром, бифштекс по-флорентийски и на закуску кусок замечательного сыра пекорино. В качестве пирога она испекла кастаньяччо, и приготовила много пирожных с орешками. Но вино, решила София, должно быть непременно из Венето.

Ужин получился настолько потрясающим, и она приложила столько усилий, что Эцио старался оценить все по достоинству. Но София все равно заметила, что даже яства его родины, которые она с таким трудом достала и приготовила, - последнее, что его волнует.

- Что ты будешь делать дальше? - спросила она.

Эцио вздохнул.

- Вернусь в Рим. Здесь моя работа закончена. - Он помолчал. - А ты?

- Думаю, останусь здесь. Займусь тем, чем и занималась прежде. Хотя из Азизы получился лучший букинист, чем из меня.

- Может, тебе стоит попробовать себя в чем-то новом.

- Не знаю, смогу ли я решиться на это. Хотя... - она замолчала.

- Хотя что?

Она посмотрела на него.

- Я узнала, что есть жизнь и вне книг.

- Жизнь вообще всегда находится вне книг.

- Ты говоришь, как настоящий ученый.

- Это жизнь создает книги, а не наоборот.

София внимательно смотрела на него и думала, сколько он еще будет колебаться. Примет ли когда-нибудь решение? Осмелится? Да и захочет ли - хотя она боялась даже думать об этом, - и решится ли она сама подсказать ему, как поступить? Та поездка в Адрианаполь дала ей понять, что с ней произошло, и она была уверена, что с ним случилось то же самое. Они любили друг друга - ну, конечно же, любили. Но то, чего она ждала, так и не произошло.

Они долго сидели в тишине. Напряжение висело в воздухе.

- Азизу не испугало то происшествие с Ахметом, - наконец сказал Эцио, медленно разливая по бокалам Соаве. - Она просила спросить у тебя, не будешь ли ты против, если она останется здесь работать?

- Ты заинтересован в этом? Почему?

- Из магазина вышел бы отличный координационный центр для местных ассасинов, - пояснил Эцио и поспешно поправился: - Конечно, это было бы вторичной функцией. Зато Азиза бы нашла-таки свое место в Ордене. Если, конечно, ты...

- Что я?

Эцио нервно сглотнул.

- Я... я пойму, если ты...

Он встал на ноги, а потом опустился на одно колено.

Сердце у женщины забилося, как сумасшедшее.

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ

Они решили сыграть свадьбу в Венеции. Дядя Софии был главным викарием собора Санта Мария Глорियोа деи Фрари в районе Сан-Поло и сам предложил провести церемонию. Узнав, что покойный отец Эцио был выдающимся банкиром Джованни Аудиторе, он искренне благословил пару на брак. Эцио послал приглашение Пьетро Бембо, но бывший любовник Лукреции Борджиа не смог приехать, находясь далеко - в Урбино. В числе гостей на свадьбе присутствовали дож Леонардо Лоредан и молодой, но крайне талантливый художник Тициан Вечеллио, который был так поражен красотой Софии, что предложил недорого, в качестве свадебного подарка, написать для пары двойной портрет.

Ассасины выплатили Софии щедрые отступные за магазин, и Эцио, снова спустившись в цистерны, замуровал там пять ключей Масиафа.

Азизе было грустно, что Эцио и София уезжают, но она радовалась новой работе.

После свадьбы они задержались в Венеции, и София заново начала узнавать город, в котором выросла, и знакомиться с оставшимися в живых родственниками. Но Эцио терзало беспокойство. Клаудия присылала из Рима письма, в которых просила поторопиться. Папа Юлий II, покровитель ассасинов, которому исполнилось шестьдесят девять лет, был болен. Преемник был еще не определен, и Братство остро нуждалось в Эцио, чтобы удержать ситуацию под контролем в предстоящий переходный период.

Но Эцио, не смотря на волнение, не хотел ничего предпринимать до отъезда.

- Я больше не хочу вмешиваться во все это, - сказал он как-то Софии. - Теперь я хочу пожить для себя.

- И подумать о себе.

- Да, и это тоже.

- Но все же, у тебя есть долг.

- Я знаю.

Терзали его ум и другие мысли. Глава северо-европейского отделения Братства, Эразм Дезидериус, написал Клаудии из Королевского колледжа в Кембридже, где в настоящее время жил и учился странствующий ученый, что недавно в Виттенберге назначили нового профессора богословия. Это был юноша по фамилии Лютер, за которым необходимо было понаблюдать, потому что его религиозные воззрения могли привести к чему-то большему и поставить под угрозу хрупкую стабильность в Европе.

Он поделился с Софией своими мыслями.

- И что делает Эразм?

- Наблюдает. И ждет.

- Вы будете набирать новых людей в Орден, если Римская церковь на севере потеряет свое влияние?

Эцио развел руками.

- Придется посоветоваться с Дизидериусом. - Он покачал головой. - В мире всегда будет царить несогласие.

- Но разве это не главный признак жизни?

Он улыбнулся.

- Возможно. И возможно, это уже не моя битва.

- Не похоже на тебя, - она помолчала. - Однажды ты расскажешь мне, что случилось под хранилищем в Масиафе?

- Однажды.

- Тогда почему бы не рассказать сейчас?

Эцио посмотрел на жену.

- Хорошо. Я пришел к выводу, что человечество, как бы оно не старалось достичь мира и единства, никогда не обретет их. Это как жизнь любого из нас: смерть прерывает ее. Но и это не конец - всегда остаются какие-то незавершенные дела, - Эцио держал в руках

«Песни» Петрарки и сейчас приподнял книгу: - Это как книга, - продолжил он: - Смерть не будет ждать, когда ты ее дочитаешь.

- Тогда прочитай все, что сможешь, пока жизнь продолжается.

И Эцио решил-таки вернуться в Рим.

К тому времени София уже ждала ребенка.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

- Что вас так задержало? - возмутилась Клаудия, а потом обняла брата и расцеловала в обе щеки. - Брат мой! А ты поправился. Это все от венецианской пищи, она не идет тебе на пользу.

Когда Эцио и София добрались до штаба ассасинов на острове Тиберина, стоял февраль. Их прибытие совпало с похоронами Папы Юлия.

- У меня есть хорошая новость, - продолжила Клаудия. - Говорят, новым Папой изберут Джованни ди Лоренцо де Медичи.

- Но он же только дьякон.

- Когда это останавливало того, кто желал стать Папой?

- Что ж, будет неплохо, если он этого добьется.

- Его поддерживает почти вся коллегия кардиналов. Он уже выбрал имя - Лев.

- Он помнит меня?

- Он никогда не забудет тот день в Дуомо, во Флоренции, когда ты спас жизнь его отцу. И его собственную, кстати, тоже.

- Да, - кивнул Эцио вспоминая. - Пацци. Давно это было.

- Давно. Но малыш Джованни уже вырос. Ему сейчас тридцать восемь лет, представляешь? Он очень упрямый человек.

- Главное, чтобы он не забывал своих друзей.

- Он сильный. Вот что важно. И хочет, чтобы мы оставались на его стороне.

- Ели он будет справедлив, мы будем с ним.

- Он нужен нам так же, как мы нужны ему.

- Верно, - Эцио замолчал, оглядывая убежище. Столько воспоминаний. Но сейчас ему казалось, что они не имели к нему никакого отношения. - Я кое-что хотел обсудить с тобой, сестра.

- Да?

- Это вопрос... о моем преемнике.

- В качестве Наставника? Ты бросаешь нас? - в голосе ее не слышалось ни капли удивления.

- Я рассказал тебе, что случилось в Масиафе. Я сделал все, что мог.

- Брак сделал тебя мягким.

- А тебя нет, хотя ты дважды была замужем.

- Кстати, я одобряю твой выбор, хоть она и венецианка.

- Благодарю.

- Когда произойдет это счастливое событие?

- В мае.

Клаудия вздохнула.

- Точно. Эта работа так изматывает. Видит Бог, я занимаюсь этим всего два года вместо тебя, но уже начинаю понимать, какую тяжесть ты таскал на плечах все это время. Ты уже думал, кто займет твое место?

- Да.

- Макиавелли?

Эцио покачал головой.

- Он никогда не согласится. И он слишком много думает для того, чтобы быть лидером. Наша работа, - и я говорю это со всей скромностью, - нуждается в человеке сильном и уверенном. В наших рядах есть один такой. Раньше мы никогда не призывали его на помощь, но исходя из того, что я разузнал о его дипломатических миссиях, думаю, он готов.

- И ты считаешь, что остальные - сам Никколо, Бартоломео, Роза, Паола и Ла Вольпе - поддержат твой выбор?

- Думаю, да.

- И кто же это?

- Лодовико Ариосто.
 - Он?
 - Он дважды ездил из Феррары в Ватикан в качестве посла.
 - И Юлий его чуть не убил.
 - Это была не его вина. Тогда у Юлия были разногласия с герцогом Альфонсо.
 Клаудия удивленно посмотрела на брата.
 - Эцио, ты сошел с ума? Разве ты не помнишь, на ком женат Альфонсо?
 - Да, на Лукреции.
 - *Лукреции Борджиа*.
 - Теперь она ведет тихую спокойную жизнь.
 - Скажи это Альфонсо! Тем более Ариосто болен, я уж молчу о том, что он поэт! Я слышала, она работает над какой-то чепухой о *сире Роланде*.
 - Данте тоже был поэтом. Быть поэтом не значит быть слабаком, Клаудия. Лодовико всего тридцать восемь, у него есть все необходимые связи, и, прежде всего, он чтит Кредо.
 Клаудия угрюмо насупилась.
 - Мог бы еще Кастильоне предложить, - пробормотала она. - Он вообще актер.
 - Я принял решение, - твердо заявил Эцио. - Но окончательное, разумеется, примет Совет.
 Клаудия долго молчала, потом улыбнулась.
 - Тебе, правда, нужно отдохнуть Эцио. Может, всем нам нужно. Какие у тебя теперь планы?
 - Я еще не знаю. Думаю, сперва покажу Софии Флоренцию.
 Клаудия погрузилась.
 - От Аудиторе там уже почти ничего не осталось. Ты слышал, что Аннетта умерла?
 - Аннетта? Когда?
 - Два года назад. Я разве тебе не писала?
 - Нет.
 Они оба замолчали, вспоминая старую экономку, которая осталась верна им и спасла их, когда всю их семью и их дом уничтожили тамплиеры, тридцать лет назад.
 - И все же, мы поедem туда.
 - И что ты будешь там делать? Останешься в городе?
 - Сестренка, я, правда, не знаю. Но я думал... если найду подходящее место...
 - То что?
 - Я мог бы посадить небольшой виноградник.
 - Ты же ничего в этом не смыслишь!
 - Я научусь.
 - Ты - и виноградник! Срезать гроздьи!
 - Ну, я же знаю, как пользоваться клинком.
 Клаудия смирила его презрительным взглядом.
 - Брунелло ди Аудиторе*! А чем же ты будешь заниматься между сборами урожая?
 - Ну, я думал, что могу попробовать написать книгу.
 Тут Клаудия не стала сдерживаться и рассмеялась.

* Клаудиа намекает на название будущего вина, по аналогии со знаменитым Брунелло ди Монтальчи.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Но позже Клаудия с удовольствием навещала поместье на холмах близ Флоренции, которое приобрели Эцио и София. Вложив в полуразрушенное поместье деньги, полученные от продажи книжного магазина Софии ассасинам, и собственный капитал Эцио, они за два года превратили его в скромный, но весьма прибыльный виноградник. Эцио похудел и загорел, и целыми днями ходил в простой одежде. София часто ругалась, что руки его слишком загрубели от работы на винограднике и не подходят для занятий любовью.

Но это ничуть не помешало им родить двух детей: Флавию в мае 1513 года и Марчелло - годом позже, в октябре.

Клаудия любила племянников сильнее, чем полагала, что сможет полюбить. Однако, даже учитывая двадцатилетнюю разницу в возрасте, она была уверена, что никогда не станет для Софии своего рода свекровью. Клаудия никогда не вмешивалась в их отношения и заставляла себя приезжать в поместье Аудиторе близ Фьезоле в два раза реже, чем ей самой хотелось бы. Тем более, в Риме у нее самой появился новый муж.

Но даже Клаудия не любила детей так, как любил их Эцио. В них и в Софии Эцио наконец-то нашел смысл, который искал всю жизнь.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

У Макиавелли, по политическим причинам, было трудное время. Он даже некоторое время пробыл в изгнании. Но когда все оказалось позади, и Макиавелли снова смог вернуться во Флоренцию, он стал частым гостем на вилле Аудиторе.

Когда его долго не было, Эцио начинал скучать, хотя его и раздражали едкие комментарии старого друга на счет отговорок, которые он придумывал вместо того, чтобы сесть и написать мемуары. Урожай 1518 года был плох, и Эцио умудрился подхватить какую-то инфекцию, которую проигнорировал, и которая терзала его всю зиму.

Близилась весна 1519 года.

Ранним вечером Эцио в одиночестве сидел у камина в столовой с бокалом красного домашнего вина. Перед ним лежали перо и бумага, и он в очередной раз пытался начать шестнадцатую главу, но воспоминания казались ему куда скучнее реальных событий. Поэтому спустя некоторое время он как обычно отодвинул рукопись подальше. Эцио собирался выпить вина, но его одолел приступ болезненного кашля, и бокал упал на стол со страшным грохотом. Вино разлилось, но бокал не разбился. Эцио встал, чтобы подхватить бокал, подкатившийся к самому краю стола, и аккуратно поставил его, когда вошла София.

- Как ты, любимый?

- Все хорошо. Извини за беспорядок. Дай мне тряпку.

- Забудь о тряпке. Тебе надо отдохнуть.

Эцио нащупал рукой стул, и София, подойдя к нему, помогла ему сесть.

- Сиди, - мягко приказала она, а потом достала бутылку без этикетки, горлышко которой было обмотано белой тканью, и проверила, сколько вина там осталось.

- Лучшее лекарство от простуды, - застенчиво подал голос Эцио. - Никколо еще не приехал?

- Уже здесь, - ответила София и сухо добавила: - Я принесу вам другую бутылку. Эта почти пустая.

- Писателю нужно топливо для идей.

В комнату без церемоний вошел Макиавелли, имевший на это полное право как частый гость и старый друг, и взял у Софии тряпку.

- Разреши мне, - он вытер бокал, потом стол. Эцио кисло наблюдал за ним.

- Я пригласил тебя, чтобы выпить, а не убираться.

Макиавелли закончил работу, и лишь потом ответил с улыбкой:

- Я могу заняться и тем, и другим. Чистая комната и бокал хорошего вина - все, что нужно человеку, чтобы чувствовать себя счастливым.

Эцио рассмеялся.

- Ерунда! Ты говоришь, как герой одной из своих пьес.

- Ты никогда не видел его пьес, - возразила София, покачав головой.

Эцио смутился.

- Ну, фантазия же у меня есть.

- Правда? Тогда почему бы тебе не воспользоваться ей для работы? Почему бы тебе не взяться за дело и не приступить к этому, - Макиавелли указал на отодвинутую рукопись.

- Мы уже проходили это, Никколо. Я не писатель. Я отец, муж, винодел, и доволен такой жизнью.

- Ну, все ясно.

София принесла новую бутылку с красным вином, поставила на стол два чистых бокала, чистые салфетки и корзинку с *пандирамерино**.

- Пожалуй, я оставлю вас наедине обсуждать литературу, - сказала она. - Сейчас я помогу Андреа уложить детей спать и сама кое-что напишу.

- Что же? - поинтересовался Макиавелли.

* Хлеб с розмарином, итальянское блюдо.

- Не бери в голову, - ответила София. - Я хочу услышать, что ты думаешь о вине. Эцио очень беспокоится по этому поводу. А все из-за нескольких бутылок.

- Такими темпами она закончит свою книгу раньше тебя, - усмехнулся Макиавелли.

- Не обращай внимания, - ответил Эцио. - Попробуй. Прошлогодний урожай. Просто катастрофа.

- Ну, раз ты спрашиваешь моего мнения, я попробую.

Макиавелли отпил из бокала, покатав вино на языке, смакуя, и проглотил.

- Это восхитительно, - он улыбнулся. - Снова «санджовезе» или что-то другое?

София светилась от радости, потирая плечо Эцио.

- Видишь? - сказала она.

- Смесь, - довольным тоном пояснил Эцио. - В основном, конечно, «санджовезе». Я не думаю, что все было настолько уж плохо. Мой виноград - лучший.

- Так и есть, - Макиавелли сделал еще один глоток. Эцио улыбнулся, хотя София заметила, что он тайком потянулся к груди, массируя ее.

- Пойдем, - сказала Эцио. - Пока на улице еще светло, я кое-что покажу тебе...

Они вышли на улицу и пошли по дорожке к виноградникам.

- «Треббиано» - для белого вина, - пояснил Эцио, указывая рукой на ряд лоз. - Попробуешь его за ужином. Серена готовит тунца. Ее коронное блюдо.

- Мне нравится, как она готовит рыбу, - отозвался Макиавелли и осмотрелся. - Ты неплохо обустроил все, Эцио. Леонардо был бы горд, увидев, что ты здесь вырастил.

- Только с помощью его инструментов, - рассмеялся Эцио. - Он будет ревновать. Я продаю в два раза больше вина, чем он получает со своих виноградников в Порто Верчинелла. До сих пор не могу поверить, что он отослал туда из Амбуаза этого пройдоху Салаи. - Он осекся. - Что ты имел в виду, говоря, что он был бы горд?

Лицо Макиавелли помрачнело.

- Я получил письмо. На самом деле оно для нас обоих, но прошла бы вечность, прежде чем оно добралось бы сюда, в Фьезоле. Эцио, послушай. Он совсем плох. И хочет нас видеть.

Эцио расправил плечи.

- Когда отправляемся? - спросил он.

В конце апреля они добрались до Кло-Люсе, поместья близ шато Амбуаз, которое король Франциск вручил Леонардо как часть патронажа. Желто-коричневые воды Луары здесь текли медленно, а по берегам росли деревья, на которых уже появлялись первые листья.

Они въехали в ворота, а потом вниз по аллее, засаженной кипарисами, в конце которой их уже ждал слуга. Оставив лошадей на попечение конюха, они вслед за слугой прошли в дом. В большой просторной комнате, чьи окна выходили на сад позади поместья, на кушетке лежал Леонардо, одетый в желтое парчовое платье и наполовину укрытый медвежьей шкурой. Длинные белые волосы и борода Леонардо давно поредели, а на макушке была лысина, но глаза его ярко заблестели, когда он привстал, чтобы поздороваться.

- Дорогие мои друзья, я так рад, что вы приехали! Эттьен! Принеси нам вина и что-нибудь перекусить.

- Мы приехали не для того, чтобы есть. И пить.

- Только посмотри... Эттьен, кто тебе платит? Нет, не отвечай. Тот же, кто платит мне. Просто... делай, как я говорю!

Слуга поклонился и вышел, но вскоре вернулся с подносом, который торжественно поставил на полированный столик. Потом он снова поклонился и негромко сказал гостям Леонардо: «Извините за беспорядок. Это привычка».

Макиавелли и Эцио одновременно улыбнулись. Полированный столик и блестящий поднос были островком порядка в море хаоса. Привычки Леонардо с годами не изменились.

- Как дела, дружище? - спросил Эцио, присаживаясь рядом с художником.

- Я не жалею, но готовлюсь к путешествию, - ответил Леонардо, стараясь, чтобы голос его звучал крепче, чем он был на самом деле.

- О чем ты? - изумился Эцио, - обеспокоенный, что друг мог использовать некий эвфемизм.

- Я не о смерти, - раздраженно отозвался Леонардо. - Я об Англии. Новый король заинтересован в усилении военно-морского флота. Я собирался отправиться туда и продать им мою подводную лодку. Ты же знаешь, венецианцы мне за нее так и не заплатили.

- Они ее так и не построили.

- Это к делу не относится!

- Ты здесь мучаешься от недостатка идей? - спросил Макиавелли.

Леонардо возмущенно посмотрел на друга.

- А ты бы назвал создание механического льва достойной идеей? - огрызнулся он. - Это последняя просьба моего лорда. Механический лев, который ходит и рычит, а в конце на его груди должны открываться дверцы и появляться корзина с лилиями! - фыркнул Леонардо. - Сама по себе идея неплоха, но требовать сделать эту игрушку от меня! От меня! Изобретателя летающих машин и танков!

- И парашютов, - мягко вставил Эцио.

- Он тебе пригодился?

- Весьма.

- Хорошо, - Леонардо указал на поднос. - Разлейте себе вина сами. Мне не надо, - голос его стал тише. - Эттьен прав - сейчас моему желудку более полезно теплое молоко. Они помолчали, а потом Макиавелли поинтересовался:

- Ты все еще рисуешь?

Леонардо печально покачал головой.

- Хотел бы... Но я потерял силы. Я уже ничего не смогу завершить... Я завещал Салаи «Джоконду». Думаю, она пригодится ему, когда он станет старше. Франциск хотел сам ее купить, хотя, кстати говоря, сам я не дал бы за нее и двух пенсов. Это не самая моя лучшая работа. Мне больше нравится та, где я изобразил малыша Салаи в образе Иоанна Крестителя... - Он замолчал, уставившись куда-то в пространство. - Мой дорогой мальчик. Жаль, что я дал ему уехать. Я так по нему скучаю. Но здесь он был несчастен. Пусть лучше присматривает за виноградниками.

- Кстати, я теперь сам выращиваю виноград, - скромно поделился Эцио.

- Я знаю! Очень рад за тебя. Это занятие больше подходит для мужчины в твоём возрасте, чем беготня за головами тамплиеров. - Леонардо помолчал. - Боюсь, они всегда будут с нами, что бы мы ни делали. Возможно, лучше смириться с неизбежным.

- Никогда так не говори! - воскликнул Эцио.

- Иногда у нас просто нет выбора, - грустно ответил Леонардо.

В комнате снова повисла тишина, которую нарушил Макиавелли.

- Что это еще за разговоры, Леонардо?

Леонардо посмотрел на него.

- Никколо. Какой смысл притворяться? Я умираю, поэтому и попросил вас приехать. Мы вдвоем столько пережили вместе. Я хотел попрощаться.

- Я думал, ты собираешься в Англию, к королю Генри.

- Он многообещающий юноша, и я, конечно, хотел бы съездить, - ответил Леонардо. - Но не поеду. Просто не смогу. Эта комната последнее, что я вижу. А еще деревья за окном. Знаете, весной там особенно много птиц... - Он так надолго замолчал, лежа без движения, что друзья тревожно переглянулись. Но тут Леонардо вздрогнул. - Я задремал? - спросил он. - Я не должен спать. У меня нет на это времени. Скоро я усну надолго.

Он снова замолчал, задремав.

- Мы лучше придем завтра, - мягко сказал Эцио. Они с Макиавелли встали и пошли к двери.

- Приходите завтра! - голос Леонардо настиг их на полпути к выходу. - Мы еще поговорим.

Они обернулись и увидели, что он приподнялся на локте. Медвежья шкура сползла, и Макиавелли вернулся и поднял ее, укрыв друга.

- Спасибо, Никколо. Я поделюсь с вами секретом, - Леонардо хитро посмотрел на своих друзей. - Всю свою жизнь, пока я думал, что учусь жить, я просто учился умирать.

Неделю спустя в ночь на 2 мая, когда он испустил последний вздох, они были с ним рядом. Но он так об этом и не узнал.

- Ходят слухи, - грустно сказал Макиавелли, когда они отправились домой, - что король Франциск держал на коленях голову Леонардо, когда он умирал.

Эцио сплюнул.

- Некоторые люди - даже короли – готовы на что угодно, лишь бы о них говорили другие.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Прошло еще четыре года. Маленькой Флавии исполнилось десять лет, а Марчелло было уже восемь. Эцио не мог поверить, что дожил до шестидесяти четырех. «Время мчится безжалостно, его остается все меньше и меньше», - думал Эцио. Но он ухаживал за виноградниками и наслаждался этим, и все еще, под давлением Макиавелли и Софии, продолжал писать мемуары. Он уже начал двадцать четвертую главу!

Он по-прежнему тренировался во дворе, не смотря на болезненный кашель, которым продолжал мучиться. Но свое ассасинское оружие Эцио давно отправил Ариосто. Тревожных вестей из Рима и Константинополя, и даже от Эразма из Роттердама, не поступало. Хотя молодой Лютер на севере все-таки стал причиной предсказанного раскола Церкви. Над миром вновь повисла угроза войны. Но Эцио мог только наблюдать и ждать. От старых привычек сложно избавиться, думал Эцио. Тем более, он уже достаточно долго прожил в деревне, чтобы уловить в воздухе запах приближающейся бури.

Как-то днем он стоял на веранде и смотрел на виноградники, растущие с южной стороны, и увидел на горизонте силуэты трех человек в экипаже. Расстояние было слишком велико, чтобы понять, кто это был, хотя по их незнакомым головным уборам Эцио понял, что они иностранцы. Но экипаж проехал мимо, и Эцио предположил, что они хотят добраться до Флоренции до заката.

Эцио вернулся в дом и прошел в свою комнату. Свое логово. Он опустил ставни на окнах, чтобы закат не мешал ему работать. На столе горела масляная лампа, и вперемешку лежали листы бумаги. Плоды сегодняшнего дня. Эцио неохотно сел, надел очки и, морщась, перечитал написанное. Битва с волколудами! Как ему удалось описать это так скучно?

Его прервал стук в дверь.

- Да? - спросил он, даже немного радуясь, что ему помешали.

Дверь наполовину открылась, и в комнату, не заходя, заглянула София.

- Мы с Марчелло едем в город, - весело сообщила она.

- Что... на пьесу Никколо? - поинтересовался Эцио, отрываясь от чтения. - Не думаю, что «Мандрагола» - подходящее зрелище для восьмилетнего ребенка.

- Эцио, она не идет уже три недели. Тем более мы едем не во Флоренцию, а всего лишь в Фьезоле.

- Я пропустил его пьесу? Он будет в ярости.

- Уверена, он поймет. Он знает, что у тебя голова забита другим. Мы скоро вернемся. Присмотри за Флавией, ладно? Она играет в саду.

- Конечно. Я уже сыт по горло этой писаниной. Думаю, я просто соберу текст из отрывков.

- Действительно, грех проводить такой приятный денек, сидя взаперти, - София немного обеспокоено посмотрела на мужа. - Свежий воздух пойдет тебе на пользу.

- Я не болен.

- Конечно, нет, любимый. Я просто подумала... - она указала на смятые листы, разбросанные по столу. Эцио демонстративно обмакнул перо в чернила и придвинул к себе чистый лист.

- Вот, пожалуйста! Все будет хорошо.

София осторожно прикрыла дверь. Эцио написал пару слов и остановился, нахмурившись. Отложив перо и сняв очки, он скомкал лист, а потом вышел из комнаты. Ему нужно было побыть на свежем воздухе.

Подойдя к сараю, Эцио взял пару секаторов, а затем прошел через сад к ближайшему ряду винограда. Лениво оглядевшись вокруг в поисках Флавии, Эцио не увидел дочь. Он не беспокоился, она была умной девочкой.

Он был уже на полпути к винограднику, когда из соседнего кустарника раздался шум. Флавия захихикала. Она устроила на него засаду.

- Флавия, дорогая, будь у меня на виду!

Куст задрожал, раздался смех. Потом Флавия выглянула. Эцио улыбнулся, покачивая головой.

И тут его внимание привлекло движение на дороге. Он посмотрел в ту сторону и увидел фигуру в странной пестрой одежде. Но солнце светило ему в глаза, и он не мог четко разглядеть, кто приближается. Он поднял руку, прикрывая глаза от солнца, но фигура уже исчезла.

Эцио стер со лба пот и пошел к винограднику.

Чуть позже он забрался в самую глубь виноградника и принялся обрезать усики. На самом деле, этого не требовалось, но ему нужно было чем-то занять руки, пока мысленно он рассказывал историю своей битвы с группой фанатиков, которые называли себя «сыновьями Рема». Виноградные лозы легко касались его рук. Эцио осмотрел одну из кистей винограда и сорвал ягоду. Внимательно оглядел, покатав в пальцах, легонько сжал и удостоверился, что она спелая. Эцио улыбнулся, съел ягоду и вытер пальцы о подол грубой рубахи.

Потом снова вытер со лба пот, довольный работой. Подул ветер, листья винограда зашелестели. Эцио глубоко вздохнул, почувствовал на лице дуновение теплого воздуха, и на мгновение закрыл глаза.

И тут ощутил, как волосы у него на затылке зашевелились.

Эцио открыл глаза и быстро пошел к краю виноградника, смотря в сторону поместья. На дороге стояла Флавия и разговаривала с человеком в странной одежде, которого он уже видел раньше. На нем был остроконечный капюшон.

Эцио бросился к дочери, держа садовые ножницы, словно кинжал. Подул свежий ветер и унес прочь его крик, которым он пытался предупредить дочь. Эцио сорвался на бег, дыхание со свистом вырывалось из разрывающейся от боли груди. Но у Эцио не было времени, чтобы думать об этом. Фигура нагнулась к его дочери.

- Отойди от нее! - крикнул он, споткнувшись.

Человек его услышал, чуть повернул голову, но не поднялся. А Флавия что-то приняла у него из рук.

Эцио был уже рядом. Человек выпрямился, но голову так и не поднял. Эцио швырнул в него ножницы, словно они были метательным ножом, но не докинул, и они упали на землю.

Эцио подскочил к ним.

- Флавия! Иди в дом! - скомандовал он, пытаясь скрыть в голосе страх.

Флавия с удивлением посмотрела на отца.

- Но папа, она же хорошая.

Эцио встал между дочерью и незнакомцем и схватил того за отвороты плаща. Незнакомец поднял голову, и Эцио увидел лицо молодой китайки. Он отпустил ее, растерявшись.

Флавия держала в руке маленькие овальные монетки с квадратным отверстием в центре. Надпись на них - если это была надпись - выглядела странной. Значки. Китайские цян.

Китайка не шевелилась и молчала. Эцио напряженно и внимательно смотрел на нее. Он тяжело с присвистом дышал, но ум его был острым, словно бритва.

А потом он увидел, что на шее у нее знакомая эмблема.

Символ Ордена ассасинов.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Позже, когда София вернулась из города, они втроем сели в гостиной, чтобы поговорить, а дети с любопытством наблюдали за ними с лестницы. Эцио старался вести себя гостеприимно, насколько это было возможным, но оставался непреклонен.

- Я не знаю, что еще сказать, Шао Цзюн. Мне очень жаль.

Китаянка не ответила, но и не рассердилась. Она вообще была очень спокойной.

- Мне жаль. Но я не могу помочь тебе. Я не хочу лезть во все это.

Шао Цзюн подняла на него взгляд.

- Я хотела научиться.

- Научиться чему?

- Как вести. Как возродить мой Орден.

Эцио немного раздраженно вздохнул.

- Нет. Я завязал. Конец. - Он помолчал. - Думаю, тебе пора.

- Эцио, ты что! - отругала его София. - Шао Цзюн проделала такой долгий путь, - она повернулась к гостье. - Я правильно произношу твое имя?

Цзюн кивнула.

- Останешься на ужин?

Эцио смерил жену мрачным взглядом и отвернулся к камину.

- *Спась-ибо*, - сказала Цзюн, коверкая итальянский.

София улыбнулась.

- Хорошо. Мы уже приготовили спальню наверху. Можете остаться - так долго, как захотите.

Эцио глухо зарычал, но вслух ничего не сказал. Когда София ушла на кухню, Эцио медленно повернулся и внимательно посмотрел на гостью. Шао Цзюн сидела тихо, у нее была просто идеальная выдержка. Девушка осмотрела комнату.

- Я вернусь до темноты, - зло сообщил ей Эцио.

Он выскочил, не заботясь о манерах. Цзюн с легкой улыбкой смотрела ему вслед.

Оказавшись на улице, Эцио поспешил скрыться в своем винограднике.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Эцио стоял в детской, наблюдая за спящими при свечах детьми. Потом подошел к окну и закрыл его, после чего вернулся к кровати Флавии и присел на край, с тяжелым сердцем смотря на детей. Они выглядели такими мирными, что казались почти ангелами.

В комнате стало светлее - вошла София со свечой в руках. Эцио посмотрел на нее и улыбнулся, София ответила на его улыбку и села на кровать Марчелло.

Эцио молчал.

- Ты в порядке? - немного робко спросила она.

Эцио задумчиво посмотрел на детей.

- Я никак не могу оставить прошлое, - пробормотал он и перевел взгляд на жену. - Я слишком поздно спохватился, София. Я знал, что у меня не хватит времени, чтобы успеть все... Но теперь я боюсь, что не успеваю ничего.

Взгляд у Софии был грустным, но понимающим.

Сверху донесся слабый скрип, Эцио и София посмотрели на потолок.

- Что она делает на крыше? - пробормотал Эцио.

- Оставь ее в покое, - ответила София.

Шао Цзюн стояла на крыше из красной черепицы возле дымохода, внешне расслабленная, но в любой момент готовая к атаке. Девушка внимательным взглядом осматривала залитый лунным светом двор, а ночной ветер развеивал ее волосы.

На следующий день Эцио вышел из дома рано; небо было серым. Он посмотрел на крышу, но, хотя окно гостевой комнаты было открыто, самой Шао Цзюн не было видно.

Он окликнул ее, но ответа не услышал. Эцио отправился раздавать приказы работникам - приближалось время урожая. Он молился, чтобы в этом году был хороший урожай.

Виноград уже выглядел многообещающе, да и погода летом была благоприятной. Начало созревания винограда было неплохим, но Эцио хотел перед срезкой перепроверить уровень сахара и кислоты в гроздьях. Потом он бы послал старшего работника в Фьезоле, а если и понадобится бы, во Флоренцию, чтобы нанять сезонных работников. Это будет тяжелое время, но Эцио каждый год ждал его с нетерпением - много работы и мало времени, чтобы думать о чем-то еще. Прибытие Шао Цзюн поставило под угрозу стабильность, давшуюся Эцио с таким трудом. Его это возмущало. Он осознал, что надеется, что она уехала еще до рассвета.

Закончив разговор со старшим работником, Эцио ощутил непреодолимое желание вернуться на виллу, чтобы увидеть, что его молитвы были услышаны. Тем не менее, Эцио сильно сомневался в этом, и когда он вошел в дом, то не заметил ни единого признака того, что гостя уехала. Повинуясь инстинкту, Эцио направился к себе в логово.

Дверь в его комнату была открыта. Он ворвался туда и увидел, что китаянка стоит у стола, заваленного смятыми листами с заметками и воспоминаниями прошлого, и читает часть завершенной рукописи.

Эцио охватила ярость.

- Чем это ты занимаешься? Убирайся отсюда!

Девушка положила пачку бумаг и спокойно посмотрела на него.

- Ветер распахнул дверь.

- Выметайся!

Цзюн прошла мимо него и вышла из комнаты. Эцио подошел к столу и перемешал все бумаги, а потом взял один лист, привлечший его внимание, и прочитал написанное. Потом, ничуть не впечатленный, бросил его обратно в кучу и отвернулся к окну. Цзюн сидела во дворе, спиной к нему, и, видимо, ждала чего-то.

Плечи Эцио поникли. Поколебавшись пару минут, он вышел из кабинета и пошел к ней.

Цзюн сидела на низкой каменной стене. Эцио подошел, кашляя от резкого октябрьского ветра.

Девушка обернулась.

- *Duibuqi* - извините меня. Я не права.

- Верно, - он помолчал. - Думаю, тебе лучше уехать.

Она помолчала, а потом, без предупреждения, процитировала: «Меня зовут Эцио Аудиторе. Когда я был молод, у меня была свобода, но я не замечал ее, у меня было время, но я его не ценил, у меня была любовь, но я ее не чувствовал. Прошло тридцать лет, прежде чем я понял смысл всех трех слов», - она снова помолчала. - Это прекрасно, - добавила она.

Эцио был ошеломлен. Он задумчиво посмотрел на Цзюн. Откуда-то издалека до них донесся звон поводьев.

- Я хочу понять, как и вы, - продолжила Цзюн. – Ради своего народа.

Эцио взглянул на нее уже дружелюбнее.

- Я долго был ассасином, Цзюн. И я знаю, что в любой момент за мной могут прийти. Или за моей семьей, - он сделал паузу. - Понимаешь? Вот почему я так осторожен.

Она кивнула, и Эцио заметил, что ей почти стало его жалко. Он посмотрел на виноградники.

- Нужно нанять людей для уборки винограда, но...

Он замолчал, Цзюн наклонила голову, внимательно слушая.

- Пойдем домой, поедим что-нибудь.

Она соскользнула со стены и проследовала за ним.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Рынок на огромной площади к юго-западу от кафедрального собора был полон, как никогда. Торговцы, бизнесмены, слуги, крестьяне толкались, проходя между прилавками. Сбоку от колоннады, окружавшей рынок, стояла Цзюн и смотрела на суету. День был прохладным, солнце почти не грело. Эцио рядом торговался с продавцом, пытаясь сбить цену на корзину для сборщиков винограда. Цзюн пристально смотрела вокруг, впитывая звуки и виды Флоренции. Она столь же открыто смотрела на людей, сколь открыто люди смотрели на нее. И она была спокойной, и ничуть не беспокоила Эцио.

Эцио сторговался и подошел к ней, похлопав по плечу.

- Если повезет – протянет сезона три, - сказал он.

Она посмотрела на корзину, которую он ей показал, не зная, куда именно смотреть, чтобы оценить качество. Эцио улыбнулся, поняв это.

- Пошли, - кивнул он. - Я хочу кое-что тебе показать.

Они прошли через толпу на площадь Синьории и там сели на лавку близ лоджии, наблюдая, как мимо проходят люди в ярких одеждах. Впрочем, среди прохожих были и те, кто носил дорогой черный шелк и бархат.

- Кто они? - спросила Цзюн.

- Банкиры, - ответил Эцио. - Это своего рода униформа, чтобы они могли узнать друг друга, но она имеет еще одно преимущество: *мы* видим, что это идут именно банкиры.

Цзюн неуверенно улыбнулась.

- Красиво, правда? - продолжил Эцио. – Жизнь кипит!

- Да.

- Но не всегда. Половину моей семьи убили на этой площади. Казнили. Прямо здесь. Сорок пять лет назад. Мне было девятнадцать.

Он на мгновение закрыл глаза, в память о погибших, а потом продолжил:

- Но сейчас мне нравится бывать здесь, здесь так кипит жизнь, и я спокоен. И я рад, что прошлая боль давно рассеялась, - он серьезно посмотрел на нее. - Жизнь ассасина - это боль, Цзюн. Ты страдаешь сама, и приносишь страдания. И надеешься, что со временем она исчезнет. Это очень печально, знаю. Но такова жизнь.

Они некоторое время сидели в тишине. Цзюн казалась настороженной. Потом Эцио заметил, как она напряглась. Она что-то заметила в толпе. Вспышка? Униформа? Один из охранников Синьории? Но мгновение прошло, и Эцио расслабился.

- Ну ладно, - сказал он вставая. – Старику пришло время идти домой.

Она тоже встала, и они пересекли площадь, а потом пошли по улице, так знакомой Эцио, которая шла на восток, а потом сворачивала к северу от Палаццо.

Цзюн тайком бросала взгляды за спину.

На улице, по которой они шли, почти не было людей, и, в конце концов, они вовсе остались на ней одни. Внезапно Эцио услышал шум, но Цзюн, похоже, ничего не заметила. Эцио обернулся.

Он отскочил назад, подняв корзину, словно щит, за которым укрыл Цзюн. Как оказалось, он едва успел - брошенный кинжал вонзился в корзину. Не прошло и секунды, как кто-то приземлился рядом и сильно ударил Эцио в живот. Он пошатнулся и упал рядом с каменной стеной.

Тем временем Цзюн действовала со скоростью света. Она встала между Эцио и его противником - другой китайкой, одетой точно так же, как сама Цзюн, только одежда противницы была более удобна для боя.

Две женщины кружили друг против друга в странном танце, очень медленно, а потом последовал резкий выпад. Девушки наносили друг другу странные скольльзящие удары ребрами ладоней и удары ногами настолько быстро, что Эцио едва мог уследить за их движениями.

Но он видел, что Цзюн уступает. Эцио прыгнул вперед, ударив нападавшую корзиной по голове, и сбил китайку с ног.

Она упала на землю ничком. Цзюн шагнула вперед.

- Цзюн! Она притворяется!

В тот же миг загадочная женщина оказалась на ногах и бросилась на Цзюн с кинжалом в руке. Они упали на землю, покатались, борясь с яростью и ловкостью кошек. Их руки и ноги двигались так быстро, что движения казались размытыми.

А потом раздался дикий крик, противница отпрянула. Ее собственный нож торчал у нее из груди. Она пошатнулась, а потом повалилась на землю, ударившись головой о булыжную мостовую, и затихла. На этот раз это было не притворство.

Эцио оглянулся. Никого.

Он схватил Цзюн за руку.

- Бежим! - приказал он сквозь стиснутые зубы.

Пока они ехали домой в экипаже Эцио, Цзюн все объяснила. Эцио подумал, что она могла бы сделать это и раньше, если бы он дал ей такой шанс. Он мрачно слушал ее историю.

- Мой Наставник желал встретиться с вами. Мы вместе покинули Китай, втайне ото всех. Но нас преследовали. Они догнали нас в Венеции и взяли моего мастера в плен. Он велел мне бежать и завершить нашу миссию. Больше я его не видела.

- Кто они?

- Слуги Чжу Хоуцуна - императора Цзяцзина. Это юноша, почти ребенок, который не был рожден, чтобы править. Но судьба дала ему трон, и теперь он управляет нами безжалостной рукой. - Она помолчала. - Я родилась наложницей, но мой Наставник освободил меня. Позже мы вернулись, чтобы спасти других, но они... - Цзюн осеклась. - Император решил, что если будет ежемесячно выпивать их кровь, то будет жить вечно, - Она замолчала, сглотнула, а потом, с трудом взяв себя в руки, продолжила:

- Цзяцзин жестокий человек. Он убивает всех, кто выступает против него, и предпочитает *ling chi* отрубанию голов.

- *Ling chi*?

Цзюн сделала несколько скользящих движений поперек запястья.

- Это медленный процесс. Множество порезов. А потом - смерть.

Эцио помрачнел, а потом подхлестнул лошадей.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

София сидела в логове Эцио, подбрасывая в камин дрова, когда услышала, как к дому подъезжает экипаж. Встревоженная, она вскочила с кресла. Через мгновение в комнату ворвался Эцио, за которым тенью следовала Шао Цзюн. Эцио бросился к окну и закрыл ставни на засов, и лишь потом повернулся к жене.

- Собирай вещи. Слуги сейчас впрягут в повозку свежих лошадей. Некоторые из них поедут с вами.

- Что?..

- Тебе сегодня лучше переночевать у Макиавелли.

- Что случилось?

- Недопонимание.

София посмотрела на Цзюн, но китайка отвела взгляд, смущенная, что привела неприятности в их дом.

- Дай мне минутку, - попросила София.

Вскоре она и дети уже сидели в экипаже, Эцио стоял у дверей.

Они посмотрели друг на друга, желая что-то сказать, но промолчали.

Эцио отступил и кивнул кучеру. Тот щелкнул вожжами, и лошади двинулись во мрак.

Пока они шли шагом, София успела выглянуть из окна и послать ему воздушный поцелуй.

Эцио поднял на прощание руку, а затем, не дожидаясь, пока они скроются из виду, вернулся в дом и запер за собой дверь.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Эцио и Цзюн сидели друг напротив друга на деревянных лавках у огня. И ждали.

- Когда я впервые начал бороться с Борджиа, мной двигала лишь месть, казалось – отруби змее голову, и конец, - говорил Эцио. - Однако со временем я осознал, что у тиранов гораздо больше преданных сторонников, чем у тех, кто проповедует любовь. Родриго и Чезаре ничего бы не добились, если бы люди не захотели этого сами. - Он задумчиво помолчал. - Я потратил долгие годы, обучая мужчин и женщин думать и действовать самостоятельно. Сначала в Риме, а потом в Братстве в Константинополе.

- Я читала твои труды. Ты должен закончить книгу.

- Важно понять вот что: любовь связывает наш орден воедино. Любовь к людям, культурам, к миру. - Он снова помолчал. - Сражайся за надежду, и ты сумеешь защитить свой народ, Шао Цзюн.

Цзюн смотрела в огонь, и будущее раскрывалось перед ней во всей красе.

- На это уйдут долгие годы, - наконец тихо сказала она.

- Но если ты все сделаешь правильно, так и будет.

Цзюн глубоко вздохнула и расправила плечи, на лице у нее была написана решимость. Она посмотрела на Эцио и кивнула, тот подался вперед и хлопнул ее по плечу.

- Отдохни, - посоветовал он.

Она встала и слегка поклонилась, а потом вышла из комнаты.

Эцио повернулся к огню, отблески пламени играли на его лице.

Глубокой ночью Эцио слышал подозрительные звуки, доносившиеся снаружи, и прошел на кухню. Сквозь закрытые окна лился лунный свет. Эцио взял пару ножей и взвесил их в руке, проверяя балансировку. Недовольный, он положил ножи обратно и огляделся в поисках другого подходящего оружия. Железный ковш? Нет. Разделочная доска? Нет. Может кочерга? Да! Он подошел к печке и взял тяжелую стальную кочергу трех футов длиной, а потом сделал пару выпадов.

Сверху донесся шум, а секундой спустя за окном пролетело чье-то тело. Эцио увидел, как Цзюн встала на корточки, а потом стрелой рванула в ночь. Эцио подошел к двери и снял засов, а потом распахнул.

Снаружи оказался китаец, который тут же бросился на Эцио с *дао*. Ассасин отступил и захлопнул дверь. Удар пришелся по руке противника, сломав ему лучевую и локтевую кости, меч выпал у него из рук, и китаец взвыл от боли. Эцио раскрыл дверь и обрушил на голову противника кочергу, разбивая тому голову. Потом перепрыгнул через труп и выскочил на улицу.

Цзюн оказалась неподалеку, схватившись сразу с тремя противниками. Дела у нее шли плохо, и Эцио появился как раз вовремя. Слуги императора отступили к винограднику и заняли там позицию.

Цзюн немедленно атаковала одного из них. Дралась она без оружия - только руками и ногами. Эцио сбил другого ударом кочерги, въехав ему прямо по лицу. Но третьему удалось вырвать у Эцио кочергу, так что ассасину пришлось сорвать с виноградной лозы деревянный штырь. Повалив противника на землю, Эцио изо всех сил вонзил колышек ему в шею, раздробив шейные позвонки.

Все закончилось. Эцио рухнул на пологий склон, где рос виноград. Он очень устал, но не пострадал. Перехватив взгляд Цзюн, он попытался засмеяться, но смех быстро перешел в хрипящий кашель.

- Звук, словно кошка умирает, - выдавил он.

- Давай, я помогу тебе.

Цзюн подняла его на ноги, и они вместе вернулись на виллу.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТАЯ

Они проснулись задолго до рассвета. Утро было прохладным, сквозь предрассветную дымку пробивались водянистые лучи утреннего солнца.

Шао Цзюн стояла на дороге с сумкой за плечами. Она была готова двинуться в путь, и теперь вглядывалась в даль. Она казалась полностью погруженной в свои мысли, но когда Эцио подошел ближе, повернулась. Дыхание у ассасина по-прежнему было тяжелым.

- Дорога домой будет долгой?

- Зато я увижу множество живописных уголков. *Dashi, xiexie nin* - благодарю, Наставник, - она поклонилась.

Эцио протянул ей небольшой деревянный ящик, который держал в руках.

- Держи. Однажды это тебе пригодится.

Она взяла и развернула ящичек к себе, но когда начала открывать, Эцио ее остановил.

- Нет, - покачал головой ассасин. - Только если ты утратишь свой путь.

Цзюн кивнула и убрала подарок в сумку. Эцио, прищурившись, смотрел мимо плеча Цзюн на дорогу. Вдалеке развевались знамена приближающихся солдат.

- Тебе пора, - проговорил он.

Цзюн проследила за его взглядом, кивнула и пошла к виноградникам на другой стороне дороги. Эцио смотрел, как она быстро направляется к подножью ближайшего холма.

Вскоре подъехали солдаты, Эцио поприветствовал их. Когда он снова посмотрел туда, куда ушла Цзюн, ее уже не было.

Несколько недель спустя, когда был собран последний урожай и отпразднован девятый день рождения Марчелло, Эцио вошел в свой кабинет, чтобы поработать. В этот раз он продвинулся намного дальше. Посмотрев на последний чистый лист, лежащий перед ним, он обмакнул перо и, с трудом концентрируясь, написал несколько слов. Перечитав написанное, он улыбнулся. И тут же выронил перо, ощутив резкую боль в груди.

В дверь постучали.

- Да? - спросил он, собираясь с силами и ставя перо на подставку рядом с чернильницей.

В комнату вошла София.

- Я собираюсь съездить с детьми в Фьезоле. Мы вернемся на закате.

- Хорошо.

- Завтра рыночный день, ты поедешь с нами?

- Да.

- Уверен?

- Я в порядке.

София вышла, прикрыв дверь. Эцио задумчиво сидел какое-то время, потом, удовлетворенный, собрал бумаги лежащие на столе, аккуратно сложил их и перевязал лентой.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ

Следующий день выдался прекрасным и свежим. Они пообедали во Флоренции, потому что София планировала совершить еще пару покупок до возвращения. Эцио, идущий на пару шагов позади жены и детей, вдруг вздрогнул и согнулся в приступе кашля. Потом уцепился за стену, чтобы не упасть.

София тут же оказалась рядом.

- Ты должен был остаться дома.

Он улыбнулся.

- Я и так дома.

- Посиди здесь, - она указала на ближайшую лавку. - Подожди нас. Мы будем рядом, вот там. Это займет буквально пару минут.

Он кивнул, смотря, как жена вместе с детьми идет чуть дальше по улице, а потом устроился поудобнее, ожидая, когда боль утихнет.

Мимо него туда-сюда ходили люди, спешившие по своим делам. Эцио было хорошо, и он с удовольствием рассматривал жителей города. Вдохнув запах рынка, раскинувшегося вокруг, он прислушался к голосам торговцев.

- Я люблю этот город, - сказал он сам себе. Дом. Дом. Наконец-то.

Его мысли прервал сварливый голос молодого итальянца, который плюхнулся на скамью рядом с ним.

- Дьявол! Я ненавижу этот проклятый город. Хотел бы я оказаться в Риме! Говорят тамошние женщины... ммм... как спелый виноград. Не то, что здесь. Флоренция! - он сплюнул на землю.

Эцио покосился на него.

- Не думаю, что твоя проблема, это Флоренция, - заметил он, его глубоко задела слова юноши.

- Извини, что?

Эцио собирался ответить, но боль снова скрутила его, он вздрогнул и начал задыхаться. Юноша повернулся к нему.

- Спокойно, старик.

Он схватил задыхающегося Эцио за запястье. Посмотрев на его руку, Эцио подумал, что захват необычайно сильный, а в выражении лица юноши было что-то странное, почти знакомое. Но, скорее всего, ему просто показалось. Эцио встряхнул головой.

- Отдохни немного, - сказал юноша.

Он встал и пошел дальше по улице. Эцио кивнул в знак запоздалого согласия, а потом откинулся на спинку скамьи, разыскивая в толпе Софию. Она оказалась у прилавка неподалеку - покупала овощи. Рядом с ней крутились, играя, Флавия и Марчелло.

Эцио закрыл глаза и пару раз глубоко вдохнул. Дыхание у него выровнялось. Юноша был прав. Ему следует отдохнуть...

София сложила овощи в корзину, когда по спине у нее прошелся холодок. Она подняла взгляд и посмотрела туда, где сидел Эцио. В его позе было что-то странное.

Не желая признаваться себе в том, что случилось то, чего она так боялась, София, прикрыв рот ладонью, поспешила к мужу, оставив детей играть у прилавка.

Когда она подошла ближе, то замедлила шаг, села рядом с Эцио и взяла его за руку. А потом положила его голову себе на плечо и обняла.

Несколько человек с беспокойством посмотрели в их сторону, но в целом жизнь на улице шла своим чередом.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ

Позже вечером этого же дня, после того как они вернулись домой, София проводила Макиавелли и вошла в кабинет. Дети уже спали. Она не знала, что с ними будет, когда они поймут, что произошло.

Камин в кабинете давно погас. София зажгла свечу и подошла к столу. Взяла аккуратно сложенную и перевязанную лентой пачку листов и прочитала:

*«Меня зовут Эцио Аудиторе. Когда я был молод, у меня была свобода, но я не замечал ее, у меня было время, но я его не ценил, у меня была любовь, но я ее не чувствовал. Лишь много лет спустя я понял смысл всех трех слов. И теперь, на закате моей жизни, он ясен мне как никогда. Любовь, свобода и время... в моем распоряжении их предостаточно, и они являются той силой, что движет меня вперед. Особенно любовь, моя дорогая, к тебе, нашим детям, нашим братьям и сестрам... и к огромному удивительному миру, который дал нам жизнь и наполнил ее смыслом. Бесконечно сильно люблю тебя, моя София. Навеки твой,
Эцио Аудиторе».*

~КОНЕЦ~

©Перевод – Airing и Хель, 2012